

**За каждым эпизодом –
повесть, целая эпопея**
Лиза Чапник

Благодарности

Автор выражает благодарность следующим людям, благодаря которым стало возможным написание и издание этой книги:

Зуховицкому Владимиру Львовичу, Зуховицкому Олегу Владимировичу, Посвистелику Александру Александровичу, Коржу Михаилу Семёновичу, Авдею Францу Антоновичу, Купряновичу Александру Ювенальевичу – инициаторам и спонсорам восстановления Гродненской Большой Хоральной синагоги, учредителям музея «Истории евреев Гродно»;

Ерузалиму Беньямину Эфроимовичу, основателю музея «Истории евреев Гродно», за идею создания экспозиций, посвященных Е.И.Чапник-Машевицкой и А.А.Руд;

Ковалеву Александру Александровичу, директору фирмы «Пульс», организатору и спонсору поездки в Беэр-Шеву в 2013 г.;

Лыкосову Аркадию Александровичу за огромную помощь при работе над книгой. Лыкосов А.А. – автор главы «Анна Руд», с ним в соавторстве написана глава «Горячее сердце»;

Машевицкому Григорию Ильичу за неоценимую помощь в отборе биографического материала и тесное сотрудничество в процессе написания книги;

Елизавете Иосифовне Чапник-Машевицкой и Анне Абрамовне Руд за активное участие и помощь в воссоздании исторически точной картины военного и послевоенного времени;

Саяпину Виктору Юрьевичу, краеведу, благодаря которому многие описанные в книге события обрели достоверные подробности и прочно увязались с исторической биографией города Гродно;

Галине Сергиенко, сотруднице архива музея «Лохамей Агетатот» («Борцы гетто»), и *Елене Драгицкой*, редактору русскоязычных периодических изданий, за добровольную помощь в редактировании книги;

Рыжему Александру Александровичу, главному редактору издательства «ЮрСаПринт» за проявленный интерес к изданию этой книги.

Марина Шепелевич

**Путь девушки из Гродно:
еще одно восхождение**

Гродно
«ЮрСаПринт»
2015

УДК 94(476)
ББК 63.3 (4Бел)622

Ш 48

Рецензент

В.Ю. Саяпин, краевед

Шепелевич М.А.

Ш 48 **Путь** девушки из Гродно: еще одно восхождение / М.А. Шепелевич. – Гродно: ЮрСаПринт, 2015 – 216 с.

ISBN 978-985-7134-07-6

В книге рассказывается о Лизе Чапник – председателе белостокского антифашистского комитета, уроженке г. Гродно. Жизнь и деятельность Л. Чапник разворачивается на фоне исторических событий, охватывающих период от межвоенного двадцатилетия до современности.

Героине посчастливилось встретить многих замечательных людей, о которых также рассказывается в этой книге.

Для широкого круга читателей.

УДК 94(476)

ББК 63.3 (4Бел)622

ISBN 978-985-7134-07-6

© Шепелевич М.А., 2015

© Оформление.

ООО «ЮрСаПринт», 2015

Предисловие автора

Когда задуман рассказ о человеке, судьба которого вызвала интерес, то перед повествователем, историком, писателем, хронистом встает нелегкая, а даже, лучше сказать, непосильная задача – создать правдивый образ живого человека, а из множества фактов его временами обычной жизни вычлениить те, которые определенно подтвердят: завораживающая личность, удивительная судьба. Чтобы осуществить эту задачу, необходимо углубиться в размышления, сосредоточиться на главном.

Наш рассказ о Елизавете Иосифовне Чапник-Машевицкой – уроженке Гродно, участнице антифашистского подпольного движения на территории гродненского и белостокского гетто и за их пределами в годы фашистской оккупации. Во время войны ее семья, множество родственников и друзей были уничтожены нацистами. После гибели родных Елизавета Иосифовна (тогда еще Лиза) стала связной между подпольем белостокского гетто и антифашистами, работавшими на арийской (т.е. за пределами гетто) стороне Белостока. Затем была назначена председателем белостокского антифашистского комитета, объединившего многонациональные антифашистские подпольные группы, действовавшие в районе Белостока. Она, Елизавета Иосифовна Чапник – Лиза Чапник, действовавшая под псевдонимом Марыся Мрозовская, – являлась одним из вдохновителей и активнейших участников этого мощного антинацистского движения сопротивления.

Лиза выполняла сложные, опасные задания: добывала разведданные, участвовала в вербовке новых членов подполья, изготовлении листовок, в добыче и переправке оружия для бойцов гетто и партизан. Огонь, горевший в ней, не угасал никогда, зажигал другие сердца, не давал людям согнуться, отступить под гнетом обстоятельств. Позже, уже находясь на посту председателя белостокского антифашистского комитета, Лиза не перестала выполнять работу «рядового» члена подполья. Горечь и боль потерь не оставались в ней просто эмоциями, но выливались в конкретные дела, которые наносили ощутимые удары нацистскому режиму.

Белостокский антифашистский комитет объединил еврейские, польские, белорусские, русские, немецкие группы после ликвидации белостокского гетто в августе 1943 года. Деятельность комитета описывается во многих книгах и статьях на идише, иврите, немецком, английском, польском, языках. Конечно, многое из написанного было недоступно русскоязычному читателю. На русском языке также публиковались немногочисленные исследования, в частности, работа гродненского историка В. Верхося по изучению деятельности белостокского антифашистского комитета. О деятельности подполья рассказывается в его статьях, опубликованных в республиканских и областных белорусских изданиях. Одна из них – «Девушка из Гродно» – была напечатана в 1958 году в «Гродненской правде». В книге «В борьбе закаленные» В. Верхось посвятил отдельный раздел белостокскому подполью¹. Упоминания о Лизе Чапник содержатся в «Черной книге» В. Гроссмана и И. Эренбурга, готовившейся к печати еще в 1948 году, но на русском языке изданной лишь в 1980 году в Иерусалиме издательством «Тарбут». К сожалению, в публикациях советского периода, где все же отдается дань белостокским подпольщикам и девушке по имени Лиза Чапник, ни слова не сказано ни о ее еврейском происхождении, ни о жизни в гетто, ни об участии в еврейском подпольном движении, ни о том, что была связной между гетто и арийской стороной. Позже, когда пришло другое время и стало возможным писать правду, были опу-

¹ Верхось В. П. В борьбе закаленные. Минск, 1970.

бликованы воспоминания бывших партизан, и Сергей Беркнер в своей статье о деятельности белостокского подполья написал: «За пределами гетто опасную подпольную работу вели девушки-связные Анна Руд, Лиза Чапник, Хася Белицкая, Броня Винницкая, Хайка Гроссман»².

Вот что смог предоставить в 1991 году Государственный областной архив г. Гродно в ответ на запрос о судьбе евреев Гродно в годы Второй мировой войны:

«В документах Государственного архива Гродненской области содержатся документы, подтверждающие, что в г. Гродно в годы немецко-фашистской оккупации советские граждане еврейской национальности, жители г. Гродно, были заключены 1 ноября 1941 г. в гетто, ликвидировано гетто в феврале 1943 г.

В историческом очерке «Гродно» (Минск, 1964), в разделе «Гродно в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)» отмечается:

«В январе 1942 г. в Гродно в гетто № I была создана подпольная антифашистская организация, в состав которой входили... комсомольцы Н. Любич, Е. Чапник, А. Руд и другие. <...> Большую роль в организации борьбы против немецко-фашистских захватчиков сыграла в Белостокской области, в том числе и в Гродно, Елизавета Иосифовна Чапник. Подпольная организация подготовила для Лизы документы на имя Марии Морозовской, и вскоре она переехала в Белосток (конец 1942 г.), где стала сначала членом подпольного руководящего центра, а затем председателем комитета антифашистской организации.

В материалах судебного процесса над военными преступниками, проходившего в ФРГ, «Документы, относящиеся к уничтожению евреев в Гродно в 1941–1944 гг.», том III, стр. 449, в списке оставшихся в живых узников гродненского гетто значится Чапкина (Чапкова) Лиза.

Других данных не обнаружено».

Итак, при наличии существующих источников, следует признать, что подробных систематизированных сведений,

² Беркнер С. Евреи в борьбе с немецким фашизмом в тылу врага // Корни. № 10. С. 92–123.

носящих биографический характер, и описания подпольной деятельности Лизы Чапник и ее товарищей не существует. Как следствие – Елизавета Чапник (и не только она) и ее роль в борьбе с нацизмом в нашем регионе осталась неизвестной. К тому же вклад евреев в сопротивление не освещался должным образом. А это, говоря простым языком, несправедливо. Да и в суматохе послевоенных лет невозможно было оценить, осмыслить, составить единую картину произошедших, казалось бы, не связанных между собой событий Второй мировой войны, распознать истинных героев, понять их вклад в то, что мы сегодня просто живем и просто дышим... «Лицом к лицу лица не увидать – большое видится на расстоянии». Хорошо бы – увидеть... Автор данного исследования и те, кто участвовал в его подготовке, попытались восполнить этот пробел.

И что же? В марте 2013 года, когда начался активный поиск материалов для экспозиции гродненского музея истории евреев³, удалось найти Елизавету Иосифовну! И не только ее, но и Анну Руд – также уроженку Гродно, ее близкую подругу, родственницу и товарища по гродненскому и белостокскому подполью. Обе они живут в г. Беэр-Шева (Израиль) и обе охотно откликнулись на просьбу встретиться. Елизавета Иосифовна и Анна Абрамовна рассказали нам о жизни в военные годы, о боевых товарищах, об ужасающей атмосфере того времени, показали документы военного времени из семейных архивов. В дальнейшем связь с Елизаветой Иосифовной и Анной Абрамовной не оборвалась, наоборот, мы стали общаться по телефону, узнавали все больше о них, об их участии в подпольной борьбе, об их теперешней жизни. Каждый рассказ – всплеск эмоций, ведь прихотливая память вдруг все возвращала: будни в гетто, гибель близких, усталость, ежеминутный риск, существование на грани жизни и смерти, постоянную готовность к борьбе и – все же радость от того, что жизнь продолжается. Безусловно, война, о которой мы так много говорили, раскрывает личность человека,

³ Музей «Истории евреев Гродно» собирает и сохраняет сведения о представителях еврейского народа, чья жизнь и деятельность связаны с Гродно и Гродненской областью. Расположен в Большой хоральной синагоге.

но оказалось, что и мирная жизнь ставила перед Елизаветой Иосифовной такие задачи, которые мало кто мог бы решать с таким достоинством. Добавим, что, хотя предметом внимания первоначально стала судьба отдельного человека, нельзя не заметить, что эта судьба – зеркало истории целого народа. И вместе с тем, ее жизнь – это осознанный отклик на происходящие события и в то же время импульс, направляющий эти события к закономерному итогу.

Сама Елизавета Иосифовна считает главной удачей своей жизни встречи и поддержку многих замечательных людей. Среди них и друзья брата и сестер, и Соломон Михоэлс, и Хирш Смоляр, и Бронислав Бурдзинский, и Алексей Карпюк, и А. И. Воробьев, и многие другие, встреча с которыми предстоит читателю на страницах этой книги.

В нашем распоряжении оказались книга воспоминаний Хаси Белицкой-Борнштейн «Одна из немногих», также уроженки Гродно, подруги Лизы и Ани и участницы подпольного сопротивления, и воспоминания Феликса Зандмана «Никогда не гаснет надежда», в русском переводе вышедшие под названием «От Вишей к “Вишей”. Через тернии к звездам», нашего знаменитого земляка, также чудом уцелевшего в огне Холокоста. Исторические очерки, посвященные жизни еврейской общины Беларуси и событиям Второй мировой войны в этом регионе, дневниковые записи участников событий, архивные документы позволили воссоздать исторический контекст ниже описываемых событий.

Когда началась работа по изучению собранных материалов, оказалось, что фигуру такого масштаба, как Лиза Чапник, сложно заключить в рамки краткой музейной экспозиции, поэтому идея собрать, систематизировать, сохранить полученные сведения о ней совершенно естественно вылилась в необходимость написать книгу. Личные воспоминания и вышеперечисленные материалы и составили основу этого, как мы надеемся, документального повествования.

Мемориальная доска памяти еврейской общины
г. Гродно, установленная на месте еврейского
кладбища (ныне стадион «Неман»).

В посвящение включены слова: « Вот, Я введу
дух в вас, и оживете». (Иезекииль, 37:5).

Евреи в Гродно

Начало описываемых событий относится к периоду между двумя мировыми войнами, и здесь, думается, уместно кратко напомнить, каково было политическое и социальное положение гродненского еврейства накануне Второй мировой войны. Евреи, которые поселились в Гродно (согласно некоторым источникам, уже в XII веке, но наиболее достоверной датой считают XIV век), «в течение поколений жили очень организованной общиной». Как пишет исследователь Ольга Соболевская, после второго раздела Речи Посполитой (1793 год), когда Гродно в составе западных территорий был присоединен к Российской империи, город входил в так называемую «черту оседлости», т.е. территорию, которую запрещалось покидать представителям иудейского вероисповедания. К тому же евреям не разрешалось жить в сельской местности. Все это обусловило высокую концентрацию еврейского населения именно в городах. В разные периоды доля евреев среди всех гродненцев составляла от 50 до 85% населения.

В 1921 году Гродно вошел в состав независимой Польши. Ольга Соболевская сообщает: «В межвоенный период еврейская община существовала в качестве органа самоуправления, который не только обеспечивал реализацию религиозных нужд евреев, но также осуществлял опеку

над своими членами в самом широком смысле: от социальной поддержки и защиты политических прав и экономических интересов до организации культурной жизни»⁴. Согласно переписи 1921 года, в городе проживало около 18,7 тысячи евреев, в 1931 году – около 21,2 тысячи. Их доля на 1931 год составляла 43% населения. Духовная и культурная жизнь еврейского Гродно была довольно богатой и активной, существовала разнообразная еврейская пресса (газеты «Grodner Kurrier», «Grodner Moment» и др. на идиш).

В 20–30-е годы политическая жизнь еврейской общины Гродно бурлила: здесь и сионистские движения, главной идеей которых была репатриация в Эрец-Исраэль, такие как партия «Поалей Цион»⁵, религиозные сионисты «Мизрахи»⁶, молодежные организации «Ха-шомер ха-цаир»⁷, «Дрор»⁸, «Бейтар»⁹, члены которого тренировались, чтобы с оружием в руках освобождать Эрец-Исраэль, а также антиссионистская партия Бунд¹⁰, коммунисты в составе КПЗБ как автономной организации КПП¹¹.

⁴ Сабалеўская В. Габрэўская суполка і жыццё горада / Гародня Х–ХХ стст. Каралеўскі горад з правінцыйным лёсам. Гародня, 2014.

⁵ «Поалей Цион» («Рабочие Сиона») – Еврейская социал-демократическая рабочая партия, образована в 1900–1901 гг. в Екатеринославе по инициативе еврейских публицистов Б. Борохова и Ш. Добины. После Октябрьской революции раскололась на левое и правое крыло.

⁶ «Мизрахи» – религиозно-сионистская организация и движение, созданное в Вильнюсе в 1902 г. на международной конференции религиозных сионистов, созванной рабби Ицхаком Яковом Рейнзем.

⁷ «Ха-шомер ха-цаир» («Юный страж») – молодежное левосоциалистическое сионистское движение, созданное в 1916 г. в Вене членами галицийских молодежных сионистских групп, целью которого было переселение молодежи в Эрец-Исраэль и подготовка к киббуцной жизни.

⁸ «Дрор» («Свобода») – еврейское социалистическое молодежное движение в России во время Первой мировой войны, лозунгами которой были еврейский национализм и социализм в сочетании с поддержкой еврейской культуры и личного участия в халуцианском движении в Эрец-Исраэль. После революции 1917 г. основным центром движения стала Польша, а в 1925 г. ее члены присоединились к партии «Поалей Цион».

⁹ «Бейтар» («Союз имени Иосифа Трумпельдора») – молодежная сионистская организация, созданная в Риге в 1923 г.

¹⁰ Бунд – Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России; Еврейская социалистическая партия, действовавшая в России, Польше и Литве от 90-х гг. XIX в. до 40-х гг. XX в.

¹¹ В августе 1938 года решением Исполкома Коминтерна Коммунистическая партия Польши была распушена.

*Большая хоральная синагога – центр
духовной жизни гродненского еврейства
(ныне ул. Большая Троицкая, 58^а)*

*Люди, собравшиеся в праздник
у Большой хоральной синагоги*

Что касается взаимоотношений еврейской общины и городской власти, то они строились на принципе сотрудничества, представители общины имели свои мандаты в городском совете. Межэтническая обстановка в Гродно характеризовалась относительным спокойствием, еврейских погромов как явлений привычных в Гродно не было, поэтому два больших погрома 1920 и 1935 годов стали настоящим потрясением не только для еврейской общины, но и для остальных национальностей города. Но, как отмечает ряд исследователей, иногда обострялись межэтнические конфликты, и «через полтора десятка лет существования независимой Польши в городе уже сформировалась почва для антисемитских действий более широкого масштаба»¹². Это в первую очередь проявлялось в напряженности между еврейской и польской общественностью и имело выражение как на бытовом уровне (например, осквернение древнего кладбища около Большой синагоги), так и в «виде разных идеологических концепций». В целом, в 20–30-х годах «постепенно исчезала давнишняя обособленность «еврейского квартала». Евреи активно участвовали почти что во всех сферах общественной жизни города».

1 сентября 1939 года началась Вторая мировая война. Как сообщает польский историк Ян Ежи Милевский, «кроме бомбежек, которые неожиданно для всех начались уже 1 сентября, Гродно сначала не чувствовал непосредственной военной угрозы... Немецкая угроза стала реальной только после захвата Белостока (15 сентября 1939 года)... Отдельные военные части на северо-западных границах города обстреливали немецкие патрули, которые на мотоциклах или легковых автомобилях иногда появлялись в окрестностях»¹³. Утро 17 сентября 1939 года открыло совершенно новую эпоху в жизни некогда польского еврейства.

¹² Павач А. У польскай дзяржаве / Гародня Х–XX стст. Каралеўскі горад з правінцыйным лёсам. Гародня, 2014.

¹³ Мілеўскі Я. Е. Паміж чырвонай зоркай і сваastyкай / Гародня Х–XX стст. Каралеўскі горад з правінцыйным лёсам. Гародня, 2014.

Еврейский квартал в окрестностях Большой хоральной синагоги

На территории Западной Беларуси установилась советская власть. «Уже 22 сентября в городе начало действовать Временное руководство в составе пяти человек. Была создана милиция и рабочая гвардия»¹⁴. Начались перемены, которые коснулись всех сфер жизни: политической, экономической, социальной. Еврейская часть населения теперь уже СССР также была вовлечена в этот процесс. Вся еврейская сионистская деятельность была запрещена, в том числе молодежные движения, на их место пришли пионерская организация и комсомол. Закрылись синагоги. В течение нескольких месяцев была реорганизована и приведена в соответствие с существующей советской школьная система образования. Уменьшилось число белорусских и еврейских школ. Начались политические репрессии, даже известные еврейские коммунисты были обвинены в троцкизме и отправлены в Сибирь. «Праздники и похороны, пособия и пожертвования, подаяния и безвозмездные ссуды, взаимное поручительство и общественная ответственность, воспита-

¹⁴ Там же.

ние в духе солидарности, щедрости, чуткости к ближнему, осознание единства судьбы – все это исчезло разом. И вместо всего этого возникла гражданская власть, вскормленная на вере в исправление мира путем коммунистических преобразований», – вспоминает Хася Белицкая. Однако советская власть принесла с собой и нечто хорошее: были запрещены проявления антисемитизма, исчезла опасность погромов, культура и образование стали достоянием всех, в том числе и евреев, они были уравнены в правах с поляками, стали занимать государственные посты. С радостным удивлением еврейские дети почувствовали себя равными с другими сверстниками. Надо признать, что еврейская молодежь охотно окунулась в советскую жизнь: все было новым, интересным, открывались недостижимые до этого времени возможности в сфере образования и общественной деятельности, – в общем, готовились жить в справедливом обществе.

GRODNO. Ulica Dominikańska

Fot. L. Gelgyr

Улица Доминиканская (ныне - ул. Советская)

Гродно. Семья и школа. (январь 1922 – июнь 1941)

Лиза Чапник родилась 22 января 1922 года в Гродно, Польша (сегодня Беларусь) в еврейской семье. Отец был религиозным человеком, и семья придерживалась еврейских традиций. Они жили на центральной улице города – Доминиканской (ныне улица Советская – *М. III.*), но из-за финансовых трудностей переехали в дом бабушки на улицу Найдуса, 6. Отец Лизы, Иосиф (р. 1886 г. – погиб в 1942 г.), владел магазином, мать, Этель – Эстер (р. 1888 г. – погибла в 1942 г.), занималась домашним хозяйством. В семье воспитывалось четверо детей: Берта, Сара, Григорий, Лиза – самая младшая.

Елизавета Иосифовна рассказывает: «Фашисты убили всю мою семью в Холокосте: маму, папу, сестер, брата, тетю и дядей. Семья была замечательная. Наша квартира всегда была полна молодых людей, и друзья моего брата и сестер стали и моими друзьями, их имена встретятся в любом рассказе о моей жизни. Аня рядом со мной всю жизнь. Янкель и Циля Гольдфарб, Муля и Эда Котовские – друзья моего брата Гриши. Соломон и Эстерка Жуковские, Хая Гутман, Додик Ребейков – друзья моей сестры Берты.

У меня очень хорошие родители. Мама была необыкновенно добрым человеком: мудрой, добросердечной и преданной. Ее четыре сестры: Злата, Соня, Яха и Лиза Шулькес – часто обращались к ней за советом. Наш дом был всегда полон людей: родственники, друзья Берты, Гриши и

Улица Найдуса

Сары. Атмосфера в доме всегда оставалась очень теплой и дружеской. Я была младшей в нашей семье, на четырнадцать лет младше моей сестры Берты. Мама помогала многим беженцам из Польши, из Варшавы. В 1939 году, когда немцы оккупировали Варшаву, многие из друзей брата по Варшавскому университету приехали в Гродно и приходили к нам на обед. В доме у бабушки и дедушки в двух маленьких комнатах вместе с нами смогли разместиться только две пары самых близких друзей. Это были друзья брата Янкель Гольфарб и его

жена Циля, с которыми он учился в университете. Они покинули Варшаву, как только немецкая армия оккупировала город, приехали к нам и жили с нами. Но в 1940 году советская власть выселила всех новоприбывших из Гродно, потому что город находился на границе Польши и СССР. Янкель и Циля должны были покинуть Гродно и переехать в Слоним. Янкель был болен и поэтому мог есть только белый хлеб. Мапочка послала человека с мешком белой муки для Янкеля. Она отдала этому человеку мебель (всю спальню) и деньги, чтобы тот доставил груз в Слоним.

Папа был религиозным человеком. Каждую пятницу он приглашал к ужину учащихся ешивы. Раввин говорил моим родителям, что ученики ешивы наслаждались пребыванием в нашем доме и обычно просили о новом визите к нам. Мапочка прикладывала все силы, чтобы приготовить для них вкусные блюда, осматривала их одежду и проверяла, починена ли она. Как правило, мамочка проси-

Семья Лизы Чапник.

*Сидят: Иосиф и Эстер Чапник, Злата Шулькес, Соня Чернова.
Стоят: Яха Гофман, Самуил Мышалов, Лиза Мышалова*

ла их еще принести свою одежду, чтобы ее починить. Мама была домохозяйкой, всегда много работала, потому что заботилась обо всей семье. Она была очень добрым и гостеприимным человеком, поэтому у нас всегда было много народу: все друзья и брата, и сестер любили бывать у нас. Мама всегда старалась помочь нуждающимся, иногда с риском для жизни. Во время погрома в Гродно в 1935 году она заметила через окно человека, бегущего по нашей улице Найдуса. Он истекал кровью. Она выскочила, завела этого человека в наш двор, умыла его и обработала порезы и раны. Он оставался у нас дома, пока не пришел в себя.

У бабушки был небольшой магазин пуговиц на площади Батория¹⁵ (ныне площадь Советская – М. III.). Когда она умерла (бабушка Лея, как раз мое имя Лея, Лиза, это в память о ней), в магазине этом работал папа. Они молодыми умерли, “умерли” – погибли в лагере, в Трешлинке... Они были, конечно, молодые еще люди.

¹⁵ По состоянию на 1929 г. по адресу пл. Батория № 40 находился галантерейный магазин Ю. Чапника (информацию предоставил краевед В. Саяпин).

Григорий Чапник

Родителям трудно было посылать Грише деньги. Поэтому брат содержал себя сам.

Берта окончила Вильнюсский педагогический институт. Когда вернулась в Гродно, организовала детский сад для детей 3–6 лет. Вначале детский сад был в нашей квартире на Доминиканской улице, а затем Берта с семьей – она вышла замуж за Самуила (Мейму) Гольдинберга, учителя труда, у них родилась дочь Аллочка – переехала на ули-

Брат Гриша окончил факультет правоведения, стал адвокатом, а также технический факультет в Варшавском университете. Ему Януш Корчак¹⁶ очень помог, как и многим другим студентам. Он дал комнату Грише и Муле Котовскому, его другу из Гродно, и они жили там, в детском доме у Януша Корчака, и занимались с детьми 2–3 часа в день. Я помню, что в своих письмах домой Гриша очень тепло отзывался о доме сирот. Однажды написал, что собирали молочные зубы детей, а потом построили из них дом. Родителям

¹⁶ Януш Корчак (22. 07. 1878 – 5 или 6.08. 1942, Треблинка) – настоящее имя Генрик Гольдшмит. Врач, педагог, писатель, общественный деятель. Родился в Варшаве в ассимилированной еврейской семье. Получил образование врача, но оставил медицину, посвятив себя воспитанию детей, научившись «читать детские души». Основал в Варшаве дом для сирот. Автор книг по воспитанию: «Как любить ребенка» (1914) и «Право ребенка на уважение» (1929), «Король Матиуш I» (1923). Вместе с детьми-сиротами находился в Варшавском гетто, отдавая все силы заботе о них. Пользовался огромным уважением и среди неевреев, тем не менее отказался от предложения выйти из гетто и спрятаться на арийской стороне, мотивируя тем, что не может бросить 200 детей «одних в газовой камере». Возглавил колонну детей-сирот в день депортации приюта, отклонил предложение выйти из колонны. Шел гордо, даже вспомогательная полиция стояла по стойке «смирно». Погиб вместе с детьми в газовой камере. В Яд ва-Шем (Национальный музей Катастрофы и героизма, Иерусалим) установлен монумент «Януш Корчак и его дети» (1978).

Берта Чапник

Сара Чапник

цу Бригитскую (ныне ул. К.Маркса), и детский сад переехал вместе с ними. Феликс Зандман¹⁷ тоже жил на улице Бригитской и посещал детский сад Берты, когда ему было пять лет. Я должна сказать, что у Феликса была блестящая память, он описал детский сад Берты в деталях: что стояло и висело в главном зале, в коридоре, даже те детали, которых я не помню. Феликс на всю жизнь запомнил доброту, преданность и красоту Берты. Дети в детском саду очень ее любили. Я даже помню, что некоторые из них хотели остаться и не уходить. Берта была доброй, нежной, она очень любила детей. Потом она в школе работала.

Сара работала в аптеке, она училась на фармацевта.

Я училась в польской общеобразовательной школе, потом в гимназии. Очень хорошо помню, как счастлива была, когда отдала маме свое первое жалованье. Эти деньги я за-

¹⁷ Феликс (Файвел) Зандман (7.05.1997, Гродно – 4.06.2011, США) – ученый, изобретатель, основатель и главный технический директор международной компании «Vishay Intertechnology», одного из крупнейших поставщиков электронных компонентов в мире. Выжил в Катастрофе благодаря помощи Анны и Яна Пухальских, которым впоследствии институтом Яд ва-Шем было присвоено звание Праведников мира.

Вид на площадь Батория

работала частным уроком. Я начала давать уроки в возрасте четырнадцати лет мальчику из моего класса – Дубинскому. Уроки проходили каждый день, учила его латыни, математике и французскому. У его родителей была аптека возле моей гимназии.

Мое детство проходило в необыкновенно теплой и дружеской семейной атмосфере. Я росла вместе с двоюродными братьями и сестрами.

Лазарь (Люсик) Чернов – сын Сони Шулькес и Арона Чернова. Мы с Люсиком росли вместе, в детстве играли вместе и остались друзьями на всю жизнь. Люсик всегда помогал мне и, с другой стороны, следовал моим советам. В 1940 году, сразу после окончания школы, Люсик уехал в Ленинград учиться и в 1941 году оттуда ушел на фронт.

Давид (Додик) Мышалов – сын Лизы Шулькес и Самуила Мышалова, в детстве был хулиганистым. Когда я была у них в гостях, играла с его сестрой Идой, Додик предлагал нам взять без спросу варенье. Он говорил, что все равно все съест сам и скажет, что съели мы, так что нам луч-

ше хотя бы попробовать. Наш дедушка всегда уговаривал нас с Люсиком собрать сливы с дерева во дворе его дома и поесть, потому что после прихода Додика слив уже не останется. Давид был отличным пловцом, одним из лучших в Польше¹⁸, кажется, он был чемпионом Польши. Однажды я играла на пляже Мерки в Пышках, Додик схватил меня, посадил на спину и переплыл со мной Неман. Я до сих пор помню свой испуг. Додик уехал учиться в школу юнг в Англию еще до 1939 года. Он воевал, кажется, был командиром подводной лодки в британском флоте.

Павел Гофман – сын Яхи Шулькес. Солист оркестра Эдди Рознера¹⁹. Рознер в 1933 году уехал из Германии в Варшаву, а в 1939-м вместе с Идой Каминской бежал в Белосток. До начала войны Эдди Рознер с оркестром часто бывал в Гродно. Он вместе с еще одним солистом оркестра (кажется, его звали Луи Маркович) приходил к нам в гости. Я очень смущалась, но до сих пор помню, насколько они оба были обаятельными. Ида Каминская подарила мне красивое платье. Павел вступил в оркестр в Гродно и перед войной уехал на гастролы²⁰.

Миха Лиор – его мамой была Иона Чапник, сестра моего папы. Семья Михи жила в Вильно недалеко от железнодорожного вокзала. Во время каникул меня часто приглашали в Вильно к тете. Мой дядя – папа Михи – работал в типографии в центре Вильно. После окончания школы Миха тоже работал в типографии и, в частности, редактировал и выпускал газету на идише. В августе 1937 года Миха попрощался со своими родителями и уехал в Варшаву, а че-

¹⁸ В. Саяпин в книге «Гродненский спорт. История и достижения. 1919–1939 гг.» пишет, что Д. Мышалов стал чемпионом Гродно по плаванию в 1932 г.

¹⁹ Эдди Рознер (26.05.1910, Берлин – 8.08.1976, Западный Берлин) – джазовый трубач, скрипач, композитор. Как блестящий импровизатор, прозван «белым Армстронгом». В середине 1930-х гг. собрал собственный джазовый оркестр, с которым гастролировал по Европе. Заслуженный артист БССР (1944). Один из наиболее популярных джазовых артистов в СССР, чьи записи были дважды запрещены. Ида Каминская (18.09.1899 – 21.05.1980) – театральная и киноактриса, руководитель Варшавского еврейского театра. Номинантка на премию «Оскар» 1966 г.

²⁰ Павел Гофман с оркестром Эдди Рознера дважды после войны побывал на гастролях в Гродно – в 1946 и 1969 г. (из неопубликованной книги В. Саяпина «Гродно и гродненцы. Тридцать лет XX века»).

рез несколько месяцев нелегкого пути нелегально прибыл в Палестину. Вся семья Михи погибла в Катастрофе».

Летом 1939 года Лиза поступила в реальную гимназию, которая находилась на улице Бонифратерской, 7 (ныне улица Свердлова, здание гимназии не сохранилось – *М. III*). После установления советской власти гимназия открылась как средняя школа № 9 с белорусским языком обучения. Директором школы назначили Х. Л. Величкера. Как рассказывает Елизавета Иосифовна, запомнилась ей и другим ученикам учитель истории Валентина Ивановна Оханина – замечательный и порядочный человек. Коммунистка, родом из Ленинграда, она хорошо знала каждого ученика, многим помогала, заботилась обо всем, что касалось учебного процесса. В школе царила доброжелательная, теплая атмосфера, преподавание велось на высоком уровне. В 1939 году в Гродно начали приезжать советские специалисты с детьми. Их дети стали учиться в школе № 1. Возникло соревнование между двумя школами, в котором выиграли ученики школы № 9, причем по всем предметам. Елизавета Иосифовна хорошо помнит широко распространенное мнение, что дети, приехавшие из Советского Союза, были намного лучше подготовлены, чем гродненские, поэтому победа гродненцев всех удивила.

В школе действовала комсомольская организация, и в 1940 году Лиза в нее вступила и вскоре стала председателем учкома школы. Лиза, как председатель учкома, способствовала созданию в школе атмосферы дружбы, теплоты и взаимопомощи, в которой она росла дома. Эта атмосфера помогала и учиться, и выигрывать соревнования.

Начало войны (июнь — ноябрь 1941)

Вспоминает Елизавета Иосифовна: «Двадцать первого июня 1941 года мы с друзьями праздновали окончание школы, был выпускной бал. Мы проводили Валентину Ивановну и по дороге домой, уже ночью, слышали взрывы. Началась война нацистской Германии с Советским Союзом. В 6 утра всей семьей мы покинули свой дом. Дошли до улицы Грандичской (ныне улица Горького – *М. III.*) и зашли к Йоселе Вигдоровичу, близкому другу Гриши. Йоселе не хотел оставить своих родителей и отказался идти с нами. Мои родители решили остаться у Вигдоровичей и позже вернулись домой. Я же с моим братом Гришей и сестрой Сарой оставили Гродно и пошли на восток. Позже я узнала, что Йоселе Вигдоровича расстреляли нацисты в самом начале оккупации Гродно»²¹.

Здесь хотелось бы рассказать о двух эпизодах, свидетельницей и участницей которых стала Лиза и которые в дальнейшем определили ее отношение к нацистскому оккупационному режиму.

Гриша, Сара и Лиза дошли до Столбцов. «На 6-й день немецкие танки окружили нас. Немцы забрали мужчин, но оставили женщин. Так мой брат Гриша оказался в концентрационном лагере в Столбцах. Я отказалась возвращаться домой без него. Заключение пять дней находились без

²¹ И. Вигдорович – скрипач и педагог, выпускник Варшавской консерватории. Расстрелян в начале июля 1941 года в числе других представителей еврейской интеллигенции.

Немцы занимают Гродно. Июнь 1941 г.

Немцы на улице Гродно. 1941 г.

воды и пищи. Их вид и состояние были ужасающие. Я пошла к дому недалеко от лагеря, попросила немного хлеба и воды для заключенных. Мне дали много еды, и я принесла ее узникам. Я сделала это несколько раз. Немцы-жандармы сначала не обращали на меня внимания, но потом, когда до них дошло, что я делаю, начали бить меня. Женщины заплакали и запричитали, что убивают маленькую девочку (хотя мне было девятнадцать, я оставалась мелкой и худенькой), потому что тогда еще никто не был осведомлен о новых немецких порядках. Мне крикнули по-немецки: “Уходи, или стрелять будем!” Я отвечаю: “Не уйду, ведь там мой брат! Пока он там, я не уйду”. – “Ну сейчас придет наш комендант, он долго разговаривать не будет – тут же застрелит”. Через полчаса пришел этот комендант, лет двадцати пяти. Ему доложили, что “эта *фарикта* (“сумасшедшая девчонка”) никак не уходит, требует, чтобы выпустили ее брата, мы хотели ее застрелить”. Офицер ответил: “У меня в Германии сестра ее ровесница, не думаю, что она бросилась бы так меня защищать”. Я сказала: “Не знаю, как ваша сестра, я не уйду, пока не выпустите брата”. Наконец он приказал освободить Гришу.

После этого Гриша и Сара вернулись в Гродно, а меня оставили в Деречине у родственников. Мы решили, что там я проживу некоторое время у родителей Меймы, мужа моей сестры Берты. Недалеко от Деречина меня задержали немцы. Надо было как-то вырваться, и я попросила отвести меня на исповедь в церковь. Надеюсь на то, что ксендз окажется порядочным человеком, и на тайну исповеди, что позволит мне поговорить с ним с глазу на глаз. Полицейский-поляк отвел меня в церковь. Когда я осталась с ксендзом наедине, я попросила его помочь мне убежать. Через день пришли польские ребята, напоили дежурных немцев, а меня освободили. Эти же поляки проводили меня в Деречин к родственникам.

Через некоторое время я решила уйти из Деречина в Слоним, к другу Гриши Янkelю Гольдфарбу. Дорога ока-

залась страшной. Сначала я услышала ужасные, горькие, невыносимые крики и рыдания. Особенно много было женских и детских голосов. Вся дрожа, я спряталась в дупле дерева. Долго оставалась в этом дупле, никак не могла успокоиться. Нашла меня белорусская женщина. Она спросила: “Что ты здесь делаешь, цветочек?” Взяла меня к себе домой, хотя это было опасно, и говорила всем, что я ее племянница Дануся, дочь ее брата Петра. Когда она узнала, что я иду в Слоним, она стала меня отговаривать, рассказала, что немцы убили всех евреев Слонима. Я до сегодняшнего дня сожалею, что не запомнила имени этой доброй женщины. (В Слониме немцы и литовцы убили 9600 местных евреев. Их закопали живыми. Землю над ними утрамбовали танками, а потом заровняли трактором. Это было в июле 1941 года.) И только через несколько дней я продолжила свой путь и пришла к Янкелю Гольдфарбу.

Когда я постучала в дверь, Янкель открыл, держа в руках топор. Позади него стояла Циля с топором поменьше. “Если немец захочет убить меня, то сначала я его”, – сказал Янкель. Потом он сказал как-то: “Ты отомстишь за всех нас, ты не Лиза, ты – Дануся”. Янкель стал первым, кто заронил в меня мысль о сопротивлении, он же преподавал и первые уроки конспирации. Янкель Гольдфарб сохранял связь с друзьями в Варшавском гетто и отдавал себе отчет в том, что ждет всех евреев. Он много рассказывал мне о Ванде из Варшавского гетто, которая была бесстрашной связной между гетто и подпольщиками на арийской стороне, приносила в гетто оружие, документы и координировала действия с обеих сторон. Мне запомнились эти рассказы. Когда я провожала Янкеля на работу в госпиталь, он шел по проезжей части, потому что евреям запрещалось идти по тротуару, но меня всегда выталкивал на тротуар. Он учил меня ощущать себя полькой. Впоследствии Янкель перебрался в Варшаву и участвовал в восстании в Варшавском гетто».

В гродненском гетто (ноябрь 1941 – декабрь 1942)

Лиза хотела вернуться в Гродно, но смогла это сделать только в ноябре 1941 года. К этому времени в Гродно уже произошли зловещие перемены. Гродненский историк Яков Мараш в очерке «Гродненское гетто» подробно описал те трагические события: «Уже в первые дни господства захватчики показали свое звериное лицо. Велась бешеная антисемитская кампания. Лица еврейской национальности преследовались. В начале июля в Гродно прибыла группа гестаповцев. Под угрозой наказания нацисты потребовали имена наиболее авторитетных евреев»²². По этому списку (состоявшему, как вспоминает Феликс Зандман, из 150 человек) фашисты расстреляли сто представителей еврейской интеллигенции, а пятьдесят – видимо, для устрашения остальных – отпустили домой. Среди последних был Арон Зандман, отец Феликса.

1 октября оккупационные власти объявили о создании для евреев двух гетто: «продуктивного» и «непродуктивного». Всех евреев обязали переселиться в гетто. Гетто № 1 («продуктивное») находилось в квадрате улиц Замковая – Большая Троицкая – Виленская – Советская (современные названия – *М. III*), вход в гетто был на улице Замковой. В гетто № 1 оказалось около 15 тысяч человек. Вся площадь гетто не превышала одного квадратного

²² Мараш Я. Н., Плешавеня А. М. Гродзенскае гета / Гродна ў гады Вялікай Айчыннай вайны (1941–1945 гг.). Гродно, 1995.

Переселение гродненских евреев в гетто

километра. «Место, предназначавшееся для “продуктивного” гетто, находилось в самом густонаселенном районе Гродно, в центре города. “Шульхоф” – так называлась центральная городская синагога и еврейский квартал вокруг нее, тесный и бедный. Ни одного садика, двора или какого-нибудь открытого пространства. Старые дома, прилепившиеся один к другому. Еврейский рынок. Большой рыбный базар. Сердце города. “Непродуктивное” гетто находилось на польской окраине, и были в нем деревянные дома с участками и простор», – описывает местоположение обоих гетто Х. Белицкая. Гетто № 2 (Слободка) размещалось в квадрате улиц Проспект Космонавтов – Лидская – Белуша – Антонова. В него загнали около 10 тысяч человек. «Оба гетто обнесли колючей проволокой, вход был только через одни ворота, которые охранялись жандармами и гестаповцами. За самовольный выход из гетто полагался расстрел или повешение».

Семья Лизы Чапник жила в гетто № 1 все в том же доме дедушки Лизы Оскара (Ошера) Шулькеса. К тому времени

Оскар уже умер, и в доме, состоявшем из четырех комнат, три из которых были крохотными, жили Двора – бабушка Лизы и Лиза с мамой, папой и сестрой Сарой. Когда дом оказался на территории гетто, в нем ютилось двадцать восемь человек: Иосиф, Эстер, Сара, Гриша, Лиза Чапники; Берта, Мейма, Аллочка Гольдинберг; Аня Руд с сестрой Леей и матерью Фейгой; Рувка Бильчиц, Соломон Жуковский; Лиза Мышалова, ее муж и дочь Ида; Соня Чернова с мужем и дочерью, Злата с мужем, Яха²³ и, конечно, сама Двора. Еще двое – Лейзер Липский и Шай Хмельник – жили в помещении, где находился гладильный пресс. И еще одна семья – мать с двумя детьми – жили в совсем маленькой комнатухе. Согласно немецким правилам, на каждого еврея полагался один квадратный метр площади. Соломон Жуковский, который тоже жил в этом доме, писал в своем дневнике, что никогда до этого не жил в такой тесноте и в такой дружелюбной атмосфере.

Лиза и ее брат Гриша вынужденно жили на нелегальном положении, потому что их разыскивало гестапо: они были в том самом списке еврейских интеллектуалов, большая часть которых была расстреляна, когда девушка еще находилась в Деречине. Вспоминает Елизавета Иосифовна: «Гестаповцы пришли в мою школу со списком гродненской интеллигенции. Они обратились к школьному сторожу и потребовали дать им адреса людей, указанных в списке. Школьный сторож пришел к моим родителям и сказал, что видел Гришу и Лизу в этом гестаповском списке. Думаю, я попала в список потому, что была председателем учкома школы. Когда я вернулась в Гродно в ноябре 1941 года, то жила дома в гетто на улице Найдуса, 6. Я была на нелегальном положении и пряталась под крышей на чердаке, куда попадала через большой шкаф, задняя стенка которого отодвигалась».

Рассказу Лизы об уничтожении евреев Слонима не поверили. И не удивительно. В памяти старшего поколения

²³ Лиза, Соня, Злата, Яха – сестры Эстер, матери Лизы.

еще хранились события Первой мировой войны, когда немцы вполне толерантно относились к еврейскому населению. «В воспоминаниях о прошлой войне остались пожары, голод, жестокость русских захватчиков и культура немецкой оккупации. Предполагали, что будут погромы, но такое уже случалось. Предполагали, что будут притеснения, но уже переживали и это. “Пережили злого Амана, переживем и Гитлера”»²⁴. Таково было общее мнение. Но кайзеровская Германия и фашистская Германия – совсем не одно и то же. Чудовищным сведениям и слухам о положении евреев Европы верить не хотелось. По свидетельству Ф. Зандмана, многие евреи из оккупированных стран в панике спасались бегством, стремясь добраться до Советского Союза или найти возможность переправиться в США или Канаду. «Вскоре после раздела Польши к нам прибыли гости, сильно поколебавшие наш душевный покой. Это было семейство Гласс, давние знакомые дедушки Нахума и его компаньоны во многих предприятиях. Они приехали с юга Польши, из области, находившейся теперь под властью немцев. Два доставивших их к нашему дому лимузина были заполнены детьми и чемоданами.

В тот вечер мы слышали от них о жизни в немецкой зоне оккупации. Потрясенные, мы молча слушали, как там лишали евреев имущества. Никто пока еще не был убит, но немцы твердили о страшных преступлениях евреев и о необходимости поэтому их изолировать в специальных местах. В воздухе носилась угроза. Тяжелые тучи завлакивали горизонт.

“Однажды, и очень скоро, – пророчески сказал господин Гласс, – они начнут убивать всех евреев”»²⁵.

Путь многих беженцев пролегал через Гродно, однако мало кто прислушивался к таким тревожным и предостерегающим голосам – все надеялись на благополучный исход. Но Лиза осознавала опасность – она помнила расправу над евреями Слонима, она помнила также рассказы Янке-

²⁴ Ицхар Н. Белицкая-Борнштейн Х. Одна из немногих. Тель-Авив, Морешет, 2011.

²⁵ Зандман Ф. От Вишей – к «Вишей». Через тернии к звездам. Иерусалим, 1997.

ля о подполье в Варшавском гетто и о связной Ванде. Значит, сопротивление возможно. Девушка приложила много усилий для организации подпольной деятельности в Гродно. Подпольная антифашистская группа была создана в гетто № 1 в январе 1942 года. Инициировали ее создание два коммуниста – Лейзер Липский и Шай Хмельник, которые жили в гетто в том же самом доме Лизиного дедушки. В группу вошли, кроме Лизы, Левка Любич, брат Лизы Гриша, Анна Руд – его жена. У Левки Любича был радиоприемник, который он не отдал немцам, когда требовалось его сдать оккупационным властям, а надежно спрятал в подвале своего дома. Когда сгущались сумерки, Лиза спускалась со своего чердака и вместе с другими подпольщиками тайно слушала советское радио, чтобы затем записать и распространить сводки Совинформбюро. Также со слов Лизы писали листовки о том, что произошло в Слониме, и давали своим еврейским знакомым. В 1942 году гродненский еврей Бройде бежал из Трешлинка. Он рассказал свою историю Грише, и тот подготовил листовки, которые, вполне возможно, были первыми свидетельствами о лагерях смерти. В этих листовках подробно описывался процесс уничтожения людей в газовых камерах.

Свои встречи члены подполья проводили в разных местах. Подпольщики собирались в доме Бронки Винницкой, в подвале пекарни Элияху Танкуса²⁶. Группа оказывала помощь людям, которым угрожал арест, а также тем, кто стремился покинуть гетто: им помогали прятаться, подделывали документы. Как пишет Хася Белицкая, в гродненском гетто № 1 действовала подпольная лаборатория по изготовлению поддельных документов. Ее организовал Додик Розовский, талантливый фотограф-любитель, обладавший талантом графика. Он предоставил все необходимые материалы и организовал работу лаборатории. Подпольщики могли заполнить бланк, подделать оттиск

²⁶ Пивоварчик С.А. Гродно / Холокост на территории СССР: Энциклопедия. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЕН) : Научно-просветительский центр «Холокост», 2011.

печати. Хася Белицкая упоминает в своей книге, что в декабре 1942 года эта лаборатория была переправлена ею и Цилей Шахнес в белостокское гетто.

Среди членов подполья существовали разные мнения о методах борьбы с оккупационной властью: подготовка восстания в самом гетто или уход в лес и создание вооруженных групп. Лиза выступала за вооруженный протест и за выход к партизанам. В конце 1942 – начале 1943 года было предпринято несколько попыток нелегального выхода групп молодежи из гетто и их ухода в лес с целью присоединения к партизанам. Судьба этих групп сложилась трагически. Одни наткнулись на немецкие или полицейские патрули и погибли, другие не смогли найти пути к партизанам и были вынуждены вернуться в гетто²⁷. Елизавета Иосифовна с горечью рассказывает: «Дорога в лес была усеяна трупами. Немцы постоянно кого-то убивали. Гибли самые молодые, самые лучшие, но кому-то все-таки удавалось прорваться, потом они воевали в лесах. Так, группу Елияху Танкуса на пути в лес выдали крестьяне, и полицейские всех расстреляли. Группе Хирша Лифшица удалось добраться до Вильны, и они влились в партизанский отряд, действовавший в том районе. В феврале 1943 года группа молодежи под руководством Лейзера Липского, Шая Хмельника и Шая Горбульского вышла из гетто и присоединилась к партизанскому отряду в Начской пуще. Их было около тридцати человек, многие из них впоследствии сражались в рядах партизанской бригады имени Ленинского комсомола.

Несмотря на желание Лизы и ее товарищей сопротивляться нацистам, побудить узников гетто к активным действиям было трудно. Немногие решались поддерживать бодрость духа в себе и в других. Еще не начались акции, но физическому насилию предшествовало духовное. Уже факт создания гетто должен был сломить людей. В отличие от городов Западной Европы, где в прошлые века евреи жили отдельно в местах, огороженных высокой стеной,

²⁷ Крэнь І. П., Коўкель І. І., Нядзелька У. А. Антыфашысцкая група ў Гродзенскім гета / Гродна ў гады Вялікай Айчыннай вайны (1941–1945 гг.). Гродна, 1995. С.105–106.

в Гродно, как и в других польских и белорусских городах, на протяжении почти шестисот лет проживания евреев на этих территориях не было гетто. Евреи селились вместе по собственному желанию. И вот – гетто. Во время Второй мировой войны оно призвано было стать местом, куда собирали евреев для того, чтобы упорядочить и облегчить нацистам в дальнейшем их уничтожение. Для еврейского населения устанавливались особые порядки, состоявшие из запретов и обязанностей. Запрещалось рожать детей, учить детей – по решению немецких властей в гетто не было школ, покидать территорию гетто – только под конвоем на работу, запрещалось ходить по тротуарам, посещать культурные заведения и мероприятия, носить мех – его спарывали с воротников, и его, как и другие ценные вещи, отнимали немцы и их добровольные помощники. Евреи обязаны были носить *латы* – нашитые на верхнюю одежду шестиконечные звезды, снимать головной убор при виде немецкого офицера или солдата, работать на рейх. Все эти и более мелкие предписания морально ломали людей: они были деморализованы от унижения и парализованы страхом за свои семьи. За неисполнение любого из этих предписаний немцы убивали. На улицах гетто оставались трупы застреленных женщин и детей. Визе – комендант гетто № 1 – развлекался, убивая людей.

Однажды он собрал всех жителей гетто, чтобы все видели, как он вешает самую красивую девушку Гродно, соседку Лизы Лену Пренскую. По словам Елизаветы Иосифовны, она была победительницей конкурса красоты «Мисс Гродно», а вполне возможно, даже «Мисс Польша». Ее казнили за самовольный выход из гетто. Все запомнили, как Лена плюнула Визе в лицо и сказала, что его конец будет хуже. Вместе с ней были повешены торговец пуговицами Шпиндлер и парикмахер Друкнер, причем Шпиндлер был повешен за то, что знал про выход и не сообщил в гестапо. Казнь провели на улице Переца (ныне улица Большая Троицкая – *М. III.*). Петли прикрепили к балкону одного из домов, в котором находилась раньше пекарня Танкусов²⁸.

²⁸ Пивоварчик С.М. Хронология ликвидации евреев в Гродно // http://www.grodnonline.org/Grodno_Chronology_Russian.pdf.

«В гетто царил страх, все было пропитано страхом. Я вспоминаю детские глаза: дети пяти-шести лет выглядели как взрослые, они никогда не улыбались. Эти детские глаза преследуют меня всю жизнь», – вспоминает Елизавета Иосифовна. Страх и неизвестность лишали людей воли к сопротивлению, поэтому в подпольной деятельности участвовала, в основном, молодежь различной политической ориентации. Лиза была комсомолкой, ее одноклассница Хася Белицкая – сионисткой из «Ха-шомер ха-цаир», еще одна одноклассница Лизы Бронка Винницкая – из организации «Дрор», Анна Руд – беспартийная. Хася и Бронка учились вместе с Лизой в школе № 9.

Подпольщики были едины в том, чтобы противостоять фашистам и, по словам Елизаветы Иосифовны, тогда никто не задумывался о том, кто к какой организации принадлежал. Важно было оказывать сопротивление палачам. Это уже после войны стали задумываться и «делить» борцов гетто по принадлежности к политическим течениям. Как отмечает Елизавета Иосифовна, подпольщики были исключительно смелые, благородные, находчивые и преданные ребята. Они делали, что могли, знали, что, скорее всего, погибнут и хотели умереть гордо. Подпольщики попытались организовать сопротивление внутри гетто, но предотвратить его уничтожение или даже оказать какое-то существенное влияние на ход событий, выступая с голыми руками против регулярной армии, было нереально. Тем более восхищает их героизм – оказать сопротивление в столь неравных условиях, защищая честь и достоинство своего народа, жертвуя собой, чтобы хоть кто-то смог бежать и спастись.

Продолжалась и обычная жизнь. Единственная вещь, которую Лизе удалось сохранить в гетто, – маленькое серебряное кольцо, на котором выгравировано сердце и дата «22.1.42». Это кольцо, сделанное в гетто и подаренное ей на день рождения самой близкой школьной подругой Хаей Шниткес, всегда с Лизой. До войны мама Хаи часто повто-

Массовая депортация евреев из Гродненского гетто

ряла, что Хая проводит в доме Лизы больше времени, чем у себя дома.

Фашисты начали планомерную депортацию своих жертв в лагерь смерти. Этот процесс был ужасен для каждого конкретного человека. По соседству с домом Чапников жила Лилька Эфроимсон, двоюродная сестра Феликса Зандмана. Хотя Лиля была старше Лизы на год, они были близкими подругами и много времени проводили вместе. В 1942 году, когда немцы гнали их к вагонам, чтобы доставить в лагерь смерти, Лилька на перроне обратилась к немцу и умоляла его застрелить ее. Она рыдала и говорила: «Я не хочу, чтобы меня забрали в газовую камеру». Немец был просто изумлен и сказал: «Тебя берут на работу в Германию». Ведь многие немцы тоже не знали о концлагерях. Потрясенный охранник отпустил ее, и Лилька вернулась в гетто. Но в одну из следующих акций она все равно погибла.

В октябре 1942 года был арестован отец Лизы, когда ее брата Гришу, который нелегально уехал в Белосток, не обнаружили в гетто. «Отец, наверное оттого, что был верующий (или гордость за детей, не знаю), пошел с высоко поднятой головой, читая молитву. Гестаповцы пришли за моей семьей ночью. Услышав шум, я вышла из своего схрона, по-

дошла к маме и крепко взяла ее за руку. Я безумно любила свою маму. Мне казалось, что никто на свете не может любить свою маму, как я. Я даже хотела купить яд, чтобы она не мучилась, не видела газовых камер, не видела, как будут убивать ее детей. Но это было очень дорого, и я не достала. Мы вышли во двор. Вдруг кто-то схватил меня за шиворот и больно зажал рот, чтобы не закричала. “Куда?!” – и, как котенка, отшвырнул в темноту, туда, где был гладильный пресс. Это был друг Гриши, он служил в еврейской полиции. Я долго лежала под гладильным прессом без сил и с высокой температурой, затем встала и вошла в дом. Дома, из всех его многочисленных обитателей, остались только моя сестра Берта, ее муж Мейма и их дочь Аллочка. У Меймы были “золотые” руки, и немцы в той акции не тронули его и его семью, как и 600 других специалистов. Когда Берта меня увидела, она сказала, что немцы скоро придут искать спрятавшихся, и поэтому я должна тут же уехать к брату Грише в Белосток. Берта перевязала мне лицо платком, как будто у меня зуб болит, и отправила на вокзал. И я уехала в Белосток. В Белостоке я смешалась с колонной женщин, возвращавшихся в гетто с работы. В гетто я нашла Гришу.

Позже я узнала, что во время той акции мою маму, бабушку, сестру Сару, моих тетей с их семьями отправили в концентрационный лагерь Колбасино под Гродно, а затем в Трешлинку». Сара спрыгнула с поезда, увозившего узников гетто на смерть, но при прыжке сломала руку. Сара пришла к врачу, он обработал и перевязал рану, и Сара вышла, чтобы уйти из города. Но какой-то местный житель признал в ней еврейку и выдал немцам, получив от них награду, кажется, килограмм сахара или муки. Сару расстреляли прямо во дворе тюрьмы в центре Гродно.

Белосток. Связная белостокского гетто (декабрь 1942 — август 1943)

В декабре 1942 года, сразу после того как забрали родителей, Лиза покинула гетто и направилась в Белосток. У нее были поддельные документы: бланк свидетельства о рождении для Лизы выкрали из магистрата подпольщики — все те же Лейзер Липский и Шай Хмельник, а Соломон Жуковский, обладавший каллиграфическим почерком, заполнил бланк.

Почему был выбран Белосток? Гродненское подполье не действовало в полной изоляции. В гродненском гетто периодически тайно появлялись связные из подпольных организаций других городов, таких как Белосток, Варшава, Вильнюс, в которых также существовали гетто и велась подпольная работа. Посланники пытались создать в Гродно единую боевую организацию, но силы гродненцев были чрезвычайно малы. В ноябре 1942 года Мордехай Тенненбаум (Тамаров), один из лидеров подполья белостокского гетто, реально оценивая силы гродненских подпольщиков, предложил им влиться в более организованное белостокское подполье. По решению руководства подполья в Белосток из гродненского гетто для легализации на арийской стороне была переправлена группа девушек, в числе которых были Лиза Чапник, Хася Белицкая, Аня Руд, Бронка Винницкая. Подпольная лаборатория белостокского гетто могла обеспечить фальшивыми документами всех желающих, но реально воспользоваться ими мог-

*Мордехай
Тенненбаум-Тамаров*

ли лишь те, кто обладал «арийской» внешностью и, следовательно, имел шанс «раствориться» среди населения вне стен гетто.

Белосток находился к юго-западу от Гродно приблизительно в восьмидесяти километрах. Так же, как и Гродно, после Первой мировой войны Белосток вошел в состав независимой Польши. В сентябре 1939 года его заняли немцы, но оккупация продолжалась всего неделю. В соответствии с пактом Молотова – Риббентропа 22 сентября 1939 года город отошел к СССР и стал центром Белостокской области Белорусской ССР.

В июне 1941 года город снова перешел в руки немцев, был образован Белостокский округ, который присоединили к Третьему рейху.

Белостокских евреев сгоняют в гетто. Июнь 1941 г.

1. Коммуна "А-шомер а-паир"
2. Место (угол улиц Яровецкой и Купецкой), где 29.8.43 г., две недели после восстания, были расстреляны его участники – 71 человек
3. Двор Оли, через который девочки-связные проникали в гетто
4. Потайной вход в гетто с улицы Сенкевича

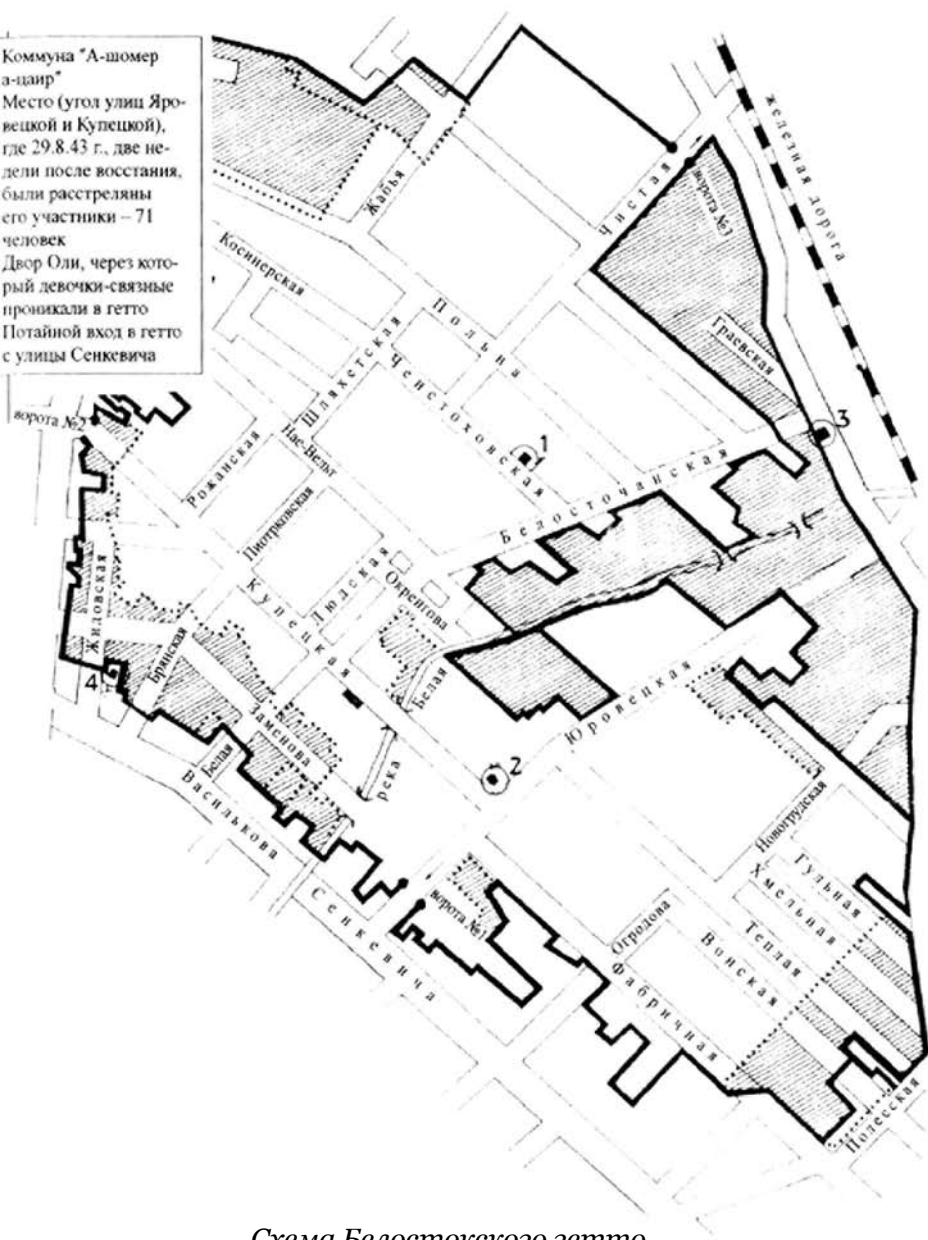

Схема Белостокского гетто

Name	<i>Morowski</i>	 IM3245 Polizei Bialystok
geborene	<i>Maria</i>	
Vorname	<i>Maria</i>	
Geburtsdag	<i>22.12.1924</i>	
Geburtsort	<i>Monin</i>	
Wohnort	<i>B.N. Swetlnoe, Str. Nr. 24</i>	
Kreis	Bialystok	
Beruf	<i>Häusliche</i>	
Volkstammzugeh.	<i>polnisch</i>	
Glaubensbek.	<i>röm. kath.</i>	
Staatsangeh. am 1.9.39	<i>polnisch</i>	<i>Morowska Maria</i> Unterschrift des Ausweisinhabers Bialystok den <i>14.1.</i> 1943 Polizeipräsident Der Bürgermeister Amtskommissar <i>[Signature]</i> Bezeichnet die vorstehende Person
Personenbeschreibung:		
Grösse	<i>156</i>	
Gestalt	<i>mittel</i>	
Gesicht	<i>ruhd</i>	
Haar	<i>d. blond</i>	
Augen	<i>braun</i>	
Besondere Kennzeichen	<i>keine</i>	

Colfia bis / Walny do / BARNY 32 <i>1943</i> <i>1943</i>	Bezirk Bialystok PERSONAL AUSWEIS Nr. <i>IM3245</i> N0229/1114
---	--

Аусвайс на имя Марии Мрозовской

Считается, что к началу 1940 года в Белостоке могло находиться от 50 до 60 тысяч евреев в связи с наплывом еврейских беженцев из тех частей Польши, которые оказались под немецкой оккупацией. 26 июля 1941 года фашисты создали гетто. Оно располагалось между улицами Липовой, Пшеязд, Полесской и Сенкевича. Гетто было обнесено стеной, вход осуществлялся через охраняемые въездные ворота. На пропускных пунктах стояли украинские и литовские полицейские. Покидать гетто запрещалось²⁹.

Организованное сопротивление в гетто начало создаваться уже в ноябре 1941 года. В 1942 году в Белосток из Вильнюса прибыло 28 активистов сионистско-социалистических движений «Дрор» и «Ха-шомер ха-цаир» для создания боееспособной подпольной организации в гетто. Перед бойцами белостокского гетто стояла задача организовать восстание: подполье было более мощным и организованным, в самом гетто производилось оружие.

Уже находясь в Белостоке, на основании фальшивого свидетельства о рождении Лиза получила настоящий аусвайс на подлинном бланке нацистской администрации на имя польки Марии Мрозовской, уроженки Слонима. Она воспользовалась тем, что в это время в Белостоке меняли польские паспорта на немецкие. С помощью своего брата Гриши, а также благодаря информации, полученной от Лейзера Липского и Шая Хмельника, Лиза связалась с членами подполья белостокского гетто: она знала пароли и явки. Гриша познакомил Лизу с Яковом Дреером – одним из руководителей подполья белостокского гетто.

В январе 1943 года Лиза Чапник вышла на арийскую сторону Белостока. Первой задачей, полученной еще в Гродно, было найти квартиры с подполом или чердаком, чтобы можно было встречаться с членами подполья, скрывать людей, которых переправляли из гетто к партизанам, хранить оружие. На арийской стороне Лиза нашла жилье и работу помощницы кухарки на железнодорожном вок-

²⁹ Белостокское гетто. Режим доступа: [https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Белостокское гетто](https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Белостокское_гетто); дата доступа: 10.03.2015.

зале. Таким образом она также получила сертификат от министерства труда. Затем ей и Хасе Белицкой удалось устроиться помощницами кухарки на кухне СС. В то время Лиза ежедневно входила в гетто и получала задания для действий на арийской стороне. Вместе с Хасей они вырабатывали секретный код, с помощью которого и обменивались информацией.

Из воспоминаний Феликса Зандмана: «Мы нашли (речь идет о послевоенном времени – *М. III.*) также Лизу Чапник, Аню Руд и Хасю Белицкую – трех гродненских девушек, бежавших в Белосток под чужими именами, с фальшивыми польскими документами. Выяснилось, что им удалось в этом чужом облике найти работу в немецких армейских столовых, в кухнях СС и в квартирах немецких семей. Все это время они собирали сведения о передвижении немецких частей, о планах и о военных объектах. Вместе с другими еврейскими и польскими девушками (по их словам, в это были вовлечены также несколько немецких девушек) они прятали краденое оружие для партизанских отрядов, действовавших в районе Белостока, и снабжали их секретной информацией. В дневное время они были бедными барышнями, вынужденными трудиться в поте лица, и демонстрировали такое послушание и дисциплину, что их присутствия попросту никто не замечал. С наступлением ночи они прицепляли к бедрам пистолеты “вальтер”³⁰ и убегали в лес с новыми сведениями для бойцов сопротивления. Эта разведывательная сеть пользовалась услугами немецкого торговца по имени Буссе, который вел себя подобно Оскару Шиндлеру».

Когда Лиза нашла конспиративную квартиру в Белостоке (это была комната на улице Гродненское шоссе, 20) и работу на кухне железнодорожного вокзала, она еще раз вернулась в гродненское гетто в феврале 1943 года. «Я решила забрать мою племянницу Аллу Гольдинберг из гродненского гетто. Приехала в Гродно и стала ждать колонну

³⁰ Лиза вспоминает, что она никогда не расставалась со своим миниатюрным пистолетом «вальтер».

евреев, которые возвращались с работы. Я быстро вошла в колонну. Это было смертельно опасно, потому что фашистам, особенно Визе (комендант гетто № 1 – *М. III.*), нравилось убивать людей, входящих в гетто, даже без какой-либо причины, и, конечно, они убивали всех, кто входил в гетто без разрешения. Когда я уже присоединилась к колонне, входящей в гетто, я обратила внимание, что в этой колонне не было ни одной женщины. Я прикрепила на грудь звезду Давида и попросила человека, который был сзади, прикрепить звезду мне на спину. Этим человеком оказался Рувка Бильчиц, мой одноклассник, он сказал мне: “Убегай, сегодня Визе стоит у входа, он убьет тебя”. Но я осталась в колонне. Мужчины плотно сомкнулись вокруг меня, и мне удалось проскользнуть незамеченной. Когда мы вошли в гетто, Рувка упал в обморок».

В Белостоке Лиза выдавала десятилетнюю Аллочку за свою племянницу Данусю Кохановскую. Однако соседка донесла в гестапо, что в их доме скрывают еврейскую девочку, и, когда Лиза была на работе, Аллочку забрали. «Когда я вернулась с работы, дочка хозяйки, очень порядочная девушка, сказала, что Данусю забрали в гестапо. Говорит: “Иди, спасай Данусю!” Легко сказать – спасай! Но это же надо сделать!» Лиза сообщила товарищам по подполью, что идет освобождать Аллочку, и, хотя они категорически возражали, была непреклонна. “Я взяла ее у матери, чтобы спасти, поэтому я иду. Если спасу – хорошо, а если придется погибнуть – погибну”. Иду в гестапо. Сколько лет прошло, а я до сих пор помню ощущение той тяжелой двери, ведущей в гестапо, когда я ее открывала. Вхожу, в конце коридора Аллочка, а перед ней сидит гестаповец с винтовкой». Девочка стойко держалась в гестапо. На вопрос немца, где она жила в гетто, ответила: «А что такое гетто?» И это в десять лет! Аллочка говорила, что «придет тетя Марыся и задаст вам». «Я вошла туда и стала страшно кричать на гестаповца, как они посмели забрать польскую девочку», – вспоминает Елизавета Иосифовна. При этом она называла имена известных фашистских начальников и говорила,

Аллочка Гольдинберг

что будет жаловаться. Пока обескураженный гестаповец (скорее всего, это был украинец) ходил консультироваться с офицером, Лиза схватила Аллочку, и они спрятались в руинах дома рядом с гестапо, а затем убежали в гетто. Немцы этого не ожидали и поэтому не смогли их найти. Держать девочку на арийской стороне стало опасно – подпольная квартира была разоблачена, и Аллочку вернули родителям, которые к этому времени в составе последних шестисот специалистов гродненского гетто были переведены в белостокское гетто. 12 марта 1943 года комен-

Поля Календасевича и Лизы Гольдинберг 1976

Конспиративная квартира на улице
Хорощанской, 12. Снимок 1976 г.

дант гродненского гетто Курт Визе отчитался, что Гродно «юденфрай» – свободен от евреев. Лиза планировала найти новую конспиративную квартиру и снова забрать Аллочку к себе. Поиск занял долгое время, и Аллочка погибла в Майданеке вместе с родителями. Лиза не успела найти квартиру. Это трагическое «не успела» осталось с нею на всю жизнь.

В конце концов Лиза нашла удобную квартиру на улице Хорощанская, 12. Часть дома занимал магазин, вход был с улицы. Можно было зайти и выйти незаметно от хозяйки.

Вторым заданием, которое получила Лиза уже в Белостоке, было установление связей с русскими, белорусскими, польскими антифашистами, которые действовали в районе Белостока. Подполье белостокского гетто не могло существовать в полной изоляции: подпольщики нуждались в оружии, медикаментах, материалах для производства оружия внутри самого гетто. Для получения заданий из подполья Лиза проникала в гетто через двор, общий для гетто и арийской стороны. Вход во двор был со стороны Полесской улицы. Во дворе стояло несколько домов. В одном из домов жила семья Оли (фамилия ее не сохранилась). Оля была подругой Мирьям Гроссман³¹, до войны они вместе работали на почте. Оля помогала девушкам, хотя, конечно, осознавала опасность для себя и своей семьи. Во дворе дома стоял туалет, стена которого была частью деревянного забора, окружавшего гетто. Несколько досок отодвигались, и через образовавшийся проем можно было обмениваться информацией, передать пакеты и свертки с оружием, патронами, продуктами или войти в гетто.

Пока существовало гетто и была надежда на вооруженное восстание, основной задачей подпольщиков на арийской стороне была добыча оружия. Его покупали у окрестных крестьян или у немцев. Иногда удавалось оружие у немцев выкрасть. Слесарь-еврей, работавший в гестапо,

³¹ Мирьям Гроссман – сестра Хайки Гроссман, одной из участниц сопротивления в белостокском гетто. Мирьям жила на арийской стороне и помогала подпольщикам.

по слепку из куска мыла изготовил ключ, и несколько парней ночью выкрали оружие со склада. Затем с огромной опасностью для жизни и невероятными сложностями его доставляли в гетто. Девушки-связные переправляли оружие в буханках хлеба, корзинах с едой, в трубах от печек-буржук.

На арийскую сторону в разное время вышло семнадцать девушек. Некоторые из них должны были жить и работать на арийской стороне постоянно, кто-то выходил на непродолжительное время, потом возвращался, были и такие, которые скрывались на арийской стороне, но не участвовали в подпольной деятельности. Каждая из девушек имела поддельные «арийские» документы. Большинство из них погибло при разных обстоятельствах: из-за нарушения конспирации или того, что вызвали подозрение фальшивые документы. К концу войны в живых осталось пятеро: Лиза Чапник, Хася Белицкая, Анна Руд, Броня Винницкая – все из Гродно, Хайка Гроссман из Белостока.

Когда началась Вторая мировая война, Хайка, как и многие другие члены движения «Ха-шомер ха-цаир», бежала в Вильнюс. Она вернулась в Белосток вместе с группой Мордехая Тенненбаума, вошла в руководство подполья белостокского гетто и стала одной из еврейских девушек-связных, действовавших на арийской стороне.

В подполье также работала еврейка Марылька Ружицкая, коммунистка из Лодзи. С раннего возраста она участвовала в коммунистическом движении Польши. В 12 лет она уже была членом подпольной детской организации «Пионер». За политическую деятельность ее дважды арестовывали, первый раз – в 12 лет за участие во всеобщей забастовке текстильщиков Лодзи в апреле 1932 года. После заключения в концлагере Береза-Картузская³², известном жестоким обращением палачей с заключенными, на всю

³² Берёза-Картузская – концентрационный лагерь, созданный властями Польской республики в 1934 г. в городе Берёза-Картузская (сейчас г. Берёза, Брестская область, Республика Беларусь). С 1934 по 1939 г. в нем содержались по обвинению в «антигосударственной деятельности» противники режима.

жизнь осталась с искалеченным позвоночником и хромила. Анна Руд говорит о Марыльке, что она была необыкновенно смелой и находчивой.

Необходимо добавить, что еврейские девушки-связные подвергались двойной опасности: и как подпольщицы, и как еврейки. Никто не должен был догадаться, кто они: в случае разоблачения они погибнут просто за свое еврейство, даже если их подпольная деятельность не будет раскрыта. И если немцу трудно было отличить законспирированного еврея от поляка или белоруса, то местные жители делали это почти безошибочно. И тогда – гестапо, пытки, лагерь смерти. Надо было всегда держаться начеку, контролировать каждое свое движение. Однажды Лиза, погрузившись в невеселые размышления, забыв об осторожности, вздохнула. Немедленно какой-то молодой парень схватил ее за руку и закричал: «Ты еврейка! Пойдем в гестапо! Так вздыхают только евреи!» Девушка стала отбиваться, неизвестно откуда посыпались слова: «Холера, ты просто хочешь выслужиться перед немцами, какой ты поляк!» По-видимому, это на него повлияло, и он отпустил Лизу. «Жизнь на арийской стороне была войной, ведущейся ежеминутно. Вымышленное “я”, способность опровергать, изображать и быть не тем, кто ты на самом деле, необходимость быть постоянно начеку – все это давило, создавало невыносимое напряжение, особенно когда речь шла о долгом времени», – вспоминала Хася Белицкая. Девушки поняли, что для того чтобы не выдать себя, недостаточно говорить без еврейского акцента. Весь стиль поведения должен быть изменен: говорить не жестикулируя, не вздыхать «по-еврейски». Во время работы на кухне Лиза и Хася старательно перенимали стиль речи, характерные речевые обороты, жестикуляцию работавших рядом польских девушек и женщин. Лиза часто назначала конспиративные встречи в костеле, она выбирала кого-то из молящихся, чтобы копировать его действия, и в это время можно было обменяться информацией.

Лиза училась быть полькой Марией Мрозовской, Хася – Галиной Стасюк, также полькой, Аня Руд – белоруской Агатой Кислой...

Итак, с января 1943 до августа 1943 года (время окончательной ликвидации белостокского гетто) девушки-связные осуществляли связь подполья гетто с внешним миром, добывали оружие. Но кроме этого, они устанавливали связи с антифашистами разных национальностей и помогали еврейским партизанским группам, действовавшим в районе Белостока.

Еврейские партизаны

С января 1943 года евреи из белостокского гетто стали уходить в леса, для того чтобы подготовить место для укрытия и боевую базу для товарищей, которые останутся в живых после восстания, а также организовывать свои партизанские группы. Первой вышла группа Максима, состоявшая из уроженцев городка Крынки, находящегося недалеко от Белостока. Их так и называли: «крынковцы». Из этих групп был образован еврейский партизанский отряд «Форойс» (в переводе с идиша «Вперед»). Организаторами этого отряда были И. Сухачевский, Элияху Варад, Яков и Иосиф Маковские, коммунисты Марек Бух и Ривка Войсковская. Сергей Беркнер, Муля Ништ, Ева Красовская и Галина Каменецкая также были членами этого отряда. Элияху Варад вместе с Марек Бухом совершили переход к партизанам в Беловежскую пушу и попросили помощи отряду «Форойс». Помощь им пообещали, но так ничего и не сделали. В марте-апреле 1943 года в лесах были образованы еще две еврейские партизанские группы. Елизавета Иосифовна вспоминает: «Они жили в ужасных условиях, без медикаментов, без оружия, сами рыли себе землянки. Однажды пришел один из бойцов этого отряда Якубович, весь больной, в язвах, отекий от голода. Мы носили в отряд лекарства, передавали оружие. Бо-

евые возможности партизан были очень ограниченными, но они делали, что могли: выводили из строя линии электропередач и принимали к себе евреев, которым удалось бежать из транспортов смерти».

Необходимо добавить, что, как сообщает Электронная еврейская энциклопедия, создать еврейские партизанские отряды в районе Белостока было значительно труднее, чем в других районах оккупированной Польши. «Основная польская подпольная организация – Армия Крайова, в которой действовал еврейский сектор и которая в остальной части Польши помогала евреям, – в Белостоке не только не оказывала никакой помощи еврейскому подполью даже во время восстания в гетто в августе 1943 г., но в лесах, где отряды Армии Крайовой вели войну с немцами, они в то же время уничтожали еврейских партизан». И все же, не стремясь к крайним обобщениям, следует сказать, что политика помощи евреям в остальной части Польши тоже не носила регулярный характер, и поддержка или хотя бы терпимое отношение к евреям со стороны отдельных партизанских командиров были исключением. Девушкам-подпольщицам приходилось работать в сложной обстановке, потому что мало кто хотел помогать евреям. Но и в Белостокском регионе находились люди, готовые прийти на помощь, и каждый из них заслуживает того, чтобы о нем рассказали.

Вспоминает Елизавета Иосифовна: «Шолом Койзец, член еврейского партизанского отряда “Форойс”, попросил меня пойти к своему польскому другу, с которым он до войны вместе работал на белостокской фабрике. Койзец дал мне адрес польского друга (насколько я помню, его фамилия была Лисовский), который был членом Армии Крайовой. Шолом дал мне письмо к нему и попросил меня рассказать Лисовскому о них – о двух братьях Койзец и их борьбе против немцев в еврейском партизанском отряде. Я должна добавить, что Армия Крайова боролась не только с немцами, но и с евреями, и с советскими партизана-

ми. Лисовский оказался очень доброжелательным. Он и его семья очень хорошо приняли меня. Они пригласили меня на ужин, задали много вопросов, касающихся жизни в лесу, о Шоломе Койзеце. Надо сказать, что Лисовский и его семья волновались обо мне и о моей безопасности. Он дал мне два пистолета и послал свою дочь следовать за мной, чтобы посмотреть, как я прошла улицу Мицкевича, на которой обычно было много гестаповцев. Когда я вышла на улицу Мицкевича, два гестаповца выросли передо мной. Девушка, которая следовала за мной, перепугалась и чуть не упала в обморок. Она подошла к забору, чтобы не упасть, но я пошла прямо вперед и миновала гестаповцев, тихо мурлыча какую-то песню. Это была моя тактика: я никогда не убегала на улице от немцев. Я подходила к немцу и спрашивала, который час и успею ли я домой до комендантского часа, и все в таком духе».

Ликвидация гетто

В начале августа 1943 года властями нацистской Германии было принято решение о ликвидации белостокского гетто. План был выработан с учетом уроков восстания в Варшавском гетто. Были задействованы регулярные армейские части, артиллерия, авиация, бронетехника. В ночь с 15 на 16 августа гетто было окружено. Произошло это неожиданно. В ночь ликвидации Хайка и Хася были в гетто. Штаб подполья приказал Хасе вернуться на арийскую сторону. 16 августа началось вооруженное восстание. Восставших было около трехсот человек. Оружия на всех не хватало, поэтому подпольщики вооружались косами, топорами, бутылками с зажигательной смесью. Восставшие сражались мужественно, но присоединилось к ним всего несколько десятков человек. Организованное сопротивление длилось до 20 августа. План руководства восстания заключался в том, чтобы собрать как можно больше бойцов, прорвать стену, окружавшую гетто, и уйти в леса.

*Белостокские евреи во время ликвидации гетто.
Между 15 и 20 августа 1943 г. Фото немецкого солдата*

Руины Белостокского гетто после ликвидации

Восстание было подавлено, единицы из восставших остались в живых.

Около пяти утра Хася пришла к Лизе и сказала, что это конец. «До этого мы хорошо держались, но сейчас уже не могли сдержаться. Мы сидели и рыдали. Но чтобы не насторожить хозяйку, сказали, что умерла моя сестра в Слониме (согласно легенде, у меня была парализованная сестра в Слониме). Наутро хозяйка пошла в костел Святого Роха поставить свечи за упокой. Рано утром мы направились в гетто. Все было страшно. Хотели туда войти, но украинец, стоявший в оцеплении, направил на нас оружие. Потом мы ходили вдоль железнодорожной насыпи, нашли несколько человек, которые выпрыгнули из вагонов. Мы переправили их в партизанский отряд». Всего девушки переправили в отряд около ста человек.

В результате августовской акции погибли Берта – сестра Лизы, муж Берты Мейма и их дочь Аллочка Гольдинберг, Григорий Чапник – брат Лизы и муж Анны Руд, Двора – мать Хаси Белицкой и ее сестры Рахель и Ципорка.

В антифашистском комитете Белостока (январь 1943 – апрель 1944)

Рассказ о деятельности Лизы и ее боевых товарищей был бы не полон без упоминания о белостокском подполье. Для того чтобы представить деятельность белостокского антифашистского подпольного движения, обратимся к отчету, который был написан Лизой Чапник в сентябре 1944 года в Минске, куда она была вызвана как председатель антифашистского комитета. Далее приводятся выдержки из этого отчета (полный текст см. в приложениях).

Из отчета Лизы Чапник: «В январе 1943 г. указанная выше группа в составе: Ружицкая Марыля, Чапник Лиза, Белицкая Хася, Руд Анна, Гроссман Хая, Винницкая Броня – приступила к антифашистской работе вне гетто г. Белосток. Данные товарищи уцелели до настоящего времени, а другая часть были обнаружены агентами гестапо и погибли мужественной смертью, но не выдали свою организацию – такие, как Мадайска Рива (Вильно), Ханка (Белосток) и другие. Высланные³³ шесть товарищей организовали антифашистский комитет и под руководством Ружицкой М. широко развернули свою деятельность. Нелегальные условия осложняли работу, но, невзирая на трудности, комитету удалось установить контакт с группой лиц советских патриотов, антифашистов: Бурдзинский, Лерик Ф., Несмялек В., Орлов И., Барбурин М.³⁴»

³³ Отправленные на «арийскую» сторону.

³⁴ Иван Барбурин.

Остановимся подробнее на том, кто принимал участие в подпольной борьбе с нацистами в Белостокском регионе. Организованное сопротивление среди советских граждан начало формироваться уже в августе 1941 года. В это время стала создаваться антифашистская подпольная организация, которую возглавил А. К. Раковец, до войны он работал главным инженером Белостокского областного дорожного отдела. О зарождении организации Раковец написал в своем отчете: «В пограничных районах области работало много советских людей, приехавших из восточных... областей СССР. Кроме того, почти в каждом районе были и воинские гарнизоны с артиллерийскими, танковыми, мотопехотными и другими подразделениями. В ночь на 22 июня 1941 года все телефонно-телеграфные связи районов с областным центром были прерваны диверсией фашистов. В сложившихся условиях осталось (на оккупированной территории – *М. III.*) много наших советских людей, военных и гражданских. Многие пытались бежать, но немцы препятствовали, и пришлось вернуться. Вернулись многие работники гражданских учреждений и организаций, а также военнослужащие, переодетые в гражданскую форму. Советские граждане-патриоты стали встречаться на квартирах, обсуждать создавшееся положение». Некоторые члены группы А. К. Раковца, в частности В. Аксенович, впоследствии участвовали в работе объединенного подпольного белостокского антифашистского комитета.

В районе Белостока действовали также партизанские группы, сформированные из уцелевших офицеров и бойцов 10-й советской армии, которая располагалась на Белостокском выступе и обороняла город. Во время Белостокско-Минского сражения на центральном участке советско-германского фронта армия была окружена и разгромлена, остатки армии вышли с боями из окружения, но те, кому это не удалось, продолжили борьбу в партизанских отрядах.

Основной организацией польского Сопротивления была Армия Крайова, созданная в феврале 1942 года. Це-

лью Армии Крайовой было восстановление независимой Польши «от моря до моря» при поддержке Великобритании и США. Отношение Армии Крайовой к советским войскам и партизанам было неоднозначным: от проведения совместных операций до открытых вооруженных столкновений. Подпольные группы, в которые входили и представители местного населения – поляки и белорусы, – действовали на предприятиях и в тех местах, где можно было нанести урон немецкому производству или воспользоваться важной стратегической информацией.

С подпольной группой Ивана Орлова

Бронислав Бурдзинский работал на аэродроме. Возглавлял польскую подпольную ячейку. Налаживал связь с поляками и с русскими, с активистами подполья или сочувствующими.

Иван Орлов – офицер Красной Армии, возглавлял группу белорусских антифашистов. Он давал Лизе важную информацию о немецких солдатах, о времени готовящейся облавы на партизан. Иван Орлов организовал свою ячейку самостоятельно и наладил связь с лесом. Он хорошо знал местность и людей. В случае, когда дороги в лес оказывались «засвеченными», Иван Орлов помогал находить новые пути для связи с партизанами. Вместе с Лизой они ходили «мимо деревень» (15–20 километров в одну сторону и столько же в другую!), запоминая путь.

Иван Барбурин – офицер Красной Армии, во время войны жил в Белостоке. Был руководителем русской подпольной группы, работал водителем секретаря комитета НСДАП. Лиза получала от него некоторые разведданные.

Феликс Лёрек и Владимир Несмялек были руководителями польских подпольных ячеек.

Сохранились сведения, что с группой советских коммунистов подпольщики связались через Шейну Пат-Левину, руководителя детского дома в гетто Белостока. Связь с лесом первоначально была налажена через Марыльку Ружицкую.

В своем отчете Лиза Чапник сообщает об основных направлениях деятельности комитета: агитационно-пропагандистская работа, направленная на срыв мероприятий фашистских захватчиков; разведка и помощь партизанам; работа среди немцев и поляков; работа среди предателей и изменников родины; диверсионная работа³⁵. И все это под постоянным прессингом гестапо, полиции и жандармерии, которые, согласитесь, тоже умели делать свою работу! Завершает перечень основных направлений деятельности комитета «встреча Красной Армии», но до нее еще было далеко. И пока Красная Армия с боями двигалась на запад, белостокский антифашистский комитет творил настоящие чудеса.

Среди множества успешных операций, проведенных комитетом, можно назвать побег двадцати пяти товарищей, вывезенных гестапо в Кенигсбергский лагерь. Через специального связного был организован их побег, в результате которого в лес прибыли двенадцать человек с оружием и были направлены в Заблудовский партизанский отряд. Тринадцать человек погибли по пути в боях.

Показателен и такой случай. Гауляйтер Восточной Пруссии Эрих Кох планировал перенести свою резиденцию в Белосток. Для него была подготовлена вилла. Благодаря данным, собранным группой Ивана Барбурина, это стало известно комитету. Иван Барбурин сообщил Лизе о прибытии Коха и дал ей подробный план виллы. Лиза передала его командиру партизанской бригады Н. К. Войце-

³⁵ Подробное содержание каждого из направлений деятельности см. в тексте отчета.

ховскому и даже успела в этой вилле побывать под предлогом украшения комнат. В конце концов, напуганный размахом подпольного и партизанского движения в Белостоке, Эрих Кох не приехал.

Но это не все. Белостокское подполье работало чрезвычайно слаженно. К июню 1944 года организация насчитывала 125 членов подпольных антифашистских групп и звеньев. Антифашистский комитет имел своих людей во всех частях города.

Из отчета Лизы Чапник: «Структура антифашистской организации по предприятиям и учреждениям была такова: антифашисты разделялись по ячейкам в два-четыре человека, группа объединяла от трех до четырех ячеек, руководитель группы получал инструкции и отчитывался перед комитетом. Члены отдельных ячеек не знали членов других ячеек, а также их руководителей... Город Белосток был разделен между членами антифашистской организации на ряд наблюдательных участков. В задачу этих лиц входило наблюдение за важными военно-оперативными и стратегическими объектами немцев».

Рассказывает Елизавета Иосифовна: «Кто был членами антифашистской организации: железнодорожники, работники пекарни, аэродрома, литейного завода, табачной фабрики, уборщицы при гестапо. Вот, уборщицы при гестапо. Они, во-первых, крали там некоторые бумаги и передавали нам. Они говорили, когда гестаповцы едут на облаву в лес... Это очень важно было... Они знали, что на завтра те готовят свои мундиры, чтобы ехать туда, в лес. И мы предупреждали партизан. Я сама часто ходила и говорила: “Ах, готовьтесь, уходите из землянок, поглубже в лес, в другое место, потому что приедут!”». Строгая конспирация и хорошо налаженная связь позволила комитету избежать серьезных провалов.

«О людях, которые были на нашей стороне, об их решительной готовности помогать и содействовать нам <...>. Их мужество, их отношение к нам были для нас источником утешения, силы и надежды».

(Из книги Хаси Белицкой)

Говоря о людях, которые участвовали в подпольном движении и которые помогали Лизе Чапник и другим еврейским подпольщикам, особо хотелось бы рассказать о Брониславе Бурдзинском, Артуре Шаде и Отто Буссе. Поляк и два немца. Бронислав Бурдзинский работал на аэродроме. Артур Шаде был директором текстильной фабрики № 4. Член подполья Мина Кизельштейн, которая работала на этой текстильной фабрике, провела беседы «строго в осторожной форме с немцем, директором указанной фабрики Шаде А., удалось выявить его антифашистское мировоззрение и вовлечь в число активных антифашистов». Хася Белицкая вовлекла в подпольную деятельность художника Отто Буссе. Он был художником-оформителем и отвечал за ремонтные работы вермахта. И Шаде, и Буссе были идейными противниками нацизма и, что невероятно, помогали евреям. К слову сказать, многие немцы с презрением относились к Гитлеру и мечтали о процветающей Германии без него.

Бронислав Бурдзинский

Рассказывает Елизавета Иосифовна: «Но я расскажу еще, у нас был Бурдзинский Вуек. Он был уже пожилым человеком, поэтому мы называли его «Вуек». «Вуек» польски – дядя. Он очень нам помогал. Работал на аэродроме. И вот, он очень как-то беспокоился, я даже спросила почему (у него была удочеренная девочка, ну, “девочка”, она была уже взрослая, Ханка Зелинская, вот что в жизни бывает). Ханка Зелинская была в подполье, жила у Вуека, с ней был мальчик, которого она нашла возле мертвой матери после обстрела колонны беженцев. Для посторон-

них Ханка была его дочерью и матерью его единственного внука. Как раз Ханку я и спросила: “Ханка, скажи, почему Вуек за меня так переживает?” Он каждый день в 6, в 5 часов утра выходил на шоссе посмотреть, вернусь ли я из леса. И только когда издали увидит меня, шатающуюся (у меня сил не было), тогда только уходил на работу. Я говорю: “Почему, почему он так переживает?” А Ханка сказала мне, что “у него была единственная дочь, немцы ее убили, и он представляет себе, что ты очень похожа на дочь. Он тебя считает за дочь и действительно очень переживает”.

Бронислав Бурдзинский

Каждое утро шел на шоссе посмотреть, возвращаюсь ли я из леса. Замечательный человек, необыкновенный».

Рассказывая о Брониславе Бурдзинском, Елизавета Иосифовна вспомнила такой эпизод: «Вуек пришел ко мне на квартиру на улице Хорощанской. Когда закрывал окно, вдруг побледнел и сказал: “Марыся, тебе нельзя здесь больше жить”. Сказал, что через окно увидел женщину, которая сотрудничала с немцами, которая знала, что Бурдзинский связан с партизанами». По настоянию Вуека Лиза покинула квартиру и не появлялась там десять дней, а Вуек каждый день приходил на ту улицу и издали смотрел, не появились ли там немцы, не взломан ли замок. И лишь когда стало понятно, что опасности нет, он разрешил Лизе вернуться на квартиру.

Артур Шаде

Артур Шаде. Немец. Директор текстильной фабрики № 4.

Он был идейным противником нацистов, был связан с Отто Буссе, Отто Бенешком и Александром Боле – такими же, как он, немецкими антифашистами. Они созда-

Артур Шаде

ли свою подпольную ячейку, в подполье работали под кличками Виталис, Вентури, Сенлор, Ленгус.

Артур Шаде привлек к себе внимание подпольщиков тем, что хорошо относился к евреям, которые работали у него на фабрике, – как к людям. Уже в Белостоке он узнал о порядках в гетто и о судьбе, которая ожидала евреев. Шаде был потрясен и перешел на позицию активного антифашиста. В период ликвидации гетто он прятал в своей квартире девять евреев – рабочих текстильной фабрики. В течение месяца там же пряталась жена Александра Боле – еврейка. Двух дочерей Боле убили нацисты, а жену удалось

переправить в надежное место. Артур Шаде приобретал оружие у полицейских и передавал в партизанский отряд, вел разведывательную деятельность. На него всегда можно было положиться. В квартире Артура, которая располагалась на территории текстильной фабрики, один или два раза в месяц встречались руководящие члены организации и немецкие антифашисты, обсуждали предстоящие действия.

17 июня 1944 года, незадолго до освобождения Белостока, Артур Шаде на велосипеде направился в расположение партизанской бригады имени К. Калиновского, захватив с собой два автомата, армейский пистолет и две тысячи патронов. Был зачислен бойцом в отряд имени Матросова. После войны Артур Шаде написал книгу «В лесах Белоруссии», в которой размышлял о своем пути от аполитичности до позиции активного антифашиста.

Артур Шаде жил в Восточной Германии в городе Песнек до конца своих дней, был председателем общества германо-советской дружбы, сохранял связь с Лизой и Аней. Был удостоен звания Праведника народов мира.

Отто Бенешек и Артур Шаде. Белосток

Отто Буссе

Художник. «Его желание помочь не имело границ. Помочь не только материально... В какой-то момент он уже перестал быть только помощником, а превратился в партнера и инициатора. Буссе говорил: “Если вы узнаете о других евреях, если вам понадобится какая-нибудь помощь, приходите ко мне. Я всегда помогу!” И так и было», — с благодарностью вспоминает Хася Белицкая.

После ликвидации гетто, когда родных Лизы отправили в Майданек, Отто Буссе сказал: «Мы поедем туда и попробуем их спасти». С большим трудом, через подкуп начальников гестапо Буссе сделал документы для себя и для Лизы (на имя Марыси Мрозовской), и они поехали в Майданек. Но на пути туда стало известно, что уже всех уничтожили. Им пришлось вернуться.

При приближении советской армии Отто Буссе не захотел уйти в лес к партизанам, он сказал, что все будут думать, что он немец и убийца. Впоследствии Отто Буссе

Отто Буссе

попал в советский плен, при обмене пленными в 1950 году был освобожден и вернулся в Тильзит. Отто Буссе был удостоен звания Праведника народов мира и своими руками посадил дерево на аллее Праведников в Иерусалиме. На торжество приехали все партизаны, жившие в Израиле.

* * *

В августе 1943 года гетто было уничтожено, однако продолжал работать белостокский антифашистский комитет, в том числе Лиза, Аня и другие его члены. Все силы теперь отдавались помощи партизанским группам и подготовке различных диверсий.

Мемориальный музей Яд ва-Шем. Присвоение Отто Буссе звания Праведника народов мира. Слева направо: Броня Винницкая, Хася Белицкая, Отто Буссе, Хайка Гроссман, Арье Кубовый – директор музея. 1970 г.

Из отчета Лизы Чапник: «В разведке особенно проявили себя как энергичные, предприимчивые и смелые товарищи Ружицкая М., Чапник Е., Руд А., Белицкая Х., Гроссман Х., Винницкая Б., Расина Р., Лерик Ф., Аксенович В., Демидович В., Лонинкин А., Добровольская Р. Помощь партизанам состояла в приобретении и доставке оружия, <...> медикаментов, бумаги, батарей, радиоламп, топографических карт, компасов, оружейного масла, гранат, серной кислоты, бертолетовой соли и др. Также для некоторых совсем слабо вооруженных партизанских групп доставлялись из города мыло, белье, продукты питания и др. Все перечисленные материалы доставали или покупали за деньги члены антифашистской организации и через связанных доставляли в лес. Особенно выделились на этой работе в качестве связанных с партизанами товарищи Ружицкая М., Чапник Е., Руд А., Белицкая Х. Например, в сентябре 1943 г. под видом продовольственных спекулянтов подпольщицы перевезли поездом из Гродно в Белосток станковый пулемет. Лишь только изворотливость, четкость и решительность т. Винницкой Б., Гроссман Х. обеспечили благополучную доставку пулемета еврейской партизанской группе “Вперед”. В дымоходной трубе (от печки-буржуйки – М. III.) через весь город т. Чапник Е. перенесла винтовку в партизанский отряд. Спокойствие и решительность т. Чапник обеспечили благополучную доставку. Ружицкая М. и Руд А. А. в одеялах днем переносили пулеметы и винтовки. Ряд подобных фактов <...> делали их неуловимыми для агентов гестапо и милиции».

Здесь хочется привести несколько случаев, о которых рассказала Елизавета Иосифовна.

«Благодаря нашей разведке мы узнали, что во время ликвидации белостокского гетто в гестапо была оставлена группа еврейских ремесленников. Мы решили их освободить. Марыля Ружицкая и я несколько раз обошли вокруг штаба гестапо, где они находились, и тщательно изучили вход [в штаб] и время, когда меняются охранники. Член

подполья работала уборщицей в гестапо, и нам удалось отправить заключенным записку на идише с планом побега, в которой говорилось, где будут находиться две девушки, у одной из которых будет в руках газета, а вторая девушка будет одета в коричневый пиджак и шляпу. Заключенные должны были бежать, захватив оружие. Но почему-то вышел только один, его звали Берл Шацман. Марылька знала его раньше. Он покинул гестапо и последовал за нами. В соседнем дворе он переоделся и пошел за нами на Хорошанскую, 12, в мое тайное убежище. Мы накормили его, дали бутылку воды и поместили его в подпол в моей комнате. Он находился в подвале в течение 6–7 дней, а затем мы вместе с Марылькой доставили его в партизанский отряд в ближайший лес. Он остался жив.

В конце июля 1943 года подпольщик Иван Барбурин, личный шофер секретаря НСДАП, сообщил мне, что он под подозрением и несколько гестаповцев следят за ним. Он попросил меня взять его в лес, чтобы он мог присоединиться к партизанам. Насчет секретаря НСДАП у нас были далеко идущие планы: мы хотели привезти его на его собственном автомобиле живого в лес, тогда все данные в руках. Но секретарь уехал в Берлин, а Иван Барбурин оказался под подозрением. Но как переправить в лес машину, винтовки и пистолеты? Меня решили переодеть немкой и представить дочерью секретаря. Иван Барбурин подготовил необходимые документы и даже украл ее шляпу. Мирьям Гроссман дала мне элегантный пиджак. На арийской стороне у каждой из нас был свой стиль. Хайка Гроссман всегда элегантно одевалась, в общем, была леди. Но я никогда не выступала в такой роли.

На следующий день на дороге недалеко от гарнизона я встретила Барбурина, который ехал на машине секретаря. Барбурин дал мне украденную шляпу и попросил, чтобы я ее надела. Путь к партизанам был очень трудным, деревенская дорога мокрая после дождя. Машина застряла. Барбурина пришлось чинить машину прямо на дороге. Он

залез под нее и просил: “Марыся, помоги, Марыся, толкни машину”. Ну кто поверит, что дочь секретаря НСДАП полезет под машину или будет ее толкать? Барбурин очень волновался – у него случился нервный тик, и он все время повторял: “Марыся, не снимай шляпу. Марыся, только не снимай шляпу”.

Наконец мы добрались до леса, но даже там, среди партизан, Барбурин не мог успокоиться и повторял: “Марыся, не снимай шляпу”. И партизаны прозвали беднягу Барбурина “шляпой” по-польски и по-русски и часто говорили, подтрунивая над Барбуриным: “Все дело в шляпе”.

Впоследствии автомобиль секретаря НСДАП был отдан главе партизанского объединения генералу Ф. Капусте».

С партизанской бригадой. Председатель объединенного антифашистского комитета (апрель – июль 1944)

Весной 1944 года в леса Супрасли прибыла группа советских партизан, совершив пеший переход из лесов Липичанска, где воевали ранее. Это была партизанская бригада имени Кастуся Калиновского. Командовал бригадой подполковник Войцеховский Николай Калистратович, комиссар – Е. Г. Осипов, начальник штаба – С. В. Чудинов. Сформировалась она так: в апреле 1943 года из Москвы в район Налибокской пущи для укрепления партизанского движения была десантирована группа, в составе которой были Н.К. Войцеховский, Е.Г. Осипов, С.В. Чудинов (см. приложение 11,12). Вскоре к группе десантников стали присоединяться люди, и возник партизанский отряд имени Кастуся Калиновского. Партизанская бригада была образована 5 ноября 1943 года на базе ранее существовавших партизанских отрядов и носила название «Пролетариат», 20 декабря 1943 года ее переименовали в бригаду имени Кастуся Калиновского и передислоцировали в район Белостока. Бригада причислялась к соединению генерал-майора Ф. Капусты и к моменту перехода в район Белостока делилась на четыре отряда: «Звезда», «Комсомол Белоруссии», «26 лет Октября», «Имени героя Матросова». Еврейский отряд «Форойс» влился в бригаду, а его бойцы были распределены по двум отрядам: «Звезда» и «26 лет Октября». «Сначала мы все обижались, что комбриг так поступил, – вспоминает Елизавета Иосифов-

на, – но потом, гораздо позже, через много лет мы поняли, что это было большим достижением. К “западникам” относились с большим подозрением, но Войцеховский не побоялся принять “западников”, он даже во главе одного из отрядов (имени Кастуся Калиновского) поставил Алексея Карпюка – “западника”. В остальных отрядах евреев разоружали, отводя им роль лишь обслуживающего персонала».

В задачу бригады также входило установление связи с белостокскими подпольщиками. По имеющимся данным, адреса белостокских подпольщиков командиру бригады Н. К. Войцеховскому передал Казимир Дзержинский³⁶, родной брат Феликса Дзержинского. Он также подробно информировал о сложившейся военной обстановке в Белостоке. Командование бригады (командир Войцеховский, начальник штаба Чудинов, комиссар Осипов) создало объединенный антифашистский комитет, куда вошли все подпольные группы Белостока: польская, белорусская, русская, немецкая ячейка и еврейские девушки-связные. Председателем объединенного антифашистского подпольного комитета Войцеховский назначил Лизу.

Из отчета Лизы Чапник: «В конце апреля месяца 1944 г. в район Белостока прибыл штаб бригады имени К. Калиновского во главе с ее командиром подполковником тов. Войцеховским. Руководитель подпольной антифашистской организации г. Белостока тов. Чапник была вызвана в лес комбригом Войцеховским. На первой беседе был <...> утвержден состав антифашистского комитета, в который вошли: председатель комитета тов. Чапник Л. И., члены комитета Руд А. А., Ружицкая М., Гроссман Х., Винницкая Б., Белицкая Х., Бурдзинский Б., между которыми были распределены обязанности и составлен план работы на ближайшее время, по выполнению которого даны конкретные указания».

³⁶ Казимир Дзержинский (1875—1943) был бойцом Армии Крайовой. Расстрелян немцами за участие в Ивенецком восстании в июле 1943 г.

После того как связь между белостокским подпольным комитетом и штабом партизанской бригады была установлена, расширились задачи, стоящие перед белостокскими подпольщиками. Важным делом подпольщиков стала разведка, снабжение партизан боеприпасами, медикаментами, топографическими немецкими картами. С приходом советских партизан расширились и возможности белостокских подпольщиков: они смогли осуществлять небольшие диверсии на электростанциях и железной дороге благодаря оснащению, которое доставляли партизаны. Подпольщик Александр Лонинкин работал инженером на электростанции под Белостоком и подготовил план взрыва. Лиза принесла ему корзину, в которой находилось взрывное устройство. Сверху для маскировки лежала булочка. Они встретились в парке, Лиза угостила Александра булочкой, он взял корзину и отправился на электростанцию. Взрыв не разрушил электростанцию полностью, но причинил большой ущерб. Для подготовки очередной диверсии подпольщики получили несколько магнитных мин с часовым механизмом. Мины имели вид изящных бонбоньерок с шоколадом. С помощью этих мин взорвали бензоколонку и несколько автомобилей.

Однажды Н. К. Войцеховский поинтересовался у Лизы: «Как ты думаешь, можно пригласить в лес для встречи немцев Шаде и Буссе?» Лиза ответила, что надо попробовать. Комбриг объяснил, что есть задание для немецких антифашистов. «Буссе и Шаде взяли бричку, положили туда винтовки, компасы, карты, отрезки материи. Шаде, как директор текстильной фабрики, решил сшить для партизан одинаковую форму. Легенда была такая: они едут в деревню купить продукты. Я их переводчица, так как они не знают польский. Они очень нервничали и не хотели показать, что нервничают: им было неудобно, что я, молодая девчонка, не боюсь, а они боятся. Чтобы скрыть свое волнение, они разговаривали с лошастью: “Вот, мол, приедем в деревню и купим, что надо, и тебе достанется”. Внезапно

появился патруль, попросили показать документы, спросили, куда едут и кто с ними. Артур Шаде изложил подготовленную версию. Вдруг патрульный спросил: “А что в бричке?” Артур быстро нашелся – угостил немцев очень дорогими сигарами и вручил им красивый портсигар. Те тотчас забыли о своих вопросах, и мы благополучно миновали патруль.

Партизаны уже ждали нас: они побрились, были в форме. И Шаде, и Буссе потеряли дар речи. Рядом, в Белостоке, дислоцированы танки, самолеты – целая армия, а под боком другая армия – партизаны. В Белостоке были развешаны устрашающие плакаты с изображением партизана – бородатого бандита с ножом и с лицом Ильи Эренбурга, а здесь они увидели этих “бандитов”! Когда немцы пришли в себя, выложили то, что принесли с собой. Комбриг изложил задачу: какие нужны карты, какие данные. Бригада должна была двигаться в Пруссию. Шаде изъявил желание остаться в лесу, но Войцеховский ответил: “Но вы нужны там!”

В мае 1944 года пришел приказ из Москвы: привлечь к сотрудничеству польских партизан и воевать вместе против общего врага. По заданию Н. К. Войцеховского я осуществляла эту задачу.

Задание было очень сложным, начался длительный путь поиска контактов. Кто-то из руководителей польских ячеек (то ли Лёрек, то ли Несмялек) вывел на руководство Армии Крайовой. Я не помню точно, кто дал мне адрес штаб-квартиры Армии Крайовой, может быть, Лисовский. Но я хорошо помню, как добралась до штаб-квартиры Армии Крайовой. Для того чтобы попасть туда, мне нужно было пройти несколько секретных мест, одним из которых был платяной шкаф с убранной задней стенкой. Я оказалась в другой комнате.

Ни в коем случае нельзя было показать, что я еврейка. Я сказала, что происхожу из старинного польского рода и моих родственников в 39-м году советская власть сослала

в Сибирь. Интерес ко мне сразу возрос. К тому же “аковцы” были заинтересованы в сотрудничестве с советскими партизанами, потому что надеялись с их помощью освободить своих товарищей, которых арестовали немцы во время одного из восстаний. Подготовленная мной версия была такова: “Моя тетя Марина живет в небольшой деревне около Белостока, и я часто навещаю ее. В последний раз, когда я была у нее, советские партизаны пришли к ней ночью и попросили немного мяса и взяли овцу. Моя тетя Марина накормила их. Они сказали ей, что собираются на запад, в Пруссию, атаковать фашистского зверя. Марина поняла, что они хотят, чтобы другие антифашисты присоединились к ним”. Представитель Армии Крайовой спросил меня, могу ли я снова увидеть советских партизан, и, когда я сказала, что полагаю, что они придут к тете, чтобы взять одну из овец, представитель Армии Крайовой попросил меня организовать встречу с советскими партизанами. Я организовала такую встречу трех членов Армии Крайовой – один из них был главным – с Войцеховским, командиром партизанской бригады. После обсуждения они решили вместе двинуться в сторону Пруссии для борьбы с немецкими фашистами. После этого более трехсот вооруженных польских партизан воевали вместе с бригадой Войцеховского».

Из отчета Лизы Чапник: «В Белостокской области действовали польские партизаны, но последние враждебно относились к советским партизанам. Комбриг товарищ Войцеховский поставил своей задачей скоординировать деятельность польских партизан со своей бригадой в целях <...> борьбы с фашистскими захватчиками. После больших усилий, преодолев ряд трудностей, сломив недоверие, товарищи Чапник, Винницкая Б. организовали встречу комбрига Войцеховского с представителями польских партизан. Впоследствии мы видели совместную борьбу польских партизан с бригадой имени К. Калиновского в районах Кнышин, Осовец».

	7	2	6	9	3	5	8
3	ж	2	ш	ю	к	п	а
5	ф	в	м	и	щ	я	б
9	н	з	р	е	с	д	х
2	б	х	9	с	о	т	й
1	ч	.	:	;	?	!	;
7	4	1	5	7	9	й	2
4	8	3		6		0	

Ключ к секретному шифру, который использовался для связи с партизанской бригадой

По указанию комбрига Войцеховского подпольщики вели работу в националистических организациях, в частности, Лиза и Бронка внедрились в польскую националистическую организацию Белостока. Девушки передавали необходимые сведения, собирали их нелегальную литературу, которая направлялась в штаб партизанской бригады.

Для связи с руководством партизанской бригады был разработан секретный шифр, ключ к которому имелся только у двух человек: у командира бригады Н. К. Войцеховского и у Лизы. Из Белостока в лес, где дислоцировались партизаны, вел Наполеоновский тракт. Подбитый советский танк, находившийся на тракте, служил местом, где Лиза оставляла донесения для партизан, когда не было

возможности попасть непосредственно в лес. Дорога к танку пролежала через полигон, где немцы упражнялись в стрельбе. Лизе приходилось через полигон ползти, и, бывало, над головой свистели пули.

Лиза ползком преодолевала это расстояние, держа во рту «вальтер». Однажды вместе с Лизой преодолеть это расстояние пришлось Ивану Орлову, офицеру Красной Армии, возглавлявшему группу белорусских антифашистов. Он часто давал Лизе важную информацию о том, когда немецкие солдаты направлялись из Белостока в лес для карательных операций. «Орлов достал пулемет и винтовку. Вместе с Орловым мы решили принести их партизанам. Я назначила встречу с партизанами возле разбитого танка на Наполеоновском тракте. Сначала мы принесли пулемет и винтовку в дом женщины, которая жила рядом с шоссе. Муж этой женщины, польский коммунист, погиб. Она (ее имя стерлось из памяти) ненавидела немцев и вела себя совершенно бесстрашно. Шоссе вело к Наполеоновскому тракту. Ночью мы вышли из дома и отправились в лес. На шоссе не было ни одного человека. Я несла большую коробку, а Иван – коробку гораздо больше и тяжелее. Мы ползли через полигон очень медленно из-за тяжелых коробок. Иногда они, взрослые люди, офицеры Красной Армии, не выдерживали этого отрезка пути ползком через полигон. И вдруг он говорит: “Марыся, если ты сейчас не разрешишь мне закурить, я умру”. С ума сошел! Я ответила: “Умирай, но сигарету ни в коем случае, вон видишь танк, там немцы”. Это всегда было очень трудно – переползти через этот полигон. Мы продолжали ползти и через некоторое время достигли подбитого танка и встретились с партизанами».

Неутомимость и бесстрашие Лизы в борьбе с фашистами изумляли ее товарищей по подполью. Когда она спала? Когда отдыхала? Несколько раз в неделю она ходила в лес: выйдя сразу после работы, должна была утром следующего дня снова быть на работе. Она нашла себе место в ку-

стах, где ей удавалось немного поспать по дороге из леса. Казалось, ее жизнь состояла только из этих переходов в лес и обратно, выполнения тяжелейших заданий, добывания стратегически важных сведений для наступавшей Красной Армии. Мужество Лизы не могло не поражать. Но не только за это ее любили товарищи, ведь часто бездумная смелость пугает. Нет, смелость Лизы имела цель, этой цели она подчиняла себя, ради нее жила. Она хотела отомстить за свою погибшую семью. К тому же девушка была принципиальной и умела отстаивать свое мнение. Каждое слово – как меткий выстрел, который попадает в цель. При внешней твердости Лиза была доброй, заботливой и преданной делу. Не той добротой, которая готова всем услужить, но той, которая преобразует обстоятельства, находит выход из, казалось бы, безвыходных ситуаций. «Не помню когда, но был очень большой переход через Неман, и ребята очень хотели курить, а комбриг сказал: “Остановка будет только тогда (а поскольку я была одна хрупкая девушка), когда Надя³⁷ скажет, Карл Маркс скажет, что она устала, тогда сделаем передышку”. И вот эти громадины... Володя-ленинградец отозвал меня и спросил: “Скажи, я никому не расскажу, Марыся: откуда у тебя силы берутся? Откуда?” А я ему ответила, хорошо это помню: “У тебя в Ленинграде, ты приедешь, мама, папа, сестры и брат. А у меня никого, всех убили. Так я хочу что-то делать. Скоро будет землянка, и там спать будете, а мне еще идти в Белосток”. Потому что я пришла только на ночь передать данные. Очень просто. Это я хорошо запомнила. А эта громадина... А я стою, девчонка, бледная, еле держалась...

Карлом Марксом меня прозвали за отстаивание справедливости. Они меня так называли, знаете почему? Я девчонка, а они все громадины, и, когда они рассказывали: “Марыся, сегодня мы взяли в этой хате то-то и то-то”, я говорила: “А вы хоть спросили, когда хлеб забирали, останется у них что-то? Эти люди должны ведь сами тоже кушать, вот, кто вы такие, бандиты или партизаны?” Так они

³⁷ Подпольная комсомольская кличка Лизы.

назвали, говорили: “Вот, сегодня приходит Карл Маркс”. А Карл Маркс... это было мое прозвище.

У нас не было страха, мы ничего не боялись. Каждая хотела идти на задание первой, еще один день – и все кончено. Мы уже всех потеряли. В лесу этого не понимали, те, у кого остались семьи на востоке. Им не пришлось пережить ужасы гетто, не знали про Понары, Варшаву, Гродно, Белосток... Взрослые мужчины боялись ходить в лес, а мы ходили в одиночку. Врач отряда поднял вопрос, что ходить ночью в лесу по одному опасно для психики. Нам предлагали ходить по двое, но мы отказывались: если засада, погибнет кто-то один – остальные останутся, чтобы сражаться.

Бывали, конечно, и моменты, когда можно было отвлечься от страшной реальности, оглядеться вокруг. Виктор Романцевич, адъютант комбрига Войцеховского, часто встречал меня у подбитого танка около Наполеоновского тракта. Он знал в лесу все – не только каждую тропинку, но и, можно сказать, каждую травинку. Он рассказывал мне о каждом растении. Я удивлялась, откуда он так хорошо все знает. В ответ Романцевич сказал, что он здесь вырос, и добавил: “Я тебя, Марыся, научу не только как различать растения, но и как определять возраст деревьев”».

Выписки из дневника секретаря Белостокского горкома ВЛКСМ тов. Скрынника И. (Велся во время войны, расшифрован в августе 1944 года Верой Чистой³⁸. Иван Скрынник был также десантирован из Москвы и отвечал за комсомольскую работу во всей Белостокской области).

«Имелось три организации, это было сделано после первой встречи, то есть 3 мая. Были даны задания и прочее.

В организации имеется 12 комсомольцев, которые по возможности оформляются в организации. Возможно, необходимо создание комитета, чтобы кто-нибудь работал непосредственно в народе. Эта возможность есть, если

³⁸ Секретарь подпольного Волковысского районного комитета ЛКСМБ.

учесть, что Надя (т. е. Лиза – *М. III.*) работала членом плenuma Гродненского горкома комсомола и теперь официально живет [в городе], но работает подпольно и является вдохновителем организации. Думаю ввести ее в состав горкома и 14620 632 (шифрованный код – *М. III.*) командира. Вообще комсомольских работников и понимать не хотят. Когда была зима и они ложили головы, это было хорошо.

До чего энергична Надя! Ходит одна ночью по лесу, идет с оружием в город, всех обманывает, проводит своих. У нее достаточно отваги, преданности и энергии. А сколько она прошла и перенесла! Когда рассказывает о[бо] всех, ее глаза горят гневом. <...> Она готова к мщению, и глаза наполняются слезами. Это герой-подпольщица, такими надо было воспитать нашу молодежь. Мы бы ворочали горы. Таких, как она, мало, но еще есть, которые готовы на все, это и есть комсомольцы».

Лиза и Иван встречались в расположении партизанской бригады, где Лиза получала от него новые задания. Однажды Иван признался Лизе в том, что никогда не мог представить, что во главе комитета может стоять такая хрупкая, худенькая девушка. Иван Скрынник вскоре погиб во время одной из операций.

Руководство партизанской бригады тепло относилось к девушкам – те проводили вместе с партизанами праздники, когда уезжали из города якобы в деревню, комбриг Войцеховский даже разработал кодекс поведения партизан, когда девушки находились с ними в лесу, и называл их ласково «девчата». В апреле 1944 года Войцеховский решил написать письмо подпольщикам Белостока, понимая, какая опасность постоянно сопровождает их и какую неоценимую помощь те оказывают и партизанам, и регулярным войскам. Вот выдержки из его письма: «Дорогие друзья! ...Боец, не щадя жизни, идет в атаку... Рабочие не уходят из цехов фабрик и заводов до тех пор, пока не окончат программы³⁹. Партизаны бьют врага с тыла. Борется

³⁹ Урочные дневные задания на оборонных предприятиях.

весь народ. Вы, дорогие друзья, тоже включились в борьбу... Благодарю вас от всей души, от всего личного состава и штаба за помощь... Лучше умереть стоя, чем жить на коленях. Делайте так, чтобы у врага земля горела под ногами. На нашей стороне правда. Активнее в борьбу, смелее в бой. Смерть немецким оккупантам! До свидания. С коммунистическим приветом, командир партизанской бригады имени К. Калиновского Н. Войцеховский».

Девушки, воодушевленные поддержкой, написали ответное письмо и продолжали бороться.

Алексей Карпюк

В это же время, т.е. после прихода партизанской бригады, Лиза познакомилась с Алексеем Карпюком⁴⁰. «Впервые я встретила с Алексеем недалеко от моего дома в Белостоке. Мы вместе должны были явиться в штаб партизанской бригады к Н. К. Войцеховскому. Алексей был одет в мундир немецкого офицера. Он выучил несколько фраз на немецком языке. По дороге в лес, в основном, я задавала вопросы. Алексей рассказал о своей группе ребят, большинство из них были из его деревни. Он рассказал, как попал в плен и как убежал из плена, о своем земляке Дмитрие, который стал заместителем командира партизанского отряда. Алексей сказал, что привез из Германии хорошую пишущую машинку. Я сразу же попросила дать ее взаймы, чтобы печатать листовки. Дорога в лес была длинная и трудная, надо было проползти через немецкий полигон.

Когда только добрались до партизанского отряда, сразу встретились с командиром отряда полковником Войцеховским. Алексей пожаловался, что, пока мы с ним шли в

⁴⁰ Алексей Карпюк (14 апреля 1920 – 14 июля 1992) – белорусский писатель, общественный деятель. Родился в д. Страшево, недалеко от Белостока, в крестьянской семье. В годы немецко-фашистской оккупации входил в состав диверсионной группы. Во время одной из диверсий на железной дороге был арестован, посажен в белостокскую тюрьму, оттуда отправлен в лагерь смерти Штуттгоф. Осенью 1943 г. бежал из лагеря, вернулся на родину, принял участие в партизанской борьбе.

*Алексей Карпюк с
родителями. 1930-е годы*

отряд, он мне все рассказал и о себе, и о своем отряде, и о своих планах, даже пообещал дать мне немецкую пишущую машинку, а я ему ничего о себе не рассказала. Николай Калистратович Войцеховский тут же заметил: “Ведь Марыся настоящий разведчик, а мы с тобой, Алексей, разведчики ‘никакие’, вот и все”».

Как уже упоминалось, комбриг Войцеховский назначил Карпюка командиром одного из отрядов, входивших в состав партизанской бригады. Лиза контактировала с ним не

только как с одним из боевых товарищей: Алексей стал ее другом, защитником, единомышленником.

Хочется с благодарностью отметить, что в атмосфере предвзятости или равнодушия Алексей смог четко обозначить свою позицию по «еврейскому вопросу» и, похоже, никогда ее не менял. В деревне, где родился Алексей и жила его семья, было много антисемитов. Мать Алексея тоже стала проявлять антисемитские настроения, хотя даже не знала, как выглядят евреи. Когда Алексей сказал, что «наша Марыся тоже еврейка», она настолько разозлилась, что даже побежала за Алексеем побить его. Она не могла поверить, что хороший, добрый человек мог быть евреем.

Вспоминает Елизавета Иосифовна: «Один из самых молодых партизан был гармонистом. Его семья жила недалеко. Он часто ходил домой и рассказывал маме о партизанской жизни, походах, операциях и о партизанах. Он также

рассказывал о подпольщиках и обо мне. Мама заинтересовалась и просила сына пригласить меня в гости. Позже он рассказал мне, что долго не решался передать ее просьбу, так как шла война, и он считал, что я откажусь пойти в гости. Однако я, конечно же, согласилась, поскольку помнила гостеприимство своей мамы. Алексей (Карпюк) также был приглашен, и мы пошли. Несмотря на войну, было много гостей, родственников и друзей. Была очень теплая и гостеприимная обстановка. Все очень интересовалось жизнью подпольщиков и задавали много вопросов. Алексей, как всегда, беспокоился обо мне и старался сделать так, чтобы я чувствовала себя удобно и комфортно в новой для меня деревенской обстановке.

В сентябре 1944 года уже после освобождения Белоруссии Лиза и Алексей были приглашены в штаб-квартиру советских партизан на заседание руководства партизанского движения. Во время торжественного обеда поднялся один из генералов и сказал, что евреи не воевали, а только по кустам прятались. Оскорбленная Лиза в знак протеста встала и покинула торжество. Вместе с ней вышел и Алексей. Другие партизаны подошли к Лизе и сказали: «Да ладно тебе, что ты обращаешь внимание на какого-то генерала-пьяницу!»

Лиза ответила: «Если вы хотите сидеть за одним столом с пьяницей – сидите, а я не буду».

Алексей был единственным, кто принципиально поддерживал Лизу и вышел вместе с ней. Они отправились гулять по Минску и нашли Артура Шаде, находившегося под домашним арестом.

После освобождения Белостока сотрудники НКГБ переправили Артура Шаде в Минск, где он в течение двух месяцев находился под домашним арестом, пока не закончилось расследование и не было установлено, что он действительно являлся активным антифашистом. Вместе с Артуром была и Мина Кизельштейн: она не бросила Шаде в трудное для него время.

Вспоминает Елизавета Иосифовна: «Шаде сказал мне, что сотрудники НКГБ похитили документ, подтверждающий его антифашистскую работу в Белостоке. Я написала новый документ, но, когда я приехала к полковнику Н. К. Войцеховскому, он отказался подписать документ. Я возмутилась и сказала: “Когда вы нуждались в Шаде, он помогал вам. А теперь, когда он нуждается, вы отказываетесь”. Войцеховскому стало стыдно, и он сказал мне по секрету, что его предупредили не подписывать никаких документов для Шаде. В конце концов Николай Калистратович подписал новый документ и послал его в Берлин».

В сентябре 1944 года Алексей попросился на фронт, хотя уже месяц отучился в Гродненском учительском институте. В армию Алексей пошел вместе с Хайкеlem Паесом, другом Лизы еще с довоенных времен. «Вот, я их познакомила, сказала, чтобы друг другу помогали и смотрели друг за другом. Действительно, они очень подружились, к Берлину подошли вместе, в одной дивизии, по-моему, воевали. Оба остались в живых и после войны рассказали мне о своей армейской жизни».

Дружба эта оказалась настолько крепкой, что, несмотря на то что из-за антисемитской политики Гомулки Хайкель уехал из Польши в Швецию и его семья живет там, и даже несмотря на то что и Хайкель, и Алексей (светлая им память) уже покинули наш мир, их дети поддерживают тесные отношения.

*Хайкель Паес –
красноармеец. 1946 г.*

В составе 756-го стрелкового полка 150-й Идрицкой дивизии 3-й ударной армии Белорусского фронта Алексей воевал на территории Польши и Германии, был дважды ранен, восемь месяцев находился в госпиталях и даже представлялся к званию Героя Советского Союза. Во время службы вел переписку с Лизой и Аней, те сообщали ему новости и звали на учебу в Москву в институт дипломатических отношений. В конце войны во время Берлинской операции Алексей был тяжело ранен. Пять осколков снаряда остались у него в легких до конца жизни. Родители Алексея получили письменное уведомление из армии о героической смерти сына. Отец Алексея, Никифор, пришел к Лизе ночью с армейской бумагой. Он плакал, а Лиза повторяла: «Это невозможно, это невозможно». Она была уверена, что Алексей жив и находится в госпитале, потому что буквально перед этой похоронкой получила от него письмо.

Алексей Карпюк лечился в госпитале в Познани, там он вернулся к дневнику, который начал вести, когда был командиром партизанского отряда. В его книге «Фронт-овой дневник» есть такая запись от 21 июля 1945 года:

«Вечером. У меня много друзей? Кажется – нет. Комбриг Н. Войцеховский? Недостаточно с ним знаком. Тех двух-трех месяцев, в которые мы виделись в партизанах, совсем мало. По-моему, у Николая Калистратовича недоверие еще немного осталось... Володя Артюх. Не расстреляли ли его немцы в Барановичах? Очень возможно: лет десять просидел в польской тюрьме за коммунизм. Володя Колесник. Какой он сейчас? Четыре года назад был чудесным... Ефим (Паас)⁴¹ – молодец! Чуть не забыл вписать Зину, но и она из моих лучших друзей.

Самая главная пока что для меня – Маруся (Лиза Чапник) со своей группой. Правда, все они слегка романтизируют дружбу. Временами и фантазируют излишне. Вообще, они пристанище в моей жизни, куда заезжаю отдохнуть морально да набраться сил, чтобы двигаться дальше.

⁴¹ Так написано имя Хайкель Паес в книге А. Карпюка «Фронт-овой дневник».

*С Алексеем Карпюком и
дочерью Аллочкой*

Остальные друзья – так себе друзья, только чтобы провести время, обменяться информацией».

После демобилизации Алексей вернулся в Гродно, продолжил учебу в учительском институте, стал писателем, и даже знаменитым. Все послевоенное время поддерживал связь с бывшими еврейскими подпольщиками. Елизавета Иосифовна с семьей часто приезжала из Рязани в родной город, почти каждый год, и всегда встречалась с Алексеем Никифоровичем. О нем она вспоминает с благодарностью: «Алексей Карпюк – героический солдат, партизан,

много сделал после войны. Когда я приезжала в Гродно, мы встречались, он всегда сопровождал меня на могилу родителей моего мужа – Машевицких. Это героический, мужественный, очень порядочный человек. Исключительно порядочный человек».

Пройдут годы, и об Алексее Карпюке будет написано следующее: «Белорусский писатель, общественный деятель. Награжден орденом Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й и 2-й степени, медалями, золотым крестом польского ордена “Virtuti Militari”, заслуженный работник культуры БССР (1980). Лауреат литературной премии СП БССР имени И. Мележа (1986) за книгу “Современный конфликт”, лидер свободомыслящей интеллигенции Гродно в 1960–1980-х гг. Поддерживал контакты с писателями-диссидентами в СССР. Член Союза писате-

*Алексей Карпюк с орденом
«Virtuti Militari»*

лей. Возглавлял Республиканский музей атеизма и истории религии в Гродно (признан одним из самых национальных по духу музеев Белоруссии советского времени). Хотя большую часть жизни был убежденным коммунистом, никогда не отдавал преимущества идеологии перед идеалами общечеловеческими. Его произведения – лучшее, что было написано про Гродно и Западную Беларусь»⁴².

Вот так кратко можно представить длинную жизнь человека, просто важно, что именно захотят рассказать о тебе потомки. Многие гродненцы помнят Алексея Карпюка как человека активной и смелой гражданской позиции, а нам хочется добавить еще одну важную деталь к его благородному облику: он был другом евреев и прошел проверку на человечность и в этом трудном для многих людей вопросе.

Вот такая «почти гродненская история».

Карта

Наступило лето 1944 года. От командования партизанского соединения поступило задание выяснить расположение немецких войск в Белостоке. Отто Буссе достал подробную тактическую карту Белостока. Все антифашистские группы собрали точную информацию о местоположении

⁴² Narodnia. 90 лет Алексею Карпюку. Фотолетопись жизни. Режим доступа: <http://narodnia.com/be/uczora/pasliavajenny-hrodna/377-karpiuku-90-fotoletopis>; дата доступа: 15.01.2014. Аляксей Карпюк. Режим доступа: http://be.wikipedia.org/wiki/Аляксей_Карпюк; дата доступа: 10.10.2014.

всех стратегических точек: артиллерийских позиций, аэродромов, замаскированных танков, минных полей, полиции, гестапо, промышленных предприятий – и отметили на этой карте. Ее подготавливали на Хорощанской. Лиза передала эту карту Н. К. Войцеховскому, и партизаны переправили ее в штаб дивизии Красной Армии, которая освобождала Белосток. В характеристике, выданной Лизе штабом партизанской бригады, говорится: «В период наступления РККА комитетом был послан за линию фронта план, и 21 июля 1944 г. командир соединения 3-й армии получил его, дав хорошее одобрение за эту работу».

Освобождение Белостока близилось, и это было понятно всем. Лиза и еще одна подпольщица по имени Ледка (вероятно, член антифашистского комитета Леокадия Добровольская) подходили к молодым немецким солдатам и говорили: «Зачем вам оружие, ведь скоро все закончится?» Солдаты отвечали, что они отдали бы, но нет гражданской одежды, а солдат без оружия быть не может. Лиза и Ледка приносили им брюки и пиджаки, а взамен получали ружья и автоматы.

Антифашисты также сохранили Белосток от больших разрушений. Было известно, что немцы перед отступлением взрывают все, что может иметь значение для армии или экономики. Девушки повесили предупреждающие знаки: «Внимание! Эпидемия!» – на важных зданиях, и немецкие саперы боялись в них входить. Так были спасены некоторые предприятия и лучшие здания города, в том числе шесть больших домов на улице Парковой.

Как только части РККА завязали бои на окраинах города, в центре уже появились красные флаги, лозунги, которые писала Аня Руд на чердаке одного из домов, приветствующие воинов-освободителей.

Благодаря мужеству белостокских подпольщиков красноармейцы взяли город практически без потерь.

Белосток освобожден. Возвращение в Гродно (сентябрь 1944 — август 1945)

К моменту освобождения Белостока в городе продолжали работать подпольщицы Лиза Чапник, Аня Руд, Марылька Ружицкая и Бронка Винницкая. Остальные члены организации были направлены в партизанские отряды, поскольку с приближением Красной Армии немцы стали угонять население на запад. Оставшиеся в городе члены комитета «26 июля 1944 года встретили первую советскую армейскую разведку и устроили им теплый прием. 27-го в 7 часов утром антифашисты пошли по шоссе Волковыск — Белосток. В окрестности Белостока воинская часть устроила для нас концерт с докладом о международном положении». Радость была беспредельная. Казалось, все страшное и трудное позади, а впереди только счастье. После освобождения члены антифашистского комитета были включены в комитет национального освобождения Польши⁴³ и оставлены для ответственной работы в Белостоке.

В родном городе

В сентябре 1944 года Лиза Чапник вместе с Аней Руд и Хасей Белицкой вернулись в Гродно. Город опустел. «Мы вернулись для того, чтобы посмотреть, остался ли кто-

⁴³ Польский комитет национального освобождения (ПНКО) — временный орган исполнительной власти Польши. 31 декабря 1944 года преобразован во Временное правительство Польской республики.

На пороге дома Сендера Фрейдовича. Слева направо: Йоше Вайс, Аня Руд, Сендер Фрейдович, Хася Белицкая, Лиза Чапник, Юлек Машевицкий, Соломон Жуковский, Поля и Моше Белодворские

*Слева на право (сидят): Хася, Марылька, Аня;
стоят : Ледка, Лиза. 1944 г.*

Хася, Лиза и Аня. 1944 г.

нибудь в живых. Но... это было только кладбище. Каждый дом (мы знали, кто там жил), каждая улица были обогреты кровью, – вспоминает Елизавета Иосифовна. – Никого из родных мы не нашли – все они погибли. Встретили мы только некоторых знакомых – Соломона Жуковского, Сендера Фрейдовича, Феликса Зандмана.

По совету Соломона и Сендера мы заняли пустую квартиру на улице Молодежной⁴⁴, чтобы жить близко друг от друга: Феликс и Сендер поселились на улице Бригитской, 28 (ныне ул. Карла Маркса, 28 – *М. III.*) в доме Нохума Фрейдовича. Особенно радовался нашему приезду польский священник – ксендз. Соломон жил в его доме. Ксендз часто повторял: «Наши птички вернулись – это главное».

⁴⁴ В своих воспоминаниях Хася Белицкая пишет, что девушки поселились на улице Кляшторная, 7. Согласно данным, предоставленным краеведом Виктором Саяпиным, на улице Кляшторной дома с таким номером никогда не существовало. Более старый отрезок современной улицы Молодежной, в которую входил дом с номером 7, начинался от улицы Бригитской, где жил Сендер Фрейдович. В 20–30-е гг. XX в. эта часть улицы носила название Назаретанская. В январе 1940 г. переименовывается в Молодежную. В годы гитлеровской оккупации носит название Franzstrasse. После освобождения города этой части улицы возвращают название Молодежная. См. А. Вашкевич, А. Госцеў, В. Саяпін і інш. «Біяграфія гарадзенскіх вуліц. Ад Фартуў да Каложы». Гродна, 2012.

Лиза, Аня и Хася пришли на территорию гетто. Мертвых было в тысячи раз больше, чем живых. Девушки собирали фотографии, документы, которые находили в гетто, – свои и чужие. Через несколько дней после возвращения они встретили Валентину Ивановну Оханину. Она вернулась в Гродно по собственной инициативе, чтобы встретить своих учеников-евреев и помочь, чем сможет. Валентина Ивановна знала о судьбе евреев. Вместе с ней девушки сидели на развалинах и плакали, вспоминая погибших детей. Валентина Ивановна сказала, что до войны в школе училось около 1100 детей, а после войны в живых не осталось и десяти. Вместе с Лизой, Аней и Хасей Оханина пошла на прием к Н. В. Власовцу, директору (так тогда назывался ректор) Гродненского пединститута⁴⁵. Он прежде не принял девушек на учебу, так как у них не было документов об окончании школы. Оханина сказала: «Это мои ученицы. Надеюсь, моего слова достаточно». Ее слова действительно оказалось достаточно – девушек приняли на первый курс факультета иностранных языков.

В Гродно также находились командир партизанского соединения генерал-майор Ф. Ф. Капуста и комбриг Н. К. Войцеховский. Они позаботились о девушках: те получили карточки на продукты и право питаться в общественной столовой. На квартире, где они жили, часто собирались партизаны, вспоминали недавнее боевое прошлое, пели песни. Но бывшие подпольщицы рвались в действующую армию. Хотели продолжать борьбу с врагом, ведь война еще не была окончена. Они написали Илье Эренбургу, чтобы он обратился к Сталину с просьбой разрешить им воевать. Илья Эренбург ответил, что надо начинать учиться, да и командиры говорили: «Вы принесли достаточно жертв, начинайте жить».

Начать жить заново было непросто. Погибли все родственники и друзья. Еще до войны Аня Руд вышла замуж

⁴⁵ На основе распоряжения СНК СССР от 20 октября 1944 г. Гродненский учительский институт был преобразован в педагогический. Директором института был назначен Н. В. Власовец.

за Григория Чапника, брата Лизы, и стала членом их семьи. Война еще больше сблизила Аню и Лизу: вместе они жили в гетто, вместе боролись в подполье, вместе пережили гибель родных им обоим людей. Аня после гибели Гриши дала обет не выходить больше замуж. Ее единственной родственницей осталась Лиза. Всю последующую жизнь они были вместе, более близкие и преданные друг другу, чем сестры.

...Кончились для Гродно боевые действия, фронт двинулся на запад, но вернувшихся в город людей ждали новые трудности. Война, разрушившая семьи, власть, принесшая радикальные изменения в расстановку политических акцентов, неотвратимо напоминали о себе. Снова противостояние, требующее мужества, когда казалось, что все страшное уже позади. И квартира «героических шпионов партизанской сети» (выражение Феликса Зандмана) еще не раз становилась местом, где можно было найти милосердие и справедливость. Лиза, Аня и Хася с готовностью согласились помочь Сендеру Фрейдовичу, обвиненному в буржуазном происхождении. Сендер был сыном «известного буржуазного капиталиста», и ему грозила высылка в Сибирь (в своей книге Феликс Зандман с горечью размышляет о Нохуме Фрейдовиче – «дедушке-буржуе», который во время очередной акции ехал в санях на железнодорожную станцию на смерть, держа в объятиях трех маленьких детей). Сендер прятался в квартире на улице Молодежной от преследования НКГБ до своего нелегального отъезда в Польшу.

Рассказывает Елизавета Иосифовна: «В конце августа 1944 года на улицу Молодежная, где мы жили, пришла Таня Пренская. Таня рассказала нам о своем горе. Во время депортации в концентрационный лагерь ей удалось передать свою маленькую дочку в знакомую семью. После освобождения Гродно она вернулась в город и сразу же пошла к людям, у которых оставила свою дочь. Однако как толь-

ко она вошла во двор, они велели ее дочке бросать в “жидовку” камни. Таня обратилась в суд города Волковыска, чтобы вернуть свою дочь.

Офицер Михаил Горчаков⁴⁶ повез нас в Волковысский суд. Я была Таниным свидетелем. Мы жили по соседству с семьей Пренских на улице Доминиканской в Гродно. Во время моего выступления меня попросили выйти и ответить на телефонный звонок. Звонил председатель Волковысского райисполкома Пантелей Васильевич Зязюля, партизан нашей бригады. Он сказал: “Марыся, хватай ребенка и беги к машине, которая ждет тебя около суда. Девочку хотят отравить, как только будет объявлен приговор. Они взяли с собой отравленное яйцо. Беги, у тебя нет времени”.

Я помчалась в зал суда, схватила девочку и побежала к машине в окружении наших партизан, которые ждали около двери в суд. Таня заплакала и закричала мне: “Что ты делаешь?!” Однако я села в машину и увезла Танину дочку в нашу квартиру на улице Молодежной в Гродно. Вечером Таня Пренская пришла к нам и забрала ребенка. Позже Таня с дочкой уехали в Польшу, а затем в Австралию. Насколько я знаю, они и сейчас живут в Австралии».

В июне 1945 года Хася Белицкая приняла решение выехать в Польшу, а оттуда как-нибудь перебраться в Эрец-Исраэль. Репатриация в Израиль была мечтой и смыслом жизни Хаси, к ней она готовилась все то время, когда была членом организации «Ха-шомер ха-цаир». Еще перед отъездом из Белостока в Гродно Хася договорилась с Хайкой Гроссман, что та сообщит ей, если возобновится какая-либо деятельность движения. Через Марека Буха Хайка передала письмо Хасе о том, что из Советского Со-

⁴⁶ Михаил Горчаков, по свидетельству Х. Белицкой, был офицером Красной Армии. Еврей по происхождению, но оторванный от национальной среды, очень интересовался жизнью евреев Гродно, вникал в их дела и, используя свое высокое положение, всячески помогал им в трудных ситуациях.

юза возвращаются многие члены движения, уцелевшие во время войны. После мучительных раздумий, разрываясь между любовью к Лизе и Ане и своей мечтой, Хася все же выбрала отъезд. Никто не мог поверить, что они расстанутся. «Святая троица» – так их называли, они всегда были вместе. Ее отъезд был нелегальным, она собрала вещи, и ночью на грузовике ее перевез через границу Михаил Горчаков. Подруги дали ей новые сапоги, и Аня тайком от Хаси зашила в ее одежду золотое кольцо с бриллиантом – единственное, что осталось от матери Ани. Хася звала подруг с собой, но Лиза всегда хотела жить в коммунистическом государстве, а верная и преданная Аня не захотела оставлять Лизу одну. Хася уехала, и их пути разошлись на долгие-долгие годы...

Письмо

Лиза училась в Гродненском педагогическом институте, когда получила письмо от Ревекки Люблинской – своей родственницы. Они не были знакомы. Ревекка Люблинская оказалась одной из немногих родных Лизы, кто пережил Холокост.

Ревекка Люблинская в 1918 году оказалась в Москве, окончила мединститут и работала врачом. Ее муж в 1941 ушел добровольцем в действующую армию и в 1942 году погиб. Ревекка продолжала работать в военном госпитале. Как-то на обходе случайно услышала разговор раненых девушек-партизанок. Одна из них часто повторяла имя «Лиза Чапник». И Ревекка вспомнила, что в Гродно жили ее родственники по фамилии Чапник. Потом одной из пациенток Ревекки оказалась Ривка Войсковская – комиссар еврейского партизанского отряда «Форойс», от которой она узнала, что из большой семьи ее родственников осталась в живых только одна Лиза. И тогда Ревекка пригласила ее к себе жить.

В Москве. Институт иностранных языков (1945–1954)

У Ревекки

По приглашению Ревекки Лиза и Аня приехали в Москву и остались жить у нее в маленькой комнатке большой коммунальной квартиры. Это был подарок судьбы. Маленькая комната Ревекки в доме на Таганской площади в Москве стала родным домом для Лизы на многие годы. Комнатка размером около 16 кв. м располагалась в длинном одноэтажном доме на улице Таганской. В каждой из десяти комнат этого дома жило по семье. В доме была одна общая кухня и туалет.

Скромное жилище Ревекки на долгое время стало пристанищем для многих людей: «Маленькая комнатка Ревекки, казалось, растягивалась “в другие измерения”, когда к нам приходили многочисленные друзья и гости. Гродненцы приезжали в Москву, приходили к нам и часто оставались ночевать, а иногда и жить. Приезжали Рахель Гордон, Андя Троп-Кринская, Манулек, Муля Ништ... К Ревекке приехал и пробыл с нами несколько дней мой двоюродный брат Лазарь (Люсик) Чернов. К Ревекке приходил и другой мой двоюродный брат – Павел Гофман.

В 1946 году после демобилизации из рядов Красной Армии в Москве оказался близкий друг моего брата Гриши по учебе в Варшавском университете Самуил Котовский со своей женой Эдой. Их родители и все родственники погибли во время войны.

Лиза с Ревеккой

Они приехали ко мне и тоже остановились в маленькой комнате Ревекки. Муля и Эда устроились работать в больницу.

Ревекку часто навещали ее близкие подруги – Полина Ароновна и Рая Наумовна. Это были самые добрые и самые щедрые люди, которых я когда-либо знала. После того как Полина Ароновна увидела, в какой тесноте мы все живем, она воскликнула: “Как столько взрослых людей могут жить в таком маленьком помещении? У меня тоже одна комната, но у меня она больше, чем у вас”, – и пригласила к себе Самуила и Эду. После этого они жили с Полиной Ароновной и ее дочерью Таней в течение многих лет – до тех пор, пока не получили квартиру в Москве.

Ревекка и Полина Ароновна умерли уже много лет назад, но Таня и ее семья остались моими близкими друзьями, и мы дружим до сих пор. Всего у Ревекки я прожила около десяти лет».

Размышляя над судьбой Лизы, думая о людях, которые находились рядом с ней, о тех, кто жил в то сложное время, поражаешься безграничности их доброты, терпимости, готовности помогать другим в любых обстоятельствах, умению сострадать.

У Ревекки была сестра, которая еще до войны покинула Польшу и уехала в Палестину. Она жила и скончалась в Израиле, завещав свои сбережения Ревекке, которая должна была получить эти деньги в Центральном банке Москвы. Однако Ревекка отказалась брать деньги и заявила, что заработала достаточно, чтобы содержать себя, а наследство попросила отправить обратно в Израиль для помощи детскому дому. Директор банка сделал все возможное, чтобы убедить Ревекку принять деньги, но та настояла на своем решении, и деньги ушли еврейским сиротам.

«Ревекка умерла 12 апреля 1961 года – в день полета Гагарина. Для всех это был очень радостный день, а для меня очень печальный. Я до сих пор переживаю, что не смогла как следует организовать поминки», – говорит Лиза.

В институте

В 1945 году Лиза поступила в Московский государственный педагогический институт иностранных языков⁴⁷. Она стала не только студенткой нового учебного заведения, которое готовило кадры для высшей школы, но и оказалась в совершенно незнакомой стране: тех неполных двух лет существования советской власти в Западной Белоруссии было недостаточно, чтобы советский образ жизни укоренился в ее сознании. До сентября 1939 года Лиза жила в Польше. Она не знала русского языка и реалий жизни в Советском Союзе. Нужно было привыкать к советской действительности.

Вспоминая о первых годах жизни в новой для себя стране, Елизавета Иосифовна рассказывает: «Наша студенческая группа была “военная”: почти все студенты были в армии во время войны, воевали на фронте. На нашем первом курсе было 17 групп, в каждой по 12–14 студентов. Мы были четырьмя-пятью годами старше, чем студенты из осталь-

⁴⁷ Лизе повезло. Этот институт, основанный в 1804 г. (с 1964 г. – Московский институт имени Мориса Тореза) славился традициями уникальной языковой школы. Выпускники и преподаватели МГПИИЯ принимали участие в работе Нюрнбергского и Токийского международных трибуналов. Ныне крупнейший российский ВУЗ в области языкознания.

ных 16 групп. Атмосфера на нашем факультете была очень теплой, дружественной. Мои студенческие друзья заботились обо мне. Наиболее близким стал мне Сталь Волошин. Сталь Волошин был замечательный, очень добрый человек. Он не только заботился обо мне, но и помогал моим друзьям. Когда Самуил и Эда Котовские оказались в тяжелых условиях, Сталь пытался помочь и им. Эда заболела и попала в больницу. Мы поехали ее навестить. Сталь купил что-то, что она любила, хотя ему самому катастрофически не хватало денег, как и мне. Ревекке Сталь понравился, и даже наши соседи полюбили его. Они считали, что он русский, по его внешности и имени: Сталь Волошин. У него было больное сердце, поэтому, узнав, что он заболел в Ужгороде, я очень волновалась. Ревекка позвонила в больницу лечащему врачу и обсудила лечение. В дальнейшем врач тоже неоднократно звонил Ревекке с этой же целью. Мы собрали в посылку фрукты и овощи (время было голодное, послевоенное), и я с большим трудом уговорила проводника передать посылку Сталю.

В изучении русского языка мне помогал не только Сталь, но и другие студенты: Валя Зуева, Лариса Столярова, Ида Сарычева, Лида Журавлева, Валя Щекина, Юра Апресян. Апресян⁴⁸ учился на курс младше меня, но также старался повысить мои знания в общественной сфере: Юра давал мне читать “умные” книги, иногда запрещенные. Ясен Засурский⁴⁹ учился курсом старше. Родственники присылали ему из Америки современную литературу, и он давал мне читать эти книги».

Многие общественные явления относились к «запрещенным», в их числе религия. Елизавета Иосифовна рассказывает: «Несмотря на запреты, люди жаждали слышать Слово Божие. Уже позже, в годы “торжествующего атеизма”, моя подруга Валя Зуева посещала проповеди и

⁴⁸ Юрий Апресян (род. 2 февраля 1930) – российский лингвист, академик РАН, один из разработчиков теории «Смысл–Текст», глава Московской семантической школы.

⁴⁹ Ясен Засурский (род. 29 октября 1929) – литературовед, президент журфака МГУ.

лекции отца Александра Меня и пересказывала мне. Валя была верующим человеком, но никто не должен был знать об этом. Она возглавляла кафедру английского языка на географическом факультете Московского университета. У отца Меня был очень ясный взгляд глубоко верующего человека на окружающую действительность. Уже после его гибели в Москву из Израиля приехал гродненец Юзя Шварц и пригласил меня в гости к своему двоюродному брату-москвичу. Оказалось, что они родственники отца Александра Меня. Меня поразили замечательные картины из коллекции отца Александра Меня, который хорошо знал изобразительное искусство и увлекался им».

Лизе повезло не только с товарищами по учебе. В ее группе вели занятия замечательные преподаватели: Григорий Исаакович Венгеров⁵⁰ и Вера Ивановна Прохорова⁵¹, которая вела курс современной английской литературы. Под большим секретом Лиза давала Вере Ивановне книги, которые ей доставались от Ясена Засурского. Она была любимым преподавателем Лизы. На семинарах, проводимых Прохоровой, велись жаркие и живые дискуссии, ее лекции так завладевали вниманием студентов, что никто даже не пытался шевельнуться. Общение с Верой Ивановной оказало огромное влияние на Лизу. Они подружились и общались, в последние годы по телефону. Незадолго до своей смерти, в 2013 году, Вера Ивановна передала Лизе в Израиль книгу своих воспоминаний с теплой дарственной надписью.

Во время учебы в институте Лизе, так же как и в военные годы, приходилось сражаться за справедливость. Две ее подруги – Фаня Вайнтрауб и Лариса Столярова – были

⁵⁰ Григорий Исаакович Венгеров – лингвист, преподаватель МГЛУ имени М. Тореза, легенда иняза 50–60-х гг. Еще в студенческие годы он овладел английским на уровне родного. У него брали уроки сотрудники дипломатических и торговых представительств, не один год проработавшие в США и Англии: «Григорий Исаакович, развяжите нам языки ...» Собиратель и пропагандист песен на идише.

⁵¹ Вера Ивановна Прохорова (1918 – 20.01.2013) – филолог, преподаватель кафедры стилистики МГЛУ имени М. Тореза. Одна из выдающихся деятелей российской и советской культуры. Книга ее воспоминаний «Вера Прохорова. Четыре друга на фоне столетия» вышла в 2012 г.

умными и начитанными, однако в 1951 году было решено отчислить их из аспирантуры. Лиза обратилась в Московский университет к Александру Ивановичу Смирницкому, он поддержал Фаню и Ларису, и они успешно окончили аспирантуру. С Фаней Лиза до сих пор в постоянном контакте: она приезжала к Лизе в Беэр-Шеву (Израиль) из Нью-Йорка, они часто перезваниваются.

Студенческие годы подарили Лизе замечательных друзей на всю жизнь, которые не раз приходили ей на помощь.

Противостояние

В 1946 году Лиза была принята в ВКП(б). На первом партийном собрании, в котором принимала участие коммунистка Чапник, в большом зале, где присутствовали сотни человек, у матери требовали отречься от своего сына – «врага народа». Единственный голос – голос Лизы – был против такого требования. В одиночку она выступила против массы. Понятное на войне противостояние «друг – враг» перестало существовать, теперь принимать мгновенные безошибочные решения нужно было в атмосфере полутонов, недосказанности, когда один и тот же человек, словно на сцене, мог представлять в десятках облиций.

В своем интервью для нью-йоркского музея Холокоста Елизавета Иосифовна сказала: «При всем том, что тяжело было жить, мне повезло: я встретила много замечательных мудрых, добрых, мужественных людей. Прежде всего Соломона Михоэлса. Казалось, все неразрешимые проблемы еврейского народа лежали на плечах этого человека, но он находил время для каждого. Безусловно, он был одним из величайших людей нашей эпохи». И действительно, Лизе везло на таких людей. Хотя, думается, не в одном везении дело. Не были ли это всходы тех семян преданности, отваги и доброты, посеянных Лизой, когда нужна была ее помощь, ее участие? Как ошибочно можно приять за наказание закономерный итог совершенных дур-

ных поступков, так и чудом обретенная помощь – плод ранее отданного добра.

Михоэлс в то время возглавлял Еврейский антифашистский комитет. «Кажется, именно Соломон Михоэлс пригласил меня и Аню на заседание совета Еврейского антифашистского комитета в Москве в 1946 году, где мы познакомились с группой еврейских писателей, членов руководства комитета. Это были Перец Маркиш, Гирш Смоляр, Лейб Квитко, Давид Бергельсон, ученый-физиолог Лина Штерн»⁵².

Михоэлс очень помог Лизе, когда была арестована ее подруга-партизанка, ставшая жертвой сталинского произвола. Помог Лизе в этом деле и Смоляр⁵³.

«Когда мы учились в Институте иностранных языков, если не ошибаюсь, на 2-м курсе, внезапно ночью в нашу комнату вошли двое в гражданской одежде. Они показали свои удостоверения МГБ и, больше ничего не объясняя, перевернули всю комнату, а к утру ушли и забрали подругу с собой.

Я не поняла, что случилось, спросила свою тетю Ревеку, она тоже растерялась. Она ушла утром на работу, а мне

⁵² Во время войны комитет, «образованный органами НКВД в начале 1942 г. при Совинформбюро из представителей советской еврейской интеллигенции для пропагандистских целей за рубежом», обращался к «братьям-евреям во всем мире» с призывом прийти на помощь Советскому Союзу в противостоянии Германии. Усилиями ЕАК для советских вооруженных сил в США, Канаде, Англии, британской Палестине было собрано более 30 млн. долларов, поставлялись машины, медицинское оборудование и многое другое. Деятельность ЕАК способствовала открытию «второго фронта». В 1948 году в связи с огромной популярностью комитета и с тем, что его работа по увековечению памяти Холокоста расходилась с официальной политикой непризнания геноцида еврейского народа во время войны, комитет был распушен. Позднее все руководство было обвинено в «связях с еврейскими националистическими организациями Америки», и в августе 1952 года тринадцать из пятнадцати членов руководства расстреляны. Реабилитированы в 1955 году Военной коллегией Верховного суда СССР в связи с отсутствием в их действиях состава преступления.

⁵³ Гирш Смоляр (1905, Замбрув, Царство Польское – 1993, Тель-Авив, Израиль) – еврейский писатель и журналист, коммунистический деятель, общественный деятель еврейской общины Польши. В годы Второй мировой войны возглавил движение сопротивления в Минском гетто, откуда ему удалось бежать. В дальнейшем служил комиссаром в одном из партизанских отрядов в Налибокской пуще. Участник партизанского парада в Минске 16 июля 1944 г. Главный редактор еврейской газеты «Фолькштиме» («Голос народа»), печатного органа Общественно-культурного общества евреев в Польше. Автор ряда книг публицистического и мемуарного характера на идише.

подсказала пойти на “Дзержинку”, т. е. в управление МГБ на площади Дзержинского. Ревекка сказала, что это единственное место, куда все ходят, когда забирают ночью. Я пришла в это огромное здание на “Дзержинке” и, поскольку никто не мог мне подсказать, куда обратиться, я просто открывала дверь за дверью и начинала объяснять, что случилось. Я рассказывала, что забрали абсолютно порядочного человека, мою подругу, с которой я учусь в университете и живу в одной комнате. Если она виновата, то и я виновата, и они должны меня арестовать. После посещения многих комнат я села на стул в коридоре и заплакала. Через какое-то время вышел работник МГБ высокого ранга и сказал: “Вашей подруги здесь нет, ее сразу увезли в Гродно”.

Об аресте моей подруги узнал Гирш Смоляр и сразу же предложил свою помощь. Он научил меня, как мне вести себя в институте, предупредил, чтобы я никому не говорила об ее аресте, объяснил: “Советские люди боятся контактировать с родственниками и друзьями арестованных”. Гирш не дал мне бросить учебу, не позволял пропускать уроки, сопровождал в управление МГБ, прочитал мое письмо прокурору. В то время ему все время звонили из издательства, чтобы он подписал верстку перед выходом в свет его книги “Минское гетто”. Ответы Смоляра были очень короткими: “Я сейчас очень занят и не могу прийти”. Смоляр научил меня, как вести себя во время допросов: быть осторожной, отвечая, пытаться записать свои ответы.

На следующий день я выехала в Гродно.

Я обратилась к начальнику Гродненского МГБ. Он пытался убедить меня, что он ничего не знает и что моей подруги в Гродно нет. Это оказалось большой ложью. Кстати, он узнал меня, он был в Белостоке в первые дни после освобождения города, и ему сказали, что там была девушка, Мария Мрозовская, которая знала все о том, что происходило в Белостоке. После того как я получила такой ответ, я пошла к первому секретарю гродненского областного комитета партии. Было воскресенье, и только его помощник, Эль-

ман Андрей Петрович,⁵⁴ работал. Параллельно Эльман читал лекции по древней истории в педагогическом институте. Он знал меня как партизанку и подпольщицу. После того как я рассказала ему, что случилось, он улыбнулся: “Марыся, ты напоминаешь мне мою молодость”.

Эльман был честным и великодушным человеком. Он хотел помочь мне, но его власть была ограничена, и тогда он посоветовал мне обратиться к председателю гродненского обкома Калинину, который руководил всем партизанским движением Белоруссии во время войны. Я встретила Калинина у входа в обком, он спросил, почему я плачу. Я рассказала ему о причине, и он взялся организовать мою встречу с руководителем МГБ или с одним из его помощников. Я получила разрешение приехать в это учреждение поздно, было около 11–12 часов вечера. Меня сопровождал Алексей Карпюк, но его не пустили, несмотря на его протесты. Начальник встретил меня, и на этот раз сказал, что моя подруга призналась во всем, в чем ее подозревали, и добавил: “Лиза, я как отец тебе и очень тебя уважаю”.

Я сразу же отреагировала: «Жаль, что мой “вальтер” взял на выставку генерал Капуста, а то я бы застрелила такого “отца”».

После этого меня взяли в какую-то комнату и два сотрудника допрашивали меня в течение всей ночи. Утром лейтенант дал подписать протокол. Я сказала, что должна сначала прочитать. Документ он мне не дал, читал сам. Я отказалась подписывать прежде, чем прочитаю, что там написано. Лейтенант встал позади и предупредил, что убьет меня. Я попросила его сначала встать передо мной, а затем стрелять. Он разорвал протокол допроса и бросил в меня. Потом выскочил, чтобы поговорить с начальником.

Через некоторое время меня выпустили. Я поняла, что ничего не могу сделать в Гродно и должна ехать в Москву. Перед отъездом в Москву я все же хотела узнать причину

⁵⁴ А. П. Эльман с января 1941 г. до начала войны работал секретарем Белостокского обкома компартии по пропаганде и агитации. После освобождения Гродненщины с июля по сентябрь 1944 г. был первым секретарем обкома. Затем он секретарь Гродненского обкома КП(б)Б по пропаганде. До января 1941 г. работал директором Гомельского пединститута и секретарем Гомельского горкома компартии (информацию предоставил краевед В. Саяпин).

ареста. Я и Алексей Карпюк отправились к Д.⁵⁵, который был прокурором Гродно и области. Сначала он отказался сказать нам что-нибудь, но после того как Алексей предупредил его, что очень жестоко отомстит, он согласился и пригласил меня к себе в кабинет в 6 часов утра. Д. показал мне бумагу, в которой было написано, что кто-то направил письмо Сталину, в котором подверг критике советскую власть, а также и Сталина. В письме не было подписи, оно было отправлено из Гродно. Эксперты проверили много сочинений студентов педагогического института и в соответствии с почерком решили, что это была моя подруга: якобы она и направила письмо в Кремль.

Через несколько дней после моего отъезда в Москву Д. встретил Алексея Карпюка на улице и спросил: «Алешка, зачем тебе вмешиваться в жидовские дела?» Алексей дал ему пощечину. Позже Алексей сказал моим друзьям, семье Мараш, что очень сожалел, что не ударил Д. сильнее.

В Гродно никто не помог мне, несмотря на то что все эти товарищи были знакомы со мной по партизанской бригаде. В Москве я обратилась к Соломону Михоэлсу. Михоэлс пришел на помощь. Он организовал мне встречу с генеральным прокурором советской армии Захаровым (кажется, такой была его фамилия). Несмотря на напряженную работу и знание советской действительности, Михоэлс потратил много времени, чтобы помочь незнакомой девушке, чтобы помочь мне. Он позвонил многим людям и сказал, что нужно подождать, пока генеральный прокурор вернется в Москву. Я удивилась, почему мы должны ждать этого прокурора, есть много других, но Михоэлс объяснил мне, что не к каждому он может обратиться: только к тем, кого не волнует, что имя Михоэлса Соломон. Наконец Соломон Михоэлс познакомил меня с генеральным прокурором.

Через некоторое время моя подруга была освобождена.

В театре шла генеральная репетиция, когда я приехала, чтобы сказать Михоэлсу об этом счастливом событии. Меня не пустили, но Соломон Михоэлс увидел меня и без

⁵⁵ Из этических соображений здесь и далее фамилии некоторых людей опущены.

слов все понял. Прервал репетицию, поцеловал меня и сказал: «Это великая победа – один случай на сотни тысяч. Не мог видеть твою печаль, твои глаза, твою веру». Они прошли 37-й год, а я жила на территории другой страны (Польша) и ничего этого не знала».

Во время сталинского террора родственники могли встретиться и с генеральным прокурором. Обычно на свой запрос они получали разъяснение, что речь идет о заговоре против Сталина, и на этом все вопросы и попытки добиться справедливости заканчивались. В случае же с подругой Лизы прокурор получил реальное содержание дела (подругу обвиняли в написании письма с угрозами, которое на самом деле написал и отправил в Кремль другой человек), суть которого Лизе с помощью Алексея Карпюка удалось узнать в гродненском МГБ. Хотелось бы знать: были еще такие случаи борьбы за судьбу одного человека в то время?

Позже Гириш Смоляр репатриировался в Польшу, где работал в Отделе культуры и пропаганды. Перед отъездом Лиза и Перец Маркиш (также один из крупнейших еврейских писателей) провожали Смоляра на железнодорожный вокзал в Москве, и Лиза спросила: «Почему вы уезжаете?»

Гириш ответил: «Дитя мое, здесь меня будут бить, и я должен молчать. Там (в Польше) меня тоже будут бить, но я буду кричать».

Лиза была свидетельницей и других исходов подобных дел, в которые нельзя было вмешаться. Внезапно исчезла Вера Ивановна Прохорова. Никто не знал, где она. Декан всем сказал, что она отправлена в командировку. Только через 4–5 лет стало известно, что Веру Ивановну арестовали по доносу за неосторожные слова, а затем отправили в ГУЛАГ. После возвращения Веры Ивановны в институт Лиза узнала об испытаниях, выпавших на ее долю, о допросах, о лагере и о том, как близкий друг Веры Ивановны Святослав Рихтер направил поздравительную телеграм-

му на ее день рождения в управление МГБ. Примерно в то же время был арестован и в заключении погиб глава кафедры литературы профессор И. Нусинов. Это окружало людей со всех сторон.

Работа в институте

В 1949 году Лиза с отличием окончила Московский институт иностранных языков и поступила в аспирантуру при том же институте. После окончания аспирантуры в 1952 году она защитила диссертацию и ей была присвоена ученая степень кандидата филологических наук. В Московском институте иностранных языков, одном из лучших учебных заведений Советского Союза, Лиза работала на кафедре, возглавляемой Марией Михайловной Галинской, замечательным, умным и очень добрым человеком. Все преподаватели ее кафедры любили и уважали Марию Михайловну. В доме Елизаветы Иосифовны на видном месте стоит красивая китайская шкатулка – подарок Марии Михайловны по случаю успешной защиты диссертации. В этой шкатулке Лиза хранит самые важные документы, письма, фотографии.

Первая группа

Первая группа студентов Лизы в Московском институте иностранных языков: Нусинова, Нарская, Куканова, Пахоменкова, Скуратова, Фрог, Когина.

Рассказывает Елизавета Иосифовна: «Моя первая группа была превосходной, атмосфера в группе очень дружелюбной. Студенты взрослые. Мы любили друг друга. Они, как правило, обсуждали со мной свои личные проблемы, просили у меня совета в трудных случаях.

Эти студенты спасли мне жизнь. Это было в день похорон Сталина. Когда Сталин умер, все вузы были обязаны принять участие в похоронах. Я пошла со своими студентами. Вдруг они заметили, что я посинела и стала терять

сознание. Я была маленького роста, и толпа сдавила меня. Хотя это было очень опасно для студентов, они подняли меня высоко над головами людей, чтобы дать доступ свежему воздуху. Бывали и курьезные случаи. Я выглядела намного моложе большинства своих учеников. Как-то, когда вся группа пришла, чтобы сфотографироваться, фотограф в течение длительного времени не начинал снимать. Он стал нервничать и спросил: «Сколько времени мы должны ждать вашего учителя?» Он не мог понять, как такая молодая женщина может быть учителем всех этих студентов».

Илья Машевицкий

Работа в институте нравилась Лизе, у нее сложились прекрасные отношения с коллегами и со студентами, но проработала она там недолго. И вот почему. В 1944 году в Гродно Лиза познакомилась с Ильей Машевицким. Они поженились 25 мая 1951 года. Рассказывает Елизавета Иосифовна: «Юлек, Илья Абрамович Машевицкий, родился в Белостоке в 1921 году. Его мама, Хася Ягуст, умерла при его рождении. Юлека воспитывал отец, Абрам (Абрам Григорьевич Машевицкий). В 1940 году Юлек уехал в Москву и поступил в Московский энергетический институт (МЭИ). Сразу после окончания им 1-го курса началась война, и уже в августе 1941 года Юлек вместе с другими студентами был послан на строительство оборонительных сооружений вокруг Москвы. Некоторые его товарищи погибли, но Юлеку удалось вернуться в Москву. Он был мобилизован и служил в Красной Армии с 1941 по 1948 год. Во время службы он окончил краткосрочные курсы младших командиров-минометчиков и курсы немецкого языка. Юлек дошел с армией до Берлина. В 1945–1948 годах он служил переводчиком в штабе маршала Жукова. Из его рассказов запомнилось, как одна немка горячо убеждала его, что не только ее бабушка была наполовину еврейка, но и ее любимая собачка – чистокровная еврейка. Юлеку угро-

Илья Машевецкий. Берлин. 1945 г.

жал арест, но его спас от ареста его друг-татарин (к сожалению, не запомнила его имени), глубоко порядочный человек. Его вызвали и настойчиво уговаривали подложить в книгу Юлека компрометирующие документы. Он не только не совершил эту провокацию, но и рассказал об этом Юлеку. После этого Юлек и сам стал писать рапорты с просьбой о демобилизации, и обратился за помощью к отцу (Абрам Григорьевич Машевецкий был депутатом Верховного Совета Белоруссии). В ре-

зультате Юлека демобилизовали, и он смог вернуться к учебе на 2-м курсе МЭИ. Юлек окончил институт в 1952 году и получил направление на работу в Рязань». Семья приняла решение о переезде.

Все друзья отказывались понимать Лизу: хотя квартиру в Москве получить было невозможно, никто не уезжал из Москвы, если уж туда попадал, – и обижались, что она уезжает, но решение о переезде было окончательным.

В 1954 году семья Машевецких переехала в Рязань.

Борьба с болезнью Аллочки

В Рязани у Лизы и Ильи родилось двое детей: сын Григорий и дочь Алла.

Семью Елизаветы Иосифовны постигло страшное горе: дочь Алла заболела.

Аллочка нуждалась в лечении и получала его в Москве. И вот снова Москва. Пребывание в городе, как обычно, возвращало к радостным минутам, проведенным с друзьями, но сердце Лизы было с дочкой. Все, кто знал о болезни Аллочки, стремились помочь, чем могли. Семья Сталя Волошина, университетского друга, пригласила Лизу к себе, и она в течение нескольких месяцев, когда Аллочка была в больнице (конец 60 – начало 70-х годов), жила в Москве у них. Сталь умер очень молодым, но Лиза дружила с его семьей: с женой Сталя Инной и ее сестрой Лерой Годкиной. Лера была так добра, что предоставила Лизе свою комнату.

Аллочку положили в гематологическое отделение Морозовской больницы⁵⁶. Возглавляла отделение Е. А. Морозова, а консультантом по лечению Аллочки была Л. А. Махонова. Махонова очень хорошо относилась к Лизе. Лиза читала медицинские журналы на иностранных языках и рассказывала Махоновой о новых лекарствах. Как-то из газетной статьи Лиза узнала о мальчике возраста Аллочки,

⁵⁶ Морозовская детская городская клиническая больница – одна из старейших детских больниц в России. В 1965 г. было открыто первое гематологическое отделение для больных лейкозом.

который был так же болен, и ему помог препарат «Винкрестин». Лиза рассказала Л. А. Махоновой об успешном применении «Винкрестина». Лекарство стоило дорого.

«Ася Колетская, наша подруга, работала в министерстве торговли во главе с Патоличевым. Она рассказала министру, что ее маленькая племянница Аллочка остро нуждается в «Винкрестине». Патоличев дал Асе разрешение на покупку «Винкрестина». Лера Годкина, моя подруга, замечательный человек, получила первый препарат в аэропорту. Лекарство доставил Юрий Жуков, один из самых известных советских журналистов.

Люба Подлашек (возможно, фамилия искажена), родственница Юлека, была профессором биологии и в течение многих лет работала в Институте Пастера в Париже. Совершенно случайно я узнала, что Хаеле Маркус-Гутман, близкая подруга моей сестры Берты, была профессором биологии и работала вместе с Любой Подлашек в том же институте. Они прислали мне последние современные лекарства (в частности, «Винкрестин»), чтобы спасти Аллочку. Люба обратилась в знаменитый онкологический институт за консультацией к профессору Амизлю и профессору Бернару по поводу заболевания Аллочки. Как раз в то время Люба и Хаеле принимали участие в международной научной конференции в Москве. В Москву они прибыли по отдельности, но обе навестили нас. Мы встретились с Хаеле в гостинице. Со мной была Ида Сарычева, бывшая однокурсница. Когда Хаеле вошла в зал ожидания, на ее лице была счастливая улыбка, и, как она делала это много-много лет назад, когда я была маленькой девочкой, а Хаеле была молода, хотела поднять меня на руки. Мы были исполнены радости при виде друг друга и вспоминали наш родной город Гродно и наших старых друзей: тех, которые навещали нас часто, и тех, которые погибли во время войны. Ида Сарычева изумилась и воскликнула, что никогда в жизни не видела такого горячего проявления чувств.

Когда Аллочка почувствовала себя плохо и анализ крови был не очень хороший, я начала искать хороших специалистов-гематологов. Я обратилась к своей знакомой Леле Пригожиной. Леля была очень чутким, отзывчивым и добрым человеком и сразу же помогла мне. Она порекомендовала обратиться к академику Иосифу Абрамовичу Кассирскому. Затем Леля познакомила меня с учеником Кассирского Андреем Ивановичем Воробьевым. Андрей Иванович взял Аллочку в свое отделение в больнице Института биофизики».

Лиза всецело отдалась заботе о ребенке. Она вникала во все, что касалось ее лечения, и старалась максимально облегчить ее пребывание в больнице. «Вместе с моей дочерью Аллочкой мы несколько раз посетили Институт Гельмгольца, чтобы облучать глаза. Аллочка не знала своего диагноза. Она знала, что мы идем лечить глаза. Аллочка доверяла мне всецело – и вдруг врач не позволил мне войти в комнату, где проходило облучение. Было абсолютно запрещено входить в комнату. Аллочка знала, что я всегда с ней, и мы пришли, чтобы лечить воспаление ее глаз. Мое отсутствие могло быть подозрительным. Я решила обратиться к профессору, заведующему кафедрой. Вначале профессор не хотел даже выслушать мою просьбу присутствовать при облучении. Но потом он выслушал мои аргументы, ничего не смог противопоставить и в конце концов сдался. Профессор дал разрешение и подчеркнул, что впервые нарушил правило.

Аллочка была очень добрым и преданным ребенком. Она пыталась помочь каждому, чем могла. Когда я приносила вкусную еду в больницу, ее первой реакцией было раздать ее больным людям, хотя больница в целом была для взрослых.

Однажды мы с Аллочкой выехали в другую больницу и там встретили мальчика Ваню из нашей больницы. После окончания процедуры мы все вернулись в свою больницу. Хотя Аллочка была очень слаба, она попросила меня

Аллочка Машевицкая

сопровождать Ваню в его комнату и уложить его в постель, чтобы он отдохнул. Она предложила, что будет ждать меня во дворе. Сначала я отказалась, потому что сама Аллочка была очень слаба и устала. Я не хотела с ней расставаться даже на мгновение, к тому же и Ваню сопровождал врач из нашей больницы, но Аллочка доверяла только мне, и поэтому она попросила меня помочь Ване и настаивала на том, чтобы я это сделала.

Все в больнице очень любили Аллочку – и больные, и их посетители, и врачи, и сестры, и лаборанты, и нянечки. С Аллочкой беседовали, перестукивались. Дарили открытки с наилучшими пожеланиями космонавт Б. В. Волынов и физик Т. В. Курчатов. Взрослые дамы рассказывали ей о своих мужьях, в том числе о тех, которые их оставили и ушли к другим. Аллочка не могла этого понять и спрашивала меня, как такое может случиться. И я должна была поручиться за папу Юлека, Райкина, Андрея Ивановича и еще за кого-то, не помню. Лида из лаборатории заходила почти каждый день и обменивалась с Аллочкой новостями.

Вера Страшко облучилась на полигоне и много лет лечилась в 6-й больнице. Вера очень любила Аллочку. Она писала: «Аллочка, сама чуть живая, находила силы поддержать меня и дать мне силу решиться. Ясноглазая, добрая и умная, не по годам чуткая и восприимчивая живет в моем сердце Аллочка». Вера считала Аллочку своим главным доктором: «Аленочка, честное слово, сейчас ты для меня главнее всех главных врачей». «Ни к одному доктору я так не тянулась, как к этому беспокойному, сумевшему в таких условиях сохранить живую душу Человеку. Хочется прижать к себе девоньку, тоненькую березоньку нежную и, конечно же, ее маму». «Привязалась я к тебе и к твоей необыкновенной маме навсегда (какое счастье, Аллочка, что у тебя такая мама, на редкость Человек)».

Вера и Аллочка очень много общались в больнице и писали друг другу длинные письма во время кратковременных выписок. Аллочка часто упоминала Веру и в своем дневнике.

Из дневника Аллочки:

«По-моему, каждому человеку присущ в какой-то мере эгоизм (хотя, конечно, в любых правилах есть исключения, я имею в виду свою маму). И мне кажется, что Марина Давыдовна не должна была оставлять своих тяжелых больных на такого врача, как Т. В. Я по сравнению с ней – кандидат наук. Я преувеличиваю, но все-таки. Например, у меня понизились лейкоциты, Т. В. сказала, что надо прекратить принимать витамин Д. А я знаю, что в таких случаях наоборот увеличивают норму. Я переспросила: “Увеличить?” – “Прекратить принимать”, – ответила она. Позже мама сказала Т. В., что надо принимать на таблетку больше. “Да-да”, – ответила Т. В. Какая-то она ко всему безразличная, не слышит, что ей говорят, не записывает, а позже переспрашивает все анализы у Лиды (лаборантки), но как только рабочий день кончается, она улетает, как на крылышках».

«Утром Андрей Иванович ввел для меня режимное положение. Это значит, что в мою палату можно входить только в масках и головных уборах. После этого пришли 4 человека брать анализы. Все были без масок. В довершение всего, Домна Григорьевна, нянечка, пришла убираться. У нее был страшный насморк, дышала она, как паровоз. Вот и все».

«14.3.70. Надо отвечать на письмо тети Веры, она мне написала 8 стр. о жизни и жизни. Я не знаю, что ей написать, как ее утешить. У нее положение прескверное. Все болит, никому не нужен, нельзя работать, нечего делать. Тут уж поневоле руки опустятся. Постараюсь написать что-нибудь хорошее».

24.3.70. Тетя Вера прислала письмо с засушенными листочками, самые красивые на почте вытащили. Это часто так бывает, не стоит удивляться, а тем более расстраиваться.

8.4.70. Сегодня приехала тетя Вера. Приходила ко мне несколько раз. Теперь она будет часто ко мне приходить, я буду мало заниматься, а это совсем не желательно.

13.4.70. Я выписываюсь. Ура!!! Тетя Вера была так расстроена моей выпиской, что рыдала, наверное, час навзрыд. Я на нее за это обиделась. Мне не нравится этот эгоизм, хотя бы ради меня она должна была поддерживать мою выписку. Но я ее понимаю. Мне бы на ее месте было бы не менее грустно, хотя я бы постаралась это скрыть.

11.3.1970. У меня столько любви! Прямо не знаю, куда ее деть. Правильно сказал герой фильма: “Человеку необходимо состояние влюбленности в кого-нибудь или во что-нибудь”. Очень верно сказала также Анна Франк, что человек чувствует себя очень одиноким, если нет того, кому ты дороже всех на свете. Мне тоже нужна полная отдача. Человек, которого ты любишь, не может быть идеалом (кроме редких исключений), с этим надо смириться.

Я очень люблю Леночку, хотя она немножко, если можно так выразиться, не по мне. О недостатках говорить не стоит, у каждого есть свои недостатки, без них даже было бы скучно. Но раньше (я ее, видимо, очень плохо знаю) мне казалось, что она очень сложная натура, а теперь мне кажется, что люди как-то у нее делятся на беспросветных тупиц, средненьких и умных, хороших людей (я тоже начинаю так подразделять). Мне кажется, что это не так, я сама еще толком не разобралась. Вообще, Леночка слишком взрослая и немножко несовременная. Я не могу с ней откровенничать, думать, советовать-ся, я как-то ее стесняюсь, боюсь попасть впросак. А мне обязательно нужен такой друг, с кем я могла бы порассуждать, поделиться своими мыслями. У меня, наверное, сейчас такой возраст – переходный. Мысли вихрем проносятся в голове, и я сама в них запутываюсь.

У меня все мысли какие-то незаконченные, а я человек скучный, мне нужна точность и ясность, как говорится, прямая линия и сухие цифры. Но практически точные ответы бывают очень редко.

13.3.70. Заходил Андрей Иванович, я нарочно устала на него, чтобы как-нибудь выразить свое недовольство, раздражение, но он, по-моему, не заметил ни моего пристального взгляда, ни того, что я сидела развалясь (из-за чего я переживала)... Так бы и сказала им в лицо: “Надоели вы мне до чертиков”. Вы все время заняты своими конференциями, а я здесь становлюсь психом. У меня сейчас какая-то странная апатия, прямо (о Боже) жить не хочется... Чувствуешь себя какой-то ненужной. Все учатся, а я сижу здесь, как какой-то отщепенец...

18.3.70. Зашли Андрей Иванович и Марина Давыдовна. У Андрея Ивановича было видно очень хорошее расположение духа. Мы с ним поговорили по душам, правда, когда у него хорошее настроение, с ним разговаривать бесполезно, он только и знает, что отпускает шуточки. Марина Давыдовна смотрит на него, как всегда, задрав голову и

с открытым ртом (прости меня, Боже, но как мне ее ни жалко, надо все же скрывать свое отношение). Даже настроение у нее стало делом минуты, в одно мгновение ее видишь сияющую, с лучащимися глазами, а в следующую минуту заплаканную, и я могу сказать почти с уверенностью, что Андрей Иванович сказал ей что-то хорошее или наоборот. Впрочем, я очень уж большую ответственность беру на себя своими рассуждениями.

Марина Давыдовна выписывать меня не собирается, потому что лейкоцитов мало. Бодрость помаленьку с меня скатывается в виде слез. Марина Давыдовна заходит ко мне каждый день, но я с ней стала довольно сухо обращаться: разговариваю мало, улыбаюсь натянуто и смотрю в потолок.

Лида говорит, что Марина Давыдовна даже переживает из-за этого. Ну, может быть, я смягчусь.

Позавчера приехала Марина Давыдовна. Обещала через две недели, а приехала через три. Вы так ее защищали в своем письме, что мне даже обидно стало. Я вовсе не обижаюсь на нее, то есть не виню ее (обижаться-то обижаюсь) за то, что она положила меня и ушла в отпуск.

Марина Давыдовна работает с утра до вечера. И очень много у нее неприятностей. Часто от начальства выходит вся в слезах. Лиде даже жалуется, что хочет уйти, что никому не нужна ее работа. Но это только слова. Очень ее жалко, столько работает человек, всю себя отдает – и за это такая благодарность. Вот ведь люди!»

В своем дневнике Аллочка уделила место и некоторым врачам из тех, что ее лечили. Марина Давыдовна Бриллиант и Андрей Иванович Воробьев. Вспоминает Елизавета Иосифовна: «Это были замечательные врачи, преданные своей работе и своим пациентам, грамотные, проницательные. Марина читала медицинские журналы на нескольких языках и знала о последних открытиях в своей области медицины. Марина знала абсолютно все о каждом пациенте в клинике. Огромная преданность пациен-

там вызывала их любовь. Марина Давыдовна стремилась ободрить и поддержать их. Она регулярно приносила интересные книги для Аллочки: “Граф Монте-Кристо”, “Король Матиуш” и другие. Несколько раз я получала разрешение ночевать в больнице, в кабинете Андрея Ивановича. Однажды я заболела и осталась в больнице на ночь, спала в кабинете Андрея Ивановича, потому что в больнице не было ни одной свободной палаты. В 6:00 утра Марина Давыдовна тихо открывала дверь кабинета, стараясь не разбудить меня. Она обычно приходила в больницу с первым поездом метро и оставалась допоздна. *Из письма лаборантки Лиды:* “Марина Давыдовна, по-моему, ночует в больнице, остался один нос”.

Андрей Иванович не только лучший специалист в гематологии, но и очень образованный во многих областях человек. В то время, когда Аллочка находилась в больнице, Андрей Иванович был заведующим этого отделения. Его уважали и любили все врачи и пациенты. Каждый больной хотел проконсультироваться именно у него. Даже всего лишь после консультации больной чувствовал себя лучше. Андрей Иванович знал, как говорить с больными людьми, знал, какие темы обсудить с ними. Он знал и как угодить Аллочке, как сделать ее счастливой. Андрей Иванович предложил нам пойти посмотреть выступление Аркадия Райкина в Москве. Аллочка была счастлива, что увидит своего любимого актера. Когда мы вернулись в больницу, Андрей Иванович вошел в палату и попросил рассказать ему о выступлении Райкина. Он знал, что Аллочка могла подражать Райкину, и потребовал повторить все в деталях, но Аллочка застеснялась, она сказала: “Я не Райкин, у меня получается далеко не так точно”.

Тогда Андрей Иванович отреагировал: “За что же я стараюсь достать вам билеты?”

Это только небольшой штрих к тому, как Андрей Иванович относился к своим пациентам.

Андрей Иванович заходил к Аллочке и спрашивал, что у нее болит. Она обычно отвечала, что ничего не болит. “Ты врешь, Алка”, – говорил он.

Из письма лаборантки Лиды: “Дорогая Елизавета Иосифовна, если бы вы только знали, как я благодарна Андрею Ивановичу за человечность, сколько я билась и от скольких дверей получила поворот, а главное – равнодушие и жестокость, а Андрей Иванович все сам уладил. Андрей Иванович очень похудел, наверное, нельзя так выкладываться на работе, а может, это счастье”».

Аллочке пытались помочь университетские друзья Лизы.

«Мы дружим с Валею Зуевой со студенческих лет. Валя Зуева необыкновенно чуткий и добрый человек. Валя работала в МГУ на географическом факультете, заведовала кафедрой иностранных языков. Человек она всегда была очень занятой, так как одна воспитывала двух детей – Олю и Женю. Однако она часто приходила к Аллочке в больницу, несмотря на то, что ехать приходилось в противоположный конец Москвы. Валя узнала от коллег в университете, что известные ученые М. П. Чумаков и М. К. Ворошилова создали препарат для лечения рака крови. Они передали нам этот препарат. Аллочке он не помог». Тогда Лиза передала препарат своему двоюродному брату Люсику Чернову, но и ему он не помог. Люсик, в свою очередь, передал этот препарат соседу по палате. Этому соседу препарат помог, улучшились анализы и самочувствие.

Борьба за Аллочку продолжалась. В рязанской школе работал учителем Александр Исаевич Солженицын, и одной из его учениц была Лена Фролова. Семья Фроловых дружила с Лизой. Фроловы рассказали Солженицыну о Лизе и о том, что она часто ездит в Москву к Аллочке, и Солженицын обратился к Лизе с просьбой отвезти свою рукопись Александру Твардовскому, главному редактору журнала «Новый мир».

Елизавета Иосифовна говорит: «Многие плохо отзываются о Солженицыне, а я знаю его с хорошей стороны. Я часто ездила в Москву к дочери, где она лечилась, и по просьбе Солженицына передавала его рукописи главному редактору журнала “Новый мир” Александру Твардовскому. У Солженицына был валютный счет, куда ему перечисляли гонорары за публикации за границей. Как раз появилось новое лекарство, говорили, что оно помогает. И Солженицын предложил взять деньги на лекарство для Аллочки с его счета и сказал, что неважно, сколько оно будет стоить, хоть миллион». Деньги не понадобились, потому что друг А. Солженицына, Жорес Медведев⁵⁷, известный ученый-биолог, договорился с создателями лекарства, и они прислали его бесплатно. В том же интервью для нью-йоркского музея Елизавета Иосифовна говорит: «Благодарю Солженицына за то, что он сделал для людей, и в моем горе он тоже сильно помог». Но лекарства не помогли. В возрасте пятнадцати лет Аллочка умерла, похоронена в Рязани.

⁵⁷ Жорес Александрович Медведев (род. 14.11.1925, Тифлис) – российский писатель, ученый-биолог, диссидент «по вопросам свободного развития науки». Случай с лекарством для Аллочки описан им в книге «Десять лет после “Одного дня Ивана Денисовича”» в главе «Алиби по одному из обвинений».

В Рязани (1954–1990)

В Рязанском пединституте

Елизавета Иосифовна работала в Рязанском педагогическом институте старшим преподавателем, заведовала кафедрой английского языка, была доцентом. Студенты, защитившиеся под руководством Елизаветы Иосифовны, работают в высших учебных заведениях и по сегодняшний день звонят, интересуются здоровьем и тем, как обстоят дела. Кроме того, консультируются, что читать, и Елизавета Иосифовна рекомендует им литературу. В Рязанском пединституте Елизавета Иосифовна проработала около тридцати лет.

Илья Машевицкий начал работу инженером в электрическом цехе Рязанского завода электронных приборов. Уже через год он стал начальником этого цеха. Илью Абрамовича любили рабочие, так как он не только требовал выполнения плана, но и старался помочь рабочим в решении их житейских проблем. Он воспитал многих молодых специалистов. Среди них был и Владимир Безуглов, дружили семьями и регулярно перезваниваются до сих пор. Через несколько лет Илья Абрамович стал главным энергетиком завода. На огромном заводе (около 10 тысяч рабочих) чуть ли не ежедневно и еженощно возникали нештатные ситуации, и часто приходилось принимать нестандартные решения. Проработав много лет в таком чрезвычай-

ном режиме, он перешел на проектную и преподавательскую работу. У Ильи Абрамовича были «золотые» руки. Он любил природу, и самым лучшим отдыхом для него была работа на земле. На своем небольшом участке он разбил и сад, и огород и выращивал практически все виды овощей и фруктов, растущих под Рязанью. Позже он получил участок за городом и построил дом, в большой степени своими руками.

Несмотря на то что жизнь по-разному обходилась с Лизой и ее семьей, это не отнимало у нее желания быть среди людей и помогать им. Очень хорошо сложились у Елизаветы Иосифовны отношения со студентами. И не только потому, что она была прекрасно образованным преподавателем, но и потому, что ее стремление помочь человеку было безграничным. «Лариса Макаренко была моей ученицей в 60-е годы. Сирота, ее и сестру Нину воспитывала бабушка. Когда Лариса была студенткой 3-го курса, она заболела. Врачи в Рязани не знали, как обследовать Ларису, и не смогли поставить правильный диагноз. Я обратилась к Марине Давыдовне Бриллиант и Андрею Ивановичу Воробьеву за помощью. Они отреагировали мгновенно и попросили меня прислать Ларису в Москву, в их больницу. Девушку обследовали, а затем отправили в специализированную, хорошо известную московскую клинику МОНИКИ. После долгого времени, проведенного в двух больницах, Лариса смогла вернуться в институт и все время твердила, что Марина Давыдовна и Андрей Иванович спасли ее, а они заботились о ней все время. Хотя она окончила институт более 30 лет назад, мы были в контакте до самой ее смерти, и теперь ее единственная дочь Света пишет мне».

Просто антисемитизм

Работа в Рязанском педагогическом институте нравилась Лизе. Но, как обычно бывает, просто сосредоточиться на любимом деле невозможно. Горько, но Лизе пришлось

снова и снова сталкиваться все с тем же «обыденным» антисемитизмом, с которым, к сожалению, она была так хорошо знакома. Это не было неожиданностью, но закономерным и ожидаемым явлением считать не хотелось.

Снова приходилось отстаивать свою честь, да и не только свою. Думается, не раз вспоминала она, как противостояла этому в прошлом. Еще в Москве Лиза с изумлением наблюдала, как сосед Ревекки собирал детей от 8 до 14 лет перед окном и науськивал их: «Здесь живет еврейка, мы должны разбить ей окно и побить ее». Лиза тогда была студенткой 1-го курса института иностранных языков. Она написала письмо с описанием этих антисемитских сцен в центре Москвы и отправилась в Таганский исполнительный комитет, где обратилась в отдел по предотвращению подобных инцидентов. К ее великому удивлению, люди в этом отделе не заинтересовались антисемитскими высказываниями ее соседа, который учил детей бить и убивать евреев. Однако они подробно расспросили о ее биографии. Позже Лиза узнала, что эти люди были из НКГБ.

В следующем году другая соседка, работавшая в милиции, собрала соседей всех девяти комнат (кроме комнаты Ревекки) на кухне и читала центральную газету «Правда» о еврейских врачах-отравителях, которые «убивали русских людей».

И вот – Рязань. «Однажды я была председателем приемной комиссии на вступительных экзаменах в Рязанском педагогическом институте на факультете иностранных языков. В то же самое время Ф. был председателем приемной комиссии исторического факультета. Две еврейские девушки – Лиза Лейцина и Тамара Лейцина – приехали с Украины сдавать вступительные экзамены на факультет иностранных языков. На Украине евреи не могли поступить в высшее учебное заведение. Поэтому они приехали в Россию, чтобы учиться в университете. Лиза и Тамара были очень способные девочки. Они сдали экзамены по английскому языку с отличием, но получили удовлетво-

рительные оценки по истории. В университет их не приняли. В следующем году девушки снова сдавали экзамены. Они на “отлично” сдали экзамен по английскому языку. Я пошла к Ф. и предупредила его, что, если снова преподаватели их кафедры будут пристрастны к девочкам на экзамене по истории, всем кандидатам на исторический факультет я поставлю “удовлетворительно” по английскому. И Лиза, и Тамара успешно окончили институт. До сих пор мы в постоянном контакте. Недавно (май 2015 г.) Лиза Лейцина звонила мне из Германии.

Мне сказали, что на каждом факультете был преподаватель, который должен был поставить еврейским абитуриентам удовлетворительные или отрицательные отметки.

Ректором института был Павел Кирьянов, проректором – И. М. Ректор был умным, порядочным человеком, а проректор отличался крайним антисемитизмом. Как заведующая кафедрой английского языка, я всегда противостояла М. На ученом совете института, где он присутствовал, я говорила, что он пытается избавиться от всех преподавателей-евреев. Так, после того как я написала очень хорошее рекомендательное письмо и характеристику прекрасному педагогу Водотынской и передала его на подпись М., он подписать отказался и настаивал на том, что ее надо уволить. Я начала спорить и сказала все, что о нем думаю. Когда я вышла из его кабинета, увидела, что его секретарь Римма Константиновна чуть не теряет сознание. Она сказала только, что М. работает на “органы”, и у меня теперь будет много неприятностей”.

Что ж, это была не пустая угроза. Ложь, страх и тотальная слежка, опутывавшая все и всех, были реальностью, и каждый знал это. «Однажды студентка моего 3-го курса попросила меня остаться после занятий на несколько минут. Она была слабой студенткой, и у нее были плохие оценки по английскому языку. Я подумала, что речь идет об объяснении нового материала. Когда мы остались одни, она прошептала: “Только это огромная тайна”. И рассказа-

ла, что сотрудники КГБ поручили ей слушать мои разговоры, запоминать темы моих уроков, какое мнение я выражаю на политинформациях, – одним словом, шпионить за мной. Должна сказать, что “стукач” был в каждой группе, он информировал обо всех разговорах между студентами и преподавателями. Такие же “стукачи” были и среди преподавателей».

Время собирать камни

С Рязанью связано еще несколько важных событий, начало которых относится к военной и даже предвоенной поре жизни Лизы. Нашлись некоторые из уцелевших родственников и друзей. Отыскался двоюродный брат Давид (Додик) Мышалов. С Лазарем (Люсиком) Черновым и Павлом Гофманом Лиза встретилась еще в Москве.

По-разному сложились судьбы братьев. Рассказывает Елизавета Иосифовна: «Соня, мать Лазаря (Люсика), погибла при ликвидации гродненского гетто. Его отец Арон Чернов вместе с дочкой Бэллой, сестрой Люсика, скрывались, но соседи – те самые, которым семья Черновых помогала и делала много добра, – выдали их гестапо, и Арона с девочкой расстреляли во дворе гродненской тюрьмы.

Люсик воевал, а по окончании войны его послали учиться в Ленинградскую военную академию связи. В то время было запрещено посылать на учебу в академию жителей областей, присоединенных к Советскому Союзу в 1939 году, новых граждан. Командир Люсика позже объяснил, что нарушил этот приказ по недоразумению: он просто перепутал родной город Люсика Гродно с городом Грозный. Люсик был очень талантлив и вскоре стал ведущим специалистом в своей области и получил звание полковника.

После одной командировки для испытаний на полигоне под Минском Люсик почувствовал себя плохо, и его отправили во Владимирский госпиталь. К несчастью, врачи в этом госпитале не смогли поставить правильный ди-

агноз (радиационное облучение) и своим лечением, противопоказанным при его заболевании, лишь ухудшили его состояние. Только после этого Люсика перевели в Московский госпиталь имени Бурденко. Полковник медицинской службы, сопровождавший Люсика, а позже и другой полковник, начальник отделения в госпитале имени Бурденко, почему-то считали, что я врач, и советовались со мной. В то время я хорошо знала морфологию крови и могла поддерживать эти дискуссии, а Люсик еле сдерживался от смеха. Первым, кто поставил Люсику правильный диагноз, был доктор Матвеев. С доктором Матвеевым мы были знакомы по Рязани. Однажды мы встретились в 6-й больнице (клиническая больница Института биофизики), где доктор Матвеев работал, а Аллочка лечилась. С тех пор он посещал нас с Аллочкой. Доктор Матвеев осмотрел Люсика и поставил диагноз, позже он созвал консилиум и диагноз был подтвержден. Мои друзья помогли мне пригласить на консультацию самого лучшего специалиста – профессора Перельмана. Он осмотрел Люсика и сказал, что на этой – финальной – стадии болезни уже ничего сделать нельзя. Еще недавно Люсик навещал Аллочку в Морозовской больнице и, к изумлению персонала, помогал перетаскивать мебель, когда отделение переводили из одного здания больницы в другое. Люсик тогда пришел прямо со службы в военной форме, но тут же снял китель и взялся за работу. Сестры и заведующая отделением удивлялись и восхищались тем, что полковник готов помочь в выполнении «черной» работы. А сейчас он сам был уже смертельно болен.

Последний день в больнице был очень страшный. Когда Люсик увидел меня, он возмутился, что я оставила Аллочку и приехала к нему во Владимир. Не моргнув глазом я ответила, что мы с Аллочкой собираемся домой в Рязань, так как она хорошо себя чувствует, а я приехала, чтобы привезти ему новые таблетки. Люсик заплакал, когда лечащий врач велел мне и Софе (жене Люсика) выйти из палаты.

С Давидом Мышаловым

Это был уже страшный конец.

Давид в 1937 году уехал учиться за границу. Во время войны он сражался в составе британской армии на подводной лодке. Если я не ошибаюсь, был капитаном. Его лодка многократно сопровождала караваны судов с продовольствием, оружием и оборудованием для Красной Армии.

Давид нашел меня в Рязани и несколько раз приезжал в Москву из Англии, Ливерпуля, чтобы мы могли встретиться. Он бывал у меня в гостях не только в Москве, но и в Беэр-Шеве, вместе с Гарри, своим лучшим другом. Гарри рассказал мне несколько случаев, когда Додик буквально спасал своих друзей, попавших в тяжелое положение. Давид помогал не только своим друзьям. Он помог и моим друзьям из Рязани – семье Цинманов, с которой потом крепко подружился, обустроиться в Израиле. Я также была несколько раз у Додика в гостях в Ливерпуле, где он жил со своей семьей. В Ливерпуле Додик пожертвовал большую сумму денег на ремонт синагоги.

Павел Гофман после войны жил с семьей в пригороде Ленинграда Колпино, позже они перебрались в Израиль и жили в Нетании.

Отыскились и некоторые друзья. Додик Ребейков приехал из Парижа в Москву и разыскал меня. Когда же он узнал, что я собираюсь навестить моего двоюродного брата Давида Мышалова в Ливерпуле, то со своей женой Жене-вьевой приехал на несколько часов в Бельгию только для встречи со мной. К сожалению, я смогла приехать в Па-

риж только после его смерти. Женевьева во время этой нашей парижской встречи рассказала, что Додик всю жизнь помнил о своей первой любви – Берте, моей сестре, погибшей в Майданеке, и, когда он говорил о ней, его лицо светилось...

Неожиданно нашлась Хася Белицкая. Давид Мышалов, желая сделать мне сюрприз, пригласил в Ливерпуль Хасю и выслал ей билет. Так я встретилась с Хасей впервые после 1945 года.

С Хасей мы вместе учились в Гродно в школе № 9, были в гродненском и белостокском гетто, работали в подпольной антифашистской организации. В 1945 году Хася вернулась в Польшу и принимала активное участие в организации детских домов для еврейских детей, потерявших родителей во время войны. С большим трудом, преодолев множество преград, которые чинили репатриантам английские власти, Хасе посчастливилось попасть с этими детьми в Палестину. В 1985 году мы увиделись в Ливерпуле, и, наконец, Хася встретила меня в Израиле в кибуце “Лехавот ха-Башан”, который она, ее муж и их друзья основали в 1948 году.

Встретилась и с Хайкой Гроссман. Я познакомилась с ней уже в белостокском гетто. Она была одним из лидеров “Ха-шомер ха-цаир” и членом антифашистского комитета в гетто. В 1948 году Хайка уехала в Израиль, в течение 22 лет была депутатом кнессета, из них четыре года – спикером⁵⁸. В 1980 году Хайка приехала в Москву с первой (по крайней мере, с 1967 года) израильской делегацией, в которую входили известный раввин, Хайка и еще один член кнессета. Хайка пришла к моим московским друзьям, чтобы встретиться со мной и поделиться своими первыми впечатлениями от визита. Во время встречи Хайка рассказала, что Примаков, президент Института Ближнего

⁵⁸ Президент Израиля Хаим Герцог в книге «Герои Израиля – исторические портреты» написал о Хайке: «Хайка Гроссман осталась жива, сражалась в белостокском гетто, работала в кибуце в Израиле, стала членом кнессета и одним из самых уважаемых граждан нашей страны».

Востока, пригласил делегацию посетить Институт. Они вошли в кабинет и сразу обратили внимание на огромную карту, но не нашли на ней Израиль. Делегация покинула зал. Примаков пытался убедить их остаться, но они не согласились: “Зачем оставаться, если Израиль не существует на их карте?”

Бронка Винницкая после войны уехала в Европу, там короткое время училась, а затем приехала в Израиль. Бронка приезжала в Советский Союз, чтобы встретиться со мной. Вместе мы побывали в родном городе Гродно, а потом гостили у моих друзей в Ленинграде.

Бронка посвятила свою послевоенную жизнь сохранению памяти о Холокосте и много лет проработала в архиве музея Яд ва-Шем. Как член совета Яд ва-Шем, она принимала активное участие в работе музея до конца своей жизни, писала книги».

Еще была Ханка Зелинская. Как уже рассказывалось, Ханка потеряла свою семью, и на дорогах войны подобрала мальчика-сироту. Их обоих приютил Бронислав Бурдинский. Ее дружба с Лизой была такова, что через 20 лет после войны, когда возникли проблемы с приемным сыном, Ханка прислала его из Польши к Лизе в Рязань на воспитание. «Ханка верила в мои способности в воспитании детей. Я не знаю, почему она так думала, однако она привезла Владека из Польши ко мне, и Владек жил в течение нескольких месяцев в моем доме. Но это было абсолютно бесполезно. Я не позволяла ему выйти из дому без сопровождающего, чтобы помешать ему пить водку. Все мои разговоры были бесполезны. Он постоянно оставался в компаниях. Через некоторое время он вернулся в Гдыню к Ханке. Я не оправдала доверия Ханки, не смогла ей помочь.

Ханка мечтала разыскать своего брата в Израиле и передать ему фамильную драгоценность – кольцо. Недавно, в 2014 году, ко мне в гости в Беэр-Шеву приезжала дочь Ханкиного брата Бэлла с мужем».

Слева направо. Сидят: Лиза и Илья Машевицкие, Ева (Хава) Мараш. Стоят: Яков Мараш, Самуил Котовский, Григорий Машевицкий. Гродно, Пышки. 1979 г.

Что еще было важным для семьи Машевицких, когда они жили в Рязани? Конечно, родной город. Как рассказывает Григорий, сын Елизаветы Иосифовны, всей семьей они приезжали в Гродно почти каждый год. Лиза и Илья стремились в эти места, чтобы вспомнить детство, юность, посетить могилы родных. Разумеется, жили не одним прошлым, жизнь-то идет. Навещали друзей, с которыми стали близки и во время пережитого вместе военного времени, и с теми, кто стал жителем Гродно уже в послевоенное время. Крепкая дружба сохранялась с семьей Якова Мараша, гродненского историка. (Именно ему принадлежит очерк «Гродненское гетто», результат многолетней работы автора в архивах, материалы которого до сих пор используют историки и краеведы.) «С семьей Мараш я познакомилась в 1944 году. Хава, Яков и маленький Шурик Мараш приехали в Гродно, и им негде было жить. Мы (я, Аня и Хася) пригласили их к нам, в квартиру на улице Молодежной.

Мы сразу подружились. Хава занялась хозяйством, всех кормила. Яков обращался в военкомат с просьбой о мобилизации, но ему отказали, так как “западников” (жителей областей, присоединенных к СССР в 1939 году) в армию не брали. Яков всегда был напуганным и неизменно страдающим. В Гродно он начал работать, жизнь налаживалась, но страх остался и преследовал его. Яков жадно занимался наукой и защитил сначала кандидатскую, а потом и докторскую диссертацию. Он работал в Гродненском пединституте. Однако непреодолимая боязнь все потерять продолжала преследовать его. Когда я приезжала в Гродно, Яков любил со мной беседовать, но только шепотом и при закрытых дверях. Яков был атеистом, он и преподавал, и изучал атеизм. Вместе с тем он знал и соблюдал еврейские традиции. Вспоминаю один забавный случай. Однажды Якова вызвали в Москву в министерство высшего образования. Он позвал меня с собой для моральной поддержки. К его удивлению и радости, все проблемы решились наилучшим образом. После этого мы поехали в Рязань и по приезду сразу сели обедать. Вдруг Яков закричал:

“Ой, гевалт, Лейле, что ты наделала! Ты смешала молочное с мясным, а я все съел!”⁵⁹

Конечно, всю вину я взяла на себя.

Хава была очень добрым человеком и преданным другом». Дружба с этой семьей продолжается и по сей день. В Гродно происходили встречи с Алексеем Карпюком и друзьями Лизы по подполью.

Друзья по «партизанке»

После войны, среди забот мирной жизни борцы-антифашисты не потеряли друг друга. Вот говорят: «партизанская дружба», «совместная борьба и лишения сплотили их», и хотя эти слова стали нам привычными, тем не

⁵⁹ Согласно кашруту (своду заповедей, касающихся ритуальной чистоты пищи), еврейская традиция предписывает не смешивать во время одного приема пищи молочные и мясные блюда.

С командиром партизанской бригады Н. К. Войцеховским

*Встреча с бывшими партизанами. Слева направо:
В. Романцевич, Л. Чапник, Н. Войцеховский,
А. Дзевалдовский, А. Карпюк, С. Шварцман*

Елизавета Иосифовна Чапник с Бьянкой и Артуром Шаде. Рязань, 1967 г.

менее это так и есть. После войны бывшие партизаны и подпольщики собирались вместе на годовщины Победы, поддерживали связь с немецкими антифашистами. Вспомним лишь некоторые эпизоды их послевоенной дружбы.

С 1965 году возобновилась связь с Артуром Шаде. Этому поспособствовал гродненский историк В. Верхось, начавший изучение деятельности белостокского подполья. Ему удалось установить имена и фамилии некоторых подпольщиков, в том числе узнать о Лизе Чапник. Историк обратился в архив ЦК КПБ, и сотрудники архива передали ему довоенный адрес Артура Шаде. В. Верхось написал Шаде письмо, в которое вложил статью «Девушка из Гродно» и рязанский адрес Елизаветы Иосифовны. Артур с благодарностью откликнулся, написал В. Верхосю ответ с подробным изложением фактов своей деятельности в подпольной организации Белостока и выслал фотографию. Результатом общения В. Верхося с Елизаветой Иосифовной, Артуром Шаде, Анной Руд и другими подпольщиками стал цикл статей и книга «В борьбе закаленные» о сопротивлении в Белостоке. Кроме того, В. Верхось обратился с письмом

*Маргарита Штайн, Елизавета
и Илья Машевицкие*

В другой раз органы госбезопасности не дали разрешения на приезд Шаде в Рязань, и Лиза встречалась с ним в Москве. Лиза также гостила у Шаде в Песнеке. Добавим, что Елизавету Иосифовну любила вся семья Артура. Еще в своем первом письме в Рязань Артур писал, что и для его жены Бьянки Лиза стала близким человеком, потому что он часто и подробно рассказывал ей о своей работе в подполье и о Лизе. Нечто большее, чем пережитая вместе опасность, скрепила этих людей. Артур Шаде, сам благородный и смелый человек, ценил и уважал Лизу, не забывал Аню. Еще в 1947 году он рассказал своей соседке в Песнеке, Маргарите Штайн, о Лизе и Ане. Когда Маргарита в 1948 году приехала учиться в Московский университет, то нашла там Лизу, и они подружились. Они навещали друг друга и в Германии, и в Советском Союзе, и в Израиле. Маргарита писала длинные, детальные письма о своей жизни.

к П. М. Машерову, первому секретарю ЦК КПСС Белоруссии, с просьбой о представлении Артура Шаде к правительственной награде. В этом же письме В. Верховсь указал, что по достоинству «не отмечены заслуги и председателя белостокского антифашистского комитета Чапник Е. И.».

После возобновления контактов Артур Шаде дважды приезжал в Советский Союз. Один раз даже удалось добиться разрешения на посещение Рязани, куда иностранцев не пускали, и в 1967 году Артур с женой Бьянкой приезжали в Рязань.

*Елизавета Иосифовна и
Марек Бух. Варшава. 1980 г.*

В 2013 году Маргарита умерла, но Елизавета Иосифовна продолжает переписываться с ее мужем, дочерью и внучкой. Сын Шаде с женой приезжал к Лизе в Беэр-Шеву, они ведут переписку и всегда в курсе дел друг друга.

В 70-е годы Елизавета Иосифовна встречалась с Марексом Бухом в Варшаве (была там проездом). Были и другие встречи. После войны Марек жил в Польше, занимал высокие должности, в частности, работал послом ПНР в Турции. Марек Бух был членом комиссии, занимавшейся

возвращением в Польшу беженцев из СССР. Елизавета Иосифовна вспоминала, что во время их встречи, когда заговорили о прошлом, он заплакал: «Могли спасти много наших, но никто не захотел», имея в виду обещанную помощь от партизан, которая так и не пришла.

В 1976 году Елизавета Иосифовна снова была в Варшаве. Там она встречалась с Марылькой Ружицкой, которая жила в Сопоте, и с Ханкой Зелинской. Тогда же они побывали в Белостоке на второй конспиративной квартире Лизы на улице Хорощанской, 12. Их сопровождал житель Белостока Карпович⁶⁰. Когда они зашли в дом, то сказали, что хотят посмотреть комнату, в которой во время войны жила разведчица. Хозяйка удивленно ответила, что не было там никакой разведчицы, жила там просто девушка. Когда она узнала, что Елизавета и есть та самая разведчица, то сказала ей: «Ну уж кому-кому, а мне-то вы могли

⁶⁰ Дмитрий Карпович – начальник штаба в партизанском отряде Алексея Каршюка и его земляк. Дмитрий Карпович был очень хорошим человеком, и Лиза постоянно контактировала с ним до его смерти.

открыться!» Тридцать три года назад та самая женщина сказала: «Żydzi mnie nie oszukają, ja czuję zapach żydów za kilometr!»⁶¹. А Лиза два года жила у нее за стенкой. Подошел сын хозяйки квартиры и протянул Елизавете какой-то листок. «Это, наверное, ваше?» Во время ремонта дома он нашел под обоями листок. Это была схема расположения немецкого гарнизона и зенитной артиллерии, спрятанная Лизой под обоями.

Схема расположения гарнизона и зенитной артиллерии, найденная под обоями в бывшей конспиративной квартире Лизы Чапник

⁶¹ «Евреи меня не обманут, я чувствую запах евреев за километр!» (польск.).

На историческую Родину (декабрь 1991)

В декабре 1991 года Елизавета Иосифовна, ее супруг Илья, сын Григорий с женой Людмилой и их сыновьями Ильей и Александром репатриировалась в Израиль. Перестал существовать СССР, государство, надежно «защитившее» евреев от их земли, – «сеть расторгнута, и мы избавились», говоря словами псалмопевца.

Из рассказа Елизаветы Иосифовны: «Прежде чем уехать в Израиль, в 1990 году я съездила в Гродно, чтобы попрощаться со своими друзьями. Встретилась с Соней Померанц, с Самуилом Шварцманом – комиссаром партизанского отряда “Звезда”. Вспоминая о войне, Шварцман рассказал, как Алексей Карпюк предупредил его и других партизан, что он будет стрелять в каждого, кто обидит Марысю». Елизавета Иосифовна говорит, что оставила в России, Белоруссии очень много хороших, преданных друзей. Но в Израиле тоже немало друзей, многие партизаны перебрались сюда. Все пять девушек-связных, которые чудом остались живы во время войны, оказались снова вместе, но уже на Земле обетованной: Лиза Чапник, Анна Руд, Хся Белицкая, Бронка Винницкая, Хайка Гроссман.

В Израиле произошла долгожданная встреча с одним из любимых родственников Лизы – Михой Лиором. В 1930-х годах он уехал в Палестину, чтобы строить еврейское государство. Миха был арестован англичанами и посажен в тюрьму в Акко. Он одним из первых узнал, что

Бывшие еврейские партизаны и подпольщики. Слева направо: Алексей Варад, Елизавета Чапник, Ева Красовская, Мирьям Гроссман, Хася Белицкая, Хайка Гроссман, Броня Винницкая

По часовой стрелке: Илья и Елизавета Машевицкие, Феликс и Рута Зандманы, внуки Алик и Илья Машевицкие

Елизавета Иосифовна и Гирш Смоляр. 1992 г.

Адина и Миха Лиор, Елизавета Иосифовна

Лиза Чапник осталась жива после войны, прочитав о Лизе в американской газете, когда находился в тюрьме. Реакция Михи была незамедлительной. Он написал из тюрьмы своей жене Адине, чтобы она попыталась найти Лизу в Москве и привезла ее в Израиль. Миха был добрым, умным и самозабвенно преданным своей семье, своим друзьям и своей стране.

Первые два года Елизавета Иосифовна с семьей жили в Тель-Авиве, в Рамат-Гане. Жилье снимали. Григорий, сын Елизаветы Иосифовны, – математик, ученый, профессор Университета имени Бен-Гуриона в Беэр-Шеве. Каждый день ему приходилось ездить на работу в Беэр-Шеву, поэтому семья решила переехать в этот город.

Елизавета Иосифовна не ведет жизнь пенсионерки. По сей день она дает уроки английского языка. Ученики у нее и взрослые, и дети, и часто целые семьи: врачи, преподаватели, инженеры, студенты. Но сейчас, по словам Елизаветы Иосифовны, уже ей тяжело, и она оставила себе «только одно»(!) занятие в день.

На протяжении многих лет, да и сейчас, не бывает недели, чтобы кто-то из бывших студентов Лизы не написал ей в Израиль или не позвонил. Они летят из России, Германии, США, Канады, Финляндии и других стран, чтобы встретиться с ней, рассказать о своей жизни, расспросить о ее, получить совет. Даже дети некоторых студентов Лизы пишут ей. «Продолжается наша дружба с Верой Ивановной Прохоровой. Она принимает близко к сердцу то, что происходит в Израиле. Когда слышит мой голос в телефонной трубке, очень волнуется», – так было до 2013 года, до самой кончины Веры Ивановны. За несколько месяцев до этого она передала Лизе книгу о своей замечательной жизни.

В марте 1991 года Елизавета Иосифовна снова посетила Гродно. Вместе с сыном Григорием она приехала для участия в открытии мемориальной доски, установленной на улице Замковой, в память о 29 тысячах погибших евреев

гродненского гетто. Открытие состоялось 12 марта, в день ликвидации гетто, когда последние его узники были вывезены в лагеря смерти. Памятную доску установили на средства Феликса Зандмана, специально прилетевшего на эту церемонию из США. Инициатор и организатор создания мемориальной доски – Соломон Жуковский. Участником этого уникального и долгожданного события стал и Григорий Хосид, также гродненский еврей, узник гродненского гетто, партизан отряда братьев Бельских. Все четверо – узники гетто, все четверо чудом остались живы, все четверо – свидетели и участники восстановления исторической справедливости по отношению к еврейскому народу, ведь в советскую эпоху невозможно было услышать слово «гетто» или прочитать о геноциде евреев – жертвами нацистов считались обобщенные «советские граждане».

Из воспоминаний Феликса Зандмана:

«12 марта был очень мрачный и печальный день. Из свинцового неба на Гродно лил ледяной дождь. У бывшего входа в гетто, на Замковой улице, собрались люди. Некоторые держали в руках свечи. Было много евреев, принадлежащих к еврейской общине города, вновь сложившейся уже после войны и насчитывавшей около тысячи человек. На стене дома, где прежде был контрольный пункт гестапо, прикрепили большую мемориальную доску. Ее бронзовый барельеф изображал очертания гетто и бесконечный поток мужчин, женщин и детей, уходящий в никуда... Надпись по-русски и на иврите: “Памяти 29 тысяч узников гетто – жертв фашизма”. Несколько уважаемых горожан произнесли речи. Выступила также Лиза Чапник, приехавшая из Израиля. Речь Лизы вызвала острые воспоминания о прошлых событиях и о пережитых нами тяжелых испытаниях. Ей было сейчас под семьдесят, но продолжало сохраняться то чистое очарование молодой женщины, которую я помнил.

Под конец к микрофону был приглашен Соломон Жуковский, чтобы прочесть кадиш. Твердый голос этого старого человека звучал гневно и с болью в мартовском холодном воздухе и перекрывал городской шум. Каждое слово звучало, словно удар молота. Он произносил древнюю поминальную молитву медленно и отчетливо – старик, являвший собой живую связь с Гродно, полным в дни моего детства еврейской жизни, продолжавшейся в нем почти шесть столетий. Про себя я повторял за ним, оплакивая наших ушедших в небытие сородичей, слова этой молитвы: *“Иисгадад вэйискадаш Шмей Раба, бэалма ди вра кэросэй вэйамлих малкусэй, бэхайейхон увэйомейхон увэхайей ди-кол бэйс Исроэл, бэагала увэзман карив, вэймру амэйн!”*:

На открытии мемориальной доски в Гродно. Слева направо: Соломон Жуковский, Феликс Зандман, Елизавета Чатник, Григорий Хосид. 12.03.1991 г.

Вход в Гродненское гетто № 1 на улице Замковой. 2013 г.

О Соломоне⁶²

Здесь просто необходимо сказать о Соломоне Жуковском. Елизавета Иосифовна назвала его «олицетворением иудейской общины» Гродно. Он родился и жил в Гродно. Был узником гетто №1 и жил с семьей Чапников в доме на улице Найдуса, 6. Во время одной из акций ему удалось бежать. Его спасители – белорусская женщина Екатерина Кариева и ее муж Ян. Еще до войны Екатерина работала няней в семье Жуковских и как родного полюбила младшего ребенка – Соломона. После войны Соломон, оставшись в живых благодаря няне, работал учителем, жил в небольшой квартирке на улице Ожешко, которая, по свидетельству Ф. Зандмана, была до краев наполнена еврейскими книгами. Соломон отвечал на письма евреев, которые писали со всего мира, чтобы узнать о судьбе своих родных, живших до войны в Гродно. Эти письма Соломону Абрамовичу передавал горисполком. К тому же именно Жуковский предоставил в горисполком шеститомный сборник «Documents Concerning the Destruction of the Jews of Grodno» в качестве доказательства не только геноцида, но даже самого факта проживания евреев в Гродно. (Известно, что всякая память о шестисотлетнем пребывании евреев на гродненской земле уничтожалась.) Эти документы прислал Феликс Зандман, после того как были преданы гласности секретные стенограммы немецких процессов над нациста-

⁶² Соломон в Библии (псалом 71) – символ процветания. Соломон Жуковский в среде гродненской диаспоры – олицетворение того, что жизнь этой диаспоры не кончилась. Этому он и посвятил себя.

*Соломон Жуковский и
Екатерина Кариева*

ми. Лишь после этого представитель горисполкома пообещал прочитать и рассмотреть предложение Соломона об установлении мемориальной доски. Прошли годы, но все же ожидания евреев Гродно оправдались...

Историю своего спасения Соломон изложил в дневнике, который вел во время войны, когда его прятала семья няни Кати. В погреб, где он сидел, она принесла тетрадку и карандаш, чтобы юноша не сошел с ума от отчаяния. Дневник написан в форме писем Тайбе и Эстерке, сестрам Соломона, в 30-х годах уехавшим из Гродно в Палестину.

Из дневника Соломона Жуковского

«Лососна, апрель 1943 года

Дорогие мои и нежно любимые сестры, зять и племянники.

Все, все погибли: больше тридцати наших родственников, а с ними несколько сот друзей и десятки тысяч евреев города – всех их отправили туда, откуда никто не возвращался, в Трешлинку, недалеко от Малкинии – ужасное место, название которого останется в истории Холокоста. Последний транспорт вышел из Гродно 12 марта этого года, и с того дня Гродно считается *Judenfrei* (свободным от евреев – прим. С. Жуковского). В общей сложности было депортировано более 50 тысяч евреев нашего города, вклю-

чая евреев, согнанных из окрестных сел. Любая попытка скрыться или убежать заканчивалась самой ужасной пыткой, а в конце пулей. На старом кладбище около рыбного рынка (ныне автостоянка на ул. Б.Троицкая – М.Ш.) до сих пор лежат груды тел сотен расстрелянных или замученных. В течение полугода только евреев Гродно набралось четыре состава... Все погибли. Только я еще жив. Живу и мучаюсь, так как каждый день и каждый час жду смерти (а может, освобождения). Почему я до сих пор жив, я и сам не понимаю. Оглядываясь назад, могу сказать, что совершил, по меньшей мере, 15 побегов, каждый раз помня о неизбежной смерти. У меня была возможность погибнуть под бомбежкой, под которую я не раз попадал, но я выжил, получив только легкое ранение в ногу...

Пока что я жив благодаря удаче. Во-первых, я имел смелость бежать, во-вторых, у меня был друг-христианин за пределами гетто, который помог мне бежать, и, в-третьих, что самое важное, у меня в этом мире есть моя дорогая Катя. “Бежать” звучит так просто. Я долгие месяцы готовился к этому. Я изучил все “слабые места” в колючей проволоке и деревянных заборах гетто (довольно многим я помог бежать через эти заборы в лес). Мне удавалось добывать информацию о том, что происходит в гетто, от еврейских полицейских, таких как Моше Белах, Чернов (дядя Берты) и Моше Александрович. Я выяснил, когда меняется охрана и есть ли среди жандармов такие, кого можно подкупить. У меня был набор различных документов, в кармане всегда имелось несколько сот марок (от мадам Каган – 200 марок, от Чернова – 250, от Боксера – 300) и так далее. Со мной произошел *нэс* (чудо) (однако чудесам тоже нужно немного помощи с нашей стороны). Не буду сейчас детально описывать побег, потому что это займет, по крайней мере, половину тетради. Короче, я совершил побег сразу после десятой (предпоследней) депортации. Это означает, что сегодня ровно восемь недель с той темной ночи, когда я прибежал к Кате. С большими предосторожностями

ми, чтобы никто не заметил, меня спрятали в картофельном погребе. В моем жилище было две “комнаты” – сырой темный погреб с четырьмя ящиками, полными картошки, и крошечное пространство у входа, два шага на три, с малюсеньким окошком. В доме обо мне не должны знать ни соседи, ни посторонние, которые часто заходят в дом. Я очень осторожен, потому что расстреляют не только меня, но и Катю с соседями и детьми. Мои ближайшие соседи – это два поросенка. Чтоб они были здоровы. Катя носит мне еду в их посуде три раза в день, как будто она кормит свиней. Сплю я в погребе на картошке. В последнее время я сплю у входа на двух досках и куске фанеры. На улице еще довольно холодно (представьте себе, как было два месяца назад!). Еще идет снег и бывают заморозки. Без Кати я бы замерз. Из старого мешка она соорудила матрас, дала мне старое пальто и старую стеганку, шерстяной платок на голову, пару варежек и маленькую подушку. Разумеется, я и не пытался снять пальто, кроме одного раза, когда Катя принесла мне нижнее белье своего мужа, чтобы постирать мое. Я уходил из дома в страшной спешке и даже носового платка не успел взять с собой.

Дорогая Катенька. Трудно выразить, что она для меня значит. Даже мать не могла бы сделать больше. Беднячка, без земли и без коровы, она заботится обо мне как может. Она делится со мной всем, не только картошкой и хлебом (в гетто хлеб стоил 5–6 марок за килограмм), но даже приносит мне яйца, кусочки мяса и немного молока, а это до сих пор на вес золота. Она заботится обо мне как о малом ребенке, даже ночной горшок выносит каждый день. До рассвета она уже на чеку, проверяет, все ли в порядке. Она подбадривает мужа, успокаивает его, так как он боится за себя и детей. Несколько раз в неделю она приносит мне из города газету и всякие ободряющие новости. Она по своей инициативе принесла мне эту тетрадь, со словами: “Тебе так тоскливо сидеть здесь целыми днями. Запиши все, что произошло, для Тайбы и Эстерки. Если я не

смогу тебя уберечь, они по крайней мере будут знать, что с тобой было”.

И правда, удастся ли ей меня уберечь – это все еще под большим вопросом. Шансы мои, как и всех скрывающихся, невелики. Почти каждый день прячущихся находят и расстреливают. Например, позавчера поймали Зейдля (Бера) Абрамовича с сыном (братом Гершеля). Он отдал одному христианину десятки тысяч марок, а тот его предал. Есть и другие случаи, когда люди отдавали все свои деньги, а их все равно выдавали жандармам. Так что неудивительно, что мои дни и ночи полны страха. Целыми днями я смотрю в окно на дорогу, не приближаются ли жандармы. Я вздрагиваю от каждого шороха и с рассветом уже на ногах. Если мне кажется, что меня ищут или что жандармы в деревне, я убегая в лес, иногда на несколько дней. Там я лежу в яме, под снегом и дождем, а ночью возвращаюсь к “себе”, в подвал (я пишу стоя, чтобы одновременно наблюдать за дорогой). Всю эту неделю я провел в тревоге. По глупой случайности меня увидела соседка. Можете представить себе, как я испугался! К счастью, она родственница старика (Яна Кариева) и обещала Кате хранить тайну. Я очень надеюсь!!!

Я так благодарен Кате за тетрадь. Сейчас, даже если со мной случится несчастье, я умру спокойно, зная, что она пошлет тетрадь вам и вы будете знать все обо мне и о том, что мы здесь пережили. А пока я полон терпения, жду и мечтаю. Я много мечтаю. Прежде всего, я мечтаю о битве с проклятым врагом, о партизанах, о парашютистах и о приближении фронта. Если до лета ничего не изменится, я здесь не останусь, уйду в леса к партизанам. Еще я мечтаю вырваться из рук врага и скрыться, и тогда я встречу выжившую Лизу Чапник, и Алиньку, дочь Берты (мы сделали Лизе польские документы, и теперь она с малышкой живет в Белостоке), а может, и Гришу Чапника с женой, у которых тоже есть поддельные документы. Я не ожидаю встретить других наших родных. И наконец, я мечтаю о

встрече с вами, с моими дядями и тетями, двоюродными братьями и сестрами, с друзьями и знакомыми двоюродных, друзей и знакомых. Я мечтаю об Эстерке, о теплой, сердечной встрече с ней. Среди друзей я надеюсь встретить и Хавку Цукерник. Оглядываясь назад, теперь, когда я делаю этот *хешбон нэфэш* (подведение итогов), я полагаю, что из множества женщин она оставила самый глубокий след в моей жизни. Вот как далеко заходят мои глупые мечты... Если я умру, вы должны щедро вознаградить Катю и ее мужа за все, что она для меня сделала. Ян и Катерина Кариевы – деревня Лососно, под Гродно. Как бы вы ни отплатили им, это и тысячной доли не составит от того, что она сделала для меня!!»

Ян и Катерина Кариевы удостоены звания Праведников народов мира. Дневник Соломона Жуковского передан Елизаветой Иосифовной в Яд ва-Шем.

«Горячее сердце»*

У нас нет ничего, и мы счастливы

Поговорка Алика

Наверное, смелость, порядочность, мужество, чувство ответственности за ближнего передаются по наследству. Этот бесценный дар не остается собственностью одного человека. Так именно и обстоит дело в семье Машевицких. Александр Машевицкий, сын Григория и Людмилы, внук Елизаветы Иосифовны. Александр проходил срочную службу в спецназе инженерных войск в батальоне «Ялом» («Алмаз»), элитном подразделении ЦАХАЛа⁶³. Служить в батальоне «Ялом» – большая честь. Новобранцы проходят строгий отбор, и только лучшие остаются служить в этом подразделении. Они получают подготовку и как спецназовцы, и как саперы.

В конце 2008 – начале 2009 года в ответ на непрекращающиеся обстрелы территории Израиля из сектора Газа Армией обороны Израиля была проведена операция под названием «Литой свинец». В боевых действиях принимало участие подразделение Александра. Саперам нужно было выполнить очень опасную и сложную задачу: идти первыми и расчистить путь для пехотных частей и военной техники. Заминировано было практически все.

Александр был уже на пороге демобилизации, но взял на себя ответственность и вышел на задание во главе от-

⁶³ ЦАХАЛ (Цава Хагана ле-Израэль) – Армия обороны Израиля.

* Глава написана в соавторстве с А.А.Лыковым.

Александр Машевецкий

ряда инженерных войск вместе с солдатами бригады «Голани»⁶⁴. Он первым вошел в дом, где скрывались террористы, и погиб, закрыв собою своих товарищей. Ему был 21 год.

Александр родился 11 сентября 1987 года и приехал с семьей в Израиль в 1991 году в четырехлетнем возрасте.

Рассказывает Елизавета Иосифовна: «Алик был необыкновенным человеком. Он всегда умел заметить, когда и кому нужна помощь, и мгновенно ока-

зывался там, где возникали трудности. Когда мы с мужем переехали на новую квартиру, Алик сразу же заметил, что нам нужен книжный шкаф. Освободил свой шкаф и на спине притащил его. В ответ на мое возмущение он сказал, что шкаф очень легкий.

Однажды Алик сопровождал меня в банк. Мы стояли перед окошком и ждали, когда служащая закончит личный разговор по телефону. Это продолжалось долго. И я впервые услышала, как Алик возмущился – неужели вы не видите, что бабушке трудно стоять?

Запомнила наш последний разговор. Во время этого разговора Алик задавал множество вопросов о том, как мы жили в Польше, как жили в гетто. Это его очень интересовало. Это было в субботу, за обедом. Алика вызвали в часть с этого обеда, потом началась война, и больше мы его не видели».

Вспоминает отец Александра: «Алик прекрасно учился, особенно по математике, физике и компьютерам. Он

⁶⁴ Бригада «Голани» – элитная пехотная дивизия, одно из основных антитеррористических подразделений ЦАХАЛа.

*Елизавета Иосифовна с внуком
Александром. 12.05.2000 г.*

не только окончил с отличием среднюю школу, не только очень успешно участвовал в различных проектах, конкурсах и олимпиадах по этим предметам, но и закончил 1-й семестр университета плюс несколько дополнительных курсов со средним баллом 94. Алик очень быстро понимал суть проблемы, и понимал настолько ясно, что не только сам решал задачу, но и объяснял товарищам. Алик мог разобрать и собрать компьютер, хорошо понимал различные технические устройства. Однажды у нас дома сломалась микроволновая печь, и

мы вызвали мастера. Мастер довольно долго возился с печью и в конце концов сказал, что печь восстановлению не подлежит. Когда Алик пришел домой, он очень недолго повозился с печью – и она заработала. Эта печь с тех пор ни разу не ломалась, она работает и сейчас, много-много лет спустя.

Вместе с тем Алик не замыкался только на учебе. Он всегда был окружен друзьями, занимался спортом: теннис и футбол, вольная борьба и бокс – это неполный список его увлечений. С 10-го класса Алик вместе с близкими друзьями из школы вступил в кружок подготовки к армии – “Ахарай”. С этих пор ребята из этого кружка стали самыми близкими друзьями Алика. Уже в армии, приходя домой после недели, а то и нескольких недель огромных физических и психологических нагрузок, Алик, иногда даже не отдохнув, был готов поехать на другой конец страны, чтобы поздравить своего друга с окончанием очередного этапа обучения в армии. Его друзья поступали так

Елизавета Иосифовна дома. Беэр-Шева. 2013 г.

же. Руководитель кружка “Ахарай” Хагай Орбах написал Алику: “Ты немедленно вызывался выполнять любое задание, немедленно выполнял любое упражнение, как будто никогда не спрашивал себя ‘смогу ли я?’ Я вспоминаю, что ты всегда любил побороться с друзьями, и особенно с самыми большими и сильными из них, как будто пробовал себя, был полон смелости и мужества и уже победитель, даже если в конце проигрывал”.

У Алика было много друзей, очень разных по характеру, по положению, по отношению друг к другу, и именно Алик связывал столь различных людей. С сильными Алик любил соревноваться, а слабых поддерживал. Расскажу только один случай. По результатам учебы в 10-м классе Алик получил путевку в летний лагерь в иерусалимскую школу-интернат наук и искусств. В этой школе Алик подружился с арабским мальчиком из Сахнина и после лагеря получил от него письмо и даже посылку.

После окончания школы по результатам учебы Алик мог пойти учиться в любой университет, но он не захотел получать отсрочку от армии. Перед призывом он прошел отбор в очень престижный проект в армии для работы на компьютерах, но предпочел стать летчиком, а когда это не получилось, был принят в инженерный спецназ и прошел очень интенсивный курс физической, психологической и специальной подготовки. Во время учебы Алик сломал руку, но не стал брать отпуск по болезни, а продолжил интенсивные тренировки несмотря на то, что рука была в гипсе. Единственный курс, который он взял позже из-за сломанной руки, был курс прыжков с парашютом».

Людмила, мать Александра, говорит: «Таких, как он, – мало. На его лице всегда была улыбка, он всегда стремился помогать другим».

Когда листаешь его фотоальбом, видишь, что Александр был как бы центром притяжения, к которому тянулись люди. «Друзья Алика очень часто приходят к нам домой, практически ежемесячно. На ежегодные соревнования, посвященные памяти Алика, будь то соревнования по ориентированию или математический бой, приходит очень много людей», – с благодарностью говорит Григорий.

Из рассказов друзей:

«Я помню, как на уроке по ракетам ты объяснил инструктору, что она неправильно рассказывает, так как не учитывает аэродинамику самолета, несущего ракету, и до конца урока инструктор так и осталась с открытым ртом, не в силах ничего объяснить. Ты был Учителем нашей группы в любой учебной деятельности. Когда учителя выходили с урока, все окружали тебя, и ты повторял с нами весь материал и объяснял все то, что никто, кроме тебя, не понимал. На заданиях по ориентированию ты изучал всю карту местности (не ограничиваясь своим маршрутом) только для того, чтобы иметь возможность объяснить каждому, кто спросит, как наилучшим образом пройти его маршрут.

Особенно поражало меня в тебе, что ты никогда не злился. На все, что делалось неправильно и злило всех остальных, ты качал головой, выражая свое несогласие, не понимая: “Зачем это делать, это ведь нелогично”, щелкал языком и продолжал выполнять задание» (Шакед, армейский друг Алика).

«Алекс, что бы ты ни делал, ты всегда был самым лучшим, а если нет, стремился стать таковым» (Дрор, школьный друг Алика).

Товарищи по оружию и друзья брали с него пример и как со специалиста, и как с человека.

«Однажды, когда мы пришли домой из армии на выходные, ты позвонил мне и предложил пойти на тренировку в “Ахарай”. Мы часто это делали. В этот раз после тренировки приглашенный лектор рассказал, как готовиться, чтобы успешно пройти отбор в элитные части. В частности, он сказал, что не следует выкладываться в начале, так как силы потребуются и на следующих этапах. Я сказал Алексу, что нам это уже не интересно, так как мы уже служим в элитных частях. Но Алекс настоял на том, чтобы остаться. Когда лектор кончил, Алекс сказал: “Чтобы достигнуть наилучших результатов, надо всегда делать все, что в твоих силах” (Михаил, друг Алика по кружку “Ахарай”)».

Бен Богин прошел рядом с Аликом почти весь путь в армии, от учебы и до последнего боя в Газе. Он вспоминает о последних днях в Газе: «Я скучаю по ночи в Газе, в окопе, где вначале мы пугались каждой мины, а потом уже нет, потому что привыкли. Я помню, как я, ты и Макс должны были тесно прижаться в окопе друг к другу, чтобы не замерзнуть, и ты отдал мне свои термоноски. Я скучаю по безопасности, которую я чувствовал с тобой».

Школьный друг Алика Таль Иуда выразил чувства друзей такими словами: «Твое доброе сердце, постоянный оптимизм, постоянная улыбка на лице и твоя присказка “У нас нет ничего, и мы счастливы” – присказка, которая сопровождает нас в жизни. Все эти черты твоей личности служат для нас, твоих друзей, путеводными, по ним мы

На открытии Парка науки. Елизавета Иосифовна, Григорий и Людмила Машевицкие с президентом Израиля Шимоном Пересом. Август 2013 г.

будем строить свою жизнь. Это те ценности, которыми мы будем руководствоваться и в соответствии с которыми будем воспитывать своих детей».

В январе 2011 года в лесу Лаѓав, в северном Негеве, недалеко от Беэр-Шевы, состоялась церемония увековечения памяти Александра. Его именем назван уголок для отдыха с прилегающим участком леса. Пришли родные и друзья, бойцы и офицеры его подразделения. В ходе церемонии была торжественно открыта мемориальная стела и высажено множество молодых деревьев.

В августе 2013 года в Беэр-Шеве открылся большой Парк науки. Одна из учебных комнат посвящена памяти Александра Машевицкого. На открытие приезжал Шимон Перес, президент Израиля, присутствовала и Лиза, бабушка Алика.

В гостях у Елизаветы Иосифовны. А. Лыков. Беэр-Шева. Октябрь 2013 г.

* * *

Григорий и Людмила не остались одни, в их семье еще двое детей: сын Илья и дочь Элла. На вопрос о муже и сыне Елизавета Иосифовна ответила: «Я считаю, что у меня самый замечательный сын, очень хороший был муж, но его два года как нет. Очень хорошие люди, замечательные. Я считаю, что самые лучшие, какие только могут быть». И вправду, Григорий с женой Людмилой нежно заботятся о Елизавете Иосифовне и Анне Абрамовне Руд (она тоже живет в Беэр-Шеве), постоянно навещают, всегда в курсе их дел, на плечах Григория и Людмилы все их нужды. И написание данной книги не было бы возможным без участия Григория: несмотря на свою хроническую занятость, он нашел время отобрать нужный биографический материал и отправить его автору книги. Каждую субботу Григорий привозит Елизавету Иосифовну и Анну Абрамовну к себе домой на обед, заботливо приготовленный Людмилой. Им есть о чем поговорить, ведь они одна семья.

Анна Руд*

В нашей книге мы хотели бы упомянуть еще об одном человеке, чья деятельность в антифашистском сопротивлении практически не отражена в отечественной и зарубежной историографии, несмотря на то что она была вместе с героями-подпольщиками в рядах сопротивления и внесла свой вклад в победу над нацизмом. Мы расскажем об Анне Абрамовне Руд, члене гродненского и белостокского подполья. О том, что была такая подпольщица Анна Руд среди еврейских девушек-подпольщиц, мы, конечно, знали, но не больше. Будучи в гостях у Елизаветы Иосифовны, мы спросили об Анне Руд и узнали, что она, слава Богу, жива и живет в одном городе с Елизаветой Иосифовной. Так нам удалось с ней встретиться и поговорить.

На момент нашей встречи Анне Абрамовне было 94 года. В таком почтенном возрасте она сохранила ясность мышления и хорошую память, осталась очень интеллигентным и образованным человеком. Она много училась в своей жизни, свободно владеет шестью (!) языками: идишем (родной язык), польским, русским, ивритом, английским, немецким. Мы воспользовались ее рассказами при написании этой книги.

Анна Абрамовна Руд родилась 18 января 1918 года в Гродно. Отец, Абрам Руд, занимался экспортом в Кениг-

* Автор главы А.А. Лыков.

*В гостях у Анны
Абрамовны.
А. Ковалев.
Безр-Шева.
Октябрь 2013 г.*

сберг сельхозпродуктов и продуктов леса (картофель, грибы и т. п.), мать, Фейга, была учителем. В семье воспитывались две дочери: Анна (старшая) и Лея.

Родители смогли дать Анне хорошее образование. С 1-го по 4-й класс она училась в польской общеобразовательной школе, а затем в еврейской гимназии «Тарбут», где преподавание велось на иврите. Гимназия находилась в Гродно, но аттестат зрелости Анна получила в Варшаве, так как хотела поступить в университет. Анна поступила в Варшавский университет на математический факультет и закончила 1-й курс. В 1939 году началась война, и она не могла продолжать учебу в университете. Поэтому в 1939 году она окончила годичные учительские курсы в Вильнюсе и в 1940 году начала преподавать математику в гродненской школе «Явне» (ул. Замковая).

Перед войной Анна вышла замуж за Григория Чапника, старшего брата Лизы Чапник.

Когда в ноябре 1941 года нацисты согнали всех гродненских евреев в гетто, Анна с мужем, матерью и сестрой поселились в доме бабушки Лизы Чапник на улице Найдуса, 6, потому что дом семьи Руд остался за пределами гетто.

Семья Руд. Слева направо: Фейга, Лея, Аня, Абрам

Слева направо: Батья – школьная подруга Ани, Аня, Фейга – мать Ани, Лея – сестра, Нехاما – тетя Ани, Абрам - отец.

В гетто № 1 на Найдуса, 6, в маленьком доме из четырех комнат жили 28 человек. Рассказывает Анна Абрамовна: «Что я могу сказать о жизни в гетто? Несмотря на такие тяжелые условия, люди помогали друг другу и хотели, чтобы дети получили какое-то образование. Создавали частным образом какие-то группы, находили преподавателя, и дети должны были ходить как в школу... Дать образование детям».

Несмотря на то что обучение детей в гетто было запрещено, Аня организовала в этом маленьком доме образовательный кружок и занималась с детьми 6–8 лет математикой, чтением. Сестра Лизы Берта Гольдинберг тоже вела кружок в том же доме.

Был конец 1942 года. Жителям гетто грозило тотальное уничтожение, и Анна решила бежать. Она была первой из девушек-подпольщиц, кто покинул гродненское гетто. Для того чтобы это сделать, нужны были документы, удостоверяющие, что ты не еврей. Ей согласилась помочь бывшая соседка полька Янина Пыч, работавшая в госпитале, хороший и отзывчивый человек. Она достала для Ани свидетельство о рождении умершей в деревне женщины, белоруски Агаты Кислой. Янина также купила и принесла Анне железнодорожный билет до Белостока. Муж Ани Григорий Чапник уже был в Белостоке.

Младшая сестра Ани Лея не захотела оставить старенькую маму, и они обе погибли во время ликвидации гродненского гетто.

Со свидетельством на имя Агаты Кислой Аня поехала в Белосток. С группой евреев она вошла в белостокское гетто и с помощью мужа связалась с подпольщиками. Нужен был немецкий аусвайс. Ей рассказали, где находится жандармерия, и Аня отправилась туда.

Анна Абрамовна вспоминает: «Я вошла. Посмотрела, и мне холодно стало. Там сидел преподаватель русского языка. Когда в Гродно пришли русские, ведь это Польша была раньше, то стали организовывать группы для изуче-

Аусвайс на имя Агаты Кислой

ния русского языка. И я с ним вместе занималась, и даже фотография была, на которой я стояла с ним вместе. Значит, он сидит здесь. Если я убегу, дорога закрыта. А если... Не захочет, потому что у нас были очень хорошие отношения. Он на меня даже не смотрел. Заполнил бланк и сказал прийти через неделю. Пришла через неделю, он мне дал паспорт, и я вышла с паспортом. С тех пор и остальные еврейские девушки шли к нему, чтобы получить паспорт, потому что мы знали, что он хороший человек».

Так Аня вышла на арийскую сторону. Попутно заметим, что по-польски она говорила без еврейского акцента, но волосы у нее были черные, и Лиза Чапник ей постоянно их обесцвечивала. Под видом белорусской девушки, приехавшей из деревни в город на работу, Аня сняла квартиру по улице Лепешинской, 27 и устроилась на работу в отель «Риц» на улице Сенкевича, недалеко от здания СС. Отель служил перевалочной базой для высших немецких офи-

церов. Чистила, убирала, помогала на кухне и выполняла задания руководства белостокского подполья. Несмотря на опасное соседство, выход из кухни был очень хороший – сразу на улицу, где всегда много народу. Когда мимо окон проходили другие подпольщики и делали определенный знак, она выходила на улицу и ей что-то передавали. Рассказывает Анна Абрамовна: «Что мы делали? Были связными между подпольщиками и главной ячейкой, которая была в лесу. Мы должны были вербовать людей, которые могли бы нам дать информацию о немцах: что они делают, кто приезжает... Однажды немцы меня задержали после работы. Молодой парень (на белорусском языке говорил) сказал, чтобы я пошла за ним. Я говорю: “Почему?” Он показал мне карточку – сотрудник гестапо. Пошла, вхожу в это здание, на Сенкевича красивое здание было, там какая-то будка, сидит какой-то человек, очень похожий на еврея. И этот парень, который меня задержал, говорит: “У нее неправильный паспорт”. И протягивает его тому человеку. Тот смотрит, смотрит: “А может, действительно неправильный. Ну что ж...” Вот так: “Ну что ж...” А в это время с лестницы второго этажа спускается какой-то капитан или я не знаю кто, высшего чина офицер, с очень красивой женщиной, молодой, русской. Они спускаются вниз. Я выхватила из рук охранника свой паспорт, подбежала к офицеру, надеясь, что он разберется, потому что паспорт настоящий был, и действительно, он говорит: “Что ты хочешь, настоящий паспорт, пускай идет домой. Она работает на немцев”. Все. Хорошо. Ушла от них. Но надо было быть очень осторожной, конечно».

Аня состояла членом антифашистского комитета Белостока с января 1943 года. Фактография ее деятельности изложена в справке, выданной штабом партизанской бригады в сентябре 1944 года и в отчете Лизы Чапник, прилагаемом к нашей книге (см. приложение). О деятельности белостокского подполья мы написали достаточно подробно, Аня Руд выполняла задания вместе с другими подполь-

щиками. На ее квартире хранились оружие, боеприпасы, медикаменты для передачи в лес партизанам. Это был огромный риск, потому что в любой момент могли прийти с обыском.

Анна Абрамовна вспоминает: «Пять часов, я возвращаюсь с работы, подхожу. Одна дверь ведет к хозяйке, а другая ко мне, в мою комнатку. В ней была кровать, столик и стул и еще “dzban”, как они называют кувшин. Хозяйка мне говорит: “Вас ищет СС, кто-то из эсэсовцев”. Я отвечаю: “Пускай, чего мне бояться, он такой же человек, как все. Но работа у него не очень хорошая”. Она на меня “так” посмотрела. Пришел, ждал, пока я вернусь. Подошел, вошел в комнату. Спросил, я одна живу или есть еще кто-то. Я говорю: “Одна”. – “Бедно живешь?” Я говорю: “Бедно. Трудно. В деревне было трудно и здесь трудно. Я думала, будет легче, но нет”. – “А что там стоит на полу?” Это был кувшин, я воду там держала – воды в доме не было. Я говорю: “Вода”. – “Только вода?” – “Только вода”. Открыл шкаф – посмотрел, что там есть, сел на кровать, не знаю почему, встал. Я говорю: “А в чем дело, что вы ищете?” Он говорит: “У нас украли несколько плащей военных. Ищем среди сотрудников. Вы ведь там работаете?” Я говорю: “Да”. Ушел. А потом зашла хозяйка и говорит: “Бог вас спас!”».

В книге Хаси Белицкой упомянут еще один случай, когда от разоблачения Аню отделяло только несколько минут: «Она (Бронка Винницкая, одна из еврейских девушек-подпольщиц – А. Л.) ходит туда-сюда, будто специально, чтобы я ее заметила. Я (Х. Белицкая – А. Л.) вышла через заднее крыльцо и на ходу присоединилась к ней. Бронка взяла мою руку и вложила в нее ключ: “Беги к Ане. В подполе есть сумка с патронами и боеприпасами. В гостинице «Риц» на кухне украли большое количество продуктов. Немцы узнали и теперь устраивают обыск в квартирах у всех работниц кухни!”

Дом Ани в сельском пригороде. Утоптанная дорога. Иду быстро. Время от времени смотрю по сторонам и на-

зад, чтобы убедиться, что никто не идет за мной и что нет солдат и полицейских, прибывших до меня. Лепешинская, 27. Двор. Соседи в окнах. Последняя дверь. Вошла. <...> Поднимаю сумку, ее вес поражает. Она полная и очень тяжелая. Лево́й руко́й держусь за спинку стула, в правой – сумка. Встаю на стул, почти теряю равновесие. С размаху двумя руками поднимаю сумку к краю отверстия и встаю на цыпочки – подтолкнуть ее, чтобы она полностью оказалась на полу комнаты. Я одна здесь. Некому протянуть мне сверху руку, некому вытащить. Кончиками пальцев касаюсь внутренней деревянной рамы отверстия. Кровь стучит в висках, сердце бешено бьется. Время иссякает. <...> Закрываю крышку подпола, ставлю стул на место, около стола, оправляю платье, беру сумку в одну руку, а в другую – маленькую банку варенья с полки, чтобы выглядело так, будто возвращаюсь с покупками с рынка. Запираю дверь, пересекаю двор и выхожу за ворота. Темно-красный куст шиповника легонько задевает меня, малина, растущая вдоль изгороди, тоже. Передо мной осыпающееся ореховое дерево. Осенний ветер. Я шагаю медленно. Будто ничего нет в сумке. На расстоянии четырех домов вижу приближающуюся группу – трое мужчин и девушка. Они минуют меня, и я на долю секунды улыбаюсь Ане, идущей посредине, между двумя полицейскими и солдатом. Она видит сумку в моей руке и понимает, что мы спасены».

«Надо было артистками быть», – говорит Анна Абрамовна, рассказывая о том, когда с Марылькой Ружицкой, еще одной еврейской девушкой-подпольщицей, они переносили для партизан разобранные винтовки. Каждая была обернута мясом, закрыта какими-то продуктами. Когда их задержали солдаты, они сказали: «Мы едем обратно из деревни в город. Мы живем в городе, а это нам дали. Посмотрите, вот мясо есть». Открыли мешки и показали солдатам мясо. Их быстро отпустили, и, радостные, что все так легко обошлось, они пошли вдоль по тропинке прямо рядом с шоссе. «Тоже, ума не было: так близко!» – говорит

Анна Абрамовна, и продолжает: «И внезапно слышали немецкую речь, и – бричка! А у брички такой особый звук. И Марылька мне говорит: “Лечь!” Где стояла, там легла. Марылька как-то ухитрилась оставить свой мешок, а я не успела, значит, легла на него. Она крикнула: “Лечь!” – больше ничего. А сердце бьется. Что сказать, если нас поймают? Вот здесь рядом, понимаете. Но они так были заняты своим разговором, громко говорили о чем-то, что проехали мимо, и мы остались живы. Конечно, мы сразу поднялись и пошли к лесу, чтобы идти подальше от дороги. Вот такие моменты были».

26 сентября 1943 года Аня вместе с Марылькой Ружицкой пронесли через весь город станковый пулемет. В справке, выданной штабом партизанской бригады, говорится: «Несмотря на риск для своей собственной жизни, только учитывая ту ценность, которую представляло оружие для партизан, тов. РУД, выполняя задание по доставке оружия, которое необходимо было днем перенести через весь город, по пути движения встретила патрулирующих жандармов, не растерялась, не бросила багажа, а с оружием и боеприпасами кинулась уходить, и только благодаря ее настойчивости и решительности оружие и амуниция были доставлены на место назначения».

Близилось освобождение, и Аня Руд по ночам на чердаке готовила красные флаги и писала лозунги. Вспоминает Анна Абрамовна: «Мы приготовили транспаранты, флаги, написали приветственные слова. Встречать Красную Армию вышло много народа. Сначала нас было двадцать-тридцать человек, но постепенно подходили новые, незнакомые люди. Все шли, как на большой праздник. Когда мы подошли к шоссе, нас было уже около двухсот человек. Один мужчина в очках подошел ко мне и попросил флаг. Он бережно нес его. У всех было такое чувство, как будто мы все родные и впереди у нас большое счастье. Помню, мы стояли на возвышенном месте и перед нами проходили красноармейцы – усталые, запыленные, но какие

*«Святая троица» –
Лиза, Хася и Аня*

радостные улыбки были у них на лицах! Все мы были счастливы, что дождались своих».

Справка партизанской бригады заканчивается словами: «Тов. РУД А. А., работая 19 месяцев под игом террора гестапо показала себя храброй, выдержанной, решительной, конспиративной <...> Тов. РУД. А. А. представлена к правительственной награде».

Награда была вручена ей, Лизе Чапник и Хасе Белицкой 11 сентября 1944 года – медаль «Партизану Отече-

ственной войны». Впоследствии, в 1985 году, приказом Президиума Верховного Совета СССР Анна Абрамовна была награждена орденом Отечественной войны 2-й степени.

Со своим мужем Григорием Чапником Аня больше не встретилась. Судьба его сложилась трагично. Рассказывает Анна Абрамовна: «А своего мужа я не нашла. Он погиб там, в Белостоке. Тоже попробовал выйти, как я, пойти сделать паспорт. В подпольной организации было много свидетельств о рождении, их давали всем (работала лаборатория по изготовлению фальшивых документов – А. Л.). Он был похож на еврея. Не удалось. И тогда, когда он увидел, что не получается, он вернулся в гетто и там погиб. Не знаем как». Замуж Анна Абрамовна больше не вышла, навсегда сохранив память о Григории и любовь к нему.

После возвращения в Гродно в сентябре 1944 года Аня жила вместе с Лизой Чапник и Хасей Белицкой на улице Молодежной. Вместе с ними поступила в Гродненский педагогический институт на факультет иностранных языков.

Удостоверение к ордену Отечественной войны 2-й степени

Рассказывая об этом этапе своей жизни, Анна Абрамовна упомянула такой факт: «Мы пошли в военную часть и спросили, что нам делать. И нам сказали: “Вам надо учить языки. Вам надо хотя бы год поучить, и тогда вы туда пойдете. Нам нужны люди, которые знают язык, чтобы перебросить в Германию”». Давайте задумаемся об этом: испытав на себе страшную тяжесть жизни подпольщика, эти хрупкие девушки были готовы продолжать борьбу!

В Гродненском пединституте Анна проучилась один год и закончила 1-й курс. В 1945 году вместе с Лизой Чапник поехала в Москву и поступила в Московский институт иностранных языков, лучший из инязов СССР, и окончила его в 1949 году.

После окончания института по распределению поехала в Харьков, однако на работу ее не взяли. Как объясняет Анна Абрамовна, – потому что квота на евреев уже была исчерпана. Аня вернулась в Гродно и устроилась в Гродненский педагогический институт.

Как мы уже рассказали, в это время Лиза Чапник после окончания учебы вместе с мужем Ильей Машевицким переехала в Рязань, тогда и Аня также приехала в Рязань и до 1990 года работала в Рязанском педагогическом институте на факультете иностранных языков. Анна Абрамовна Руд и Елизавета Иосифовна Чапник в соавторстве написали методическое пособие для учителей «Обучение структурным моделям английской речи». Анна Абрамовна много сил отдавала работе и студентам. Когда мы были у нее в гостях, как раз в эти дни, когда мы были в Израиле одна студентка, приехала повидаться с Анной Абрамовной!

В 1990 году Анна Абрамовна репатриировалась в Израиль. Однако еще в 70-е годы ей удалось побывать на «исторической родине» во времена «железного занавеса», когда гостевые поездки из СССР в Израиль были невозможны.

Мы хотим обратить внимание на такой факт: в 1945 году Аня могла уехать в Эрец-Исраэль, но не захотела оставить свою единственную родственницу и боевую подругу Лизу Чапник. Эта верность и преданность вознаграждена: Елизавета Иосифовна, ее сын с женой, внуки и Анна Абрамовна – навсегда одна семья.

Вместо эпилога

После приезда в Израиль стали регулярными встречи Елизаветы Иосифовны и Анны Абрамовны с родственниками, друзьями-подпольщиками и их потомками. Так случилось, что в Израиле Лиза увидела не во сне, а на довоенных фотографиях свою погибшую семью – почти через пятьдесят лет на нее смотрели с этих фотографий серьезная Берта, юная Сара, горячо любимая мамочка, отец. Их сохранила и передала Лизе Эстерка Жуковская, подруга Берты, еще до начала войны уехавшая в Землю Израиля. Берта навестила Эстерку примерно в 1937 году и оставила ей на память фотографии своей семьи. Это единственное, что осталось от них, кроме памяти...

В конце 1992 года немецкая писательница Ингрид Штробль приезжала в Израиль, встречалась с Елизаветой Чапник, Анной Руд, Хайкой Гроссман, Бронкой Винницкой. Она писала о роли женщин в сопротивлении. Всем им она задавала один и тот же вопрос: «Что заставило вас вести борьбу с фашистами, ведь у вас была арийская внешность, были настоящие документы? Зачем подвергать себя риску каждый день?» Подразумевалось, что можно было «раствориться», скрыться в толпе, спасти себя. Реакция на этот вопрос (по мнению Елизаветы Иосифовны, неуместный) у всех бывших подпольщиц была одинаковая: как можно прятаться, когда все погибли: семья, родные, знакомые, шло тотальное уничтожение еврейского народа – нужно было отомстить, наказать преступников...

В 1995 году Елизавета Иосифовна была приглашена на международную конференцию антифашистов в Берлине, где выступила с докладом. Ездил туда вместе с мужем, из России приехал писатель Даниил Гранин. В своем докладе «Что мы делали во время войны» Елизавета Иосифовна рассказала о годах борьбы, об антифашистской организации, о партизанах, об отряде «Форойс». После выступления на конференции Елизавете Иосифовне было много звонков.

В 2012 году Елизавету Иосифовну навещил внук Марека Буха. С большой теплотой говорит она о «Хасиньке» Белицкой, о Бронке Винницкой: «Мы были как сестры, сначала учились вместе в школе, потом вместе в подполье». Когда встречаться стало труднее – они начали перезваниваться, вспоминали прошлое. Многие уже ушли, но память жива...

* * *

Подходит к концу рассказ о Елизавете Чапник, Анне Руд, их подвигах, друзьях, о войне, послевоенном времени. Закончить его хотелось бы словами самой Елизаветы Иосифовны, взятыми из интервью для нью-йоркского музея Холокоста, которые звучат как напутствие: «Мне хотелось, чтобы каждый помнил, что злодеяние никогда не погибает, оно оставляет семена, всходы, а потом приносит плоды. И чтобы такого не повторялось, надо, чтобы каждый помнил: фашизм и люди не могут сосуществовать! Почему я согласилась дать интервью? Потому что я считаю, что это долг живых перед мертвыми. Перед концом войны мы, девочки, дали клятвенное обещание, что если кто-то останется в живых (никто из нас не верил в это), то никогда никому не рассказывать о том, что произошло. Никто не поймет, не поверит в такое, если сам не пережил. Почему я нарушила обещание? Осталось очень мало людей из нашего поколения, а молодежь не знает, что такое фашизм, что это страшная угроза роду человеческому. Фашизм и сейчас процветает, и если он побеждает, то у человечества ничего не останется. Сказать об этом – долг живых перед мертвыми».

**Шалом тебе,
«земля, текущая молоком и медом»!***

В декабре 2015 г. состоялась презентация книги «Путь девушки из Гродно: еще одно восхождение» на исторической родине ее главных героев. По приглашению Григория Машевицкого и мэрии города Беэр-Шева в Израиль приехали главный редактор издательства «ЮрСаПринт» Александр Рыжий с женой Мариной Курилович и автор книги Марина Шепелевич с дочерью Марией. Мысль о том, чтобы представить книгу израильской публике, возникла в процессе написания книги. В 2015 г. отмечается 70 -летие победы над гитлеровской Германией. В Израиле, как и в Беларуси, это праздник. Хотелось поблагодарить лично Елизавету Иосифовну Чапник и Анну Абрамовну Руд за их вклад в победу, выразить им свою признательность и вручить книгу этим почтенным женщинам. Вниманию читающей публики были предложены и другие книги издательства «ЮрСаПринт» на русском и белорусском языках: «50 гродненских улиц» Виктора Саяпина, «Памяць пра Гродна» Андрея Чернякевича и другие.

Презентация книги и время, проведенное в этой замечательной стране, прошло интересно благодаря гостеприимству и усилиям Григория Машевицкого – сына Елизаветы Иосифовны – и его семьи.

* Это определение Земли Израйля в Библии встречается около 20 раз, напр. Исход,3:8.

В течение недели книга была представлена трижды. 2 декабря состоялась презентация книги в доме престарелых, в котором проживает Анна Руд. Состояние здоровья Анны Абрамовны не позволило бы ей присутствовать на главной презентации, а потому собрались у нее. Аудитория, для которой проводилось мероприятие, - люди в возрасте от 65 до 100 лет.

6 декабря прошла основная презентация книги. На мероприятие съехались гости со всех концов страны: друзья и родственники семьи Елизаветы Иосифовны, боевые товарищи Александра Машевицкого, его близкие друзья, молодежь и школьники, ветераны. Благодаря усилиям и финансовой поддержке мэрии Безр-Шевы презентация прошла на высочайшем уровне. Символично, что мероприятие состоялось в канун праздника Ханука - праздника умножения света и непрекращающегося присутствия Бога в нашей жизни.

7 декабря состоялась поездка в музей «Лохамей Агетаот» - «Борцы гетто», где книга также была представлена. Музей расположен на севере страны в Западной Галилее между городами Акко и Нагарией. Кибуц «Лохамей Агетаот», на территории которого находится музей, был основан в 1949 г. бывшими партизанами и бойцами еврейского сопротивления в Польше и Литве в годы Второй мировой войны. «Лохамей Агетаот» - один из немногих музеев, отражающих тему еврейского сопротивления в период Холокоста. На основе музея создан учебно - воспитательный центр имени Януша Корчака.

Этот уникальный музей оснащен современной техникой, имеются архив, библиотека (90 тысяч томов). Александр Рыжий передал в хранилище музея книгу о Елизавете Чапник и книгу Андрея Чернякевича, которая стала первой книгой на белорусском языке в архиве музея.

В день отъезда автор книги дала интервью для радиопрограммы Цви Зильбера «Час Науки» русскоязычного радио «Рэка», в котором рассказала о цели написания книги.

...Воинское кладбище Беэр-Шевы. Здесь похоронен старший сержант Александр Машевицкий. Рядом десятки могил, в которых покоятся павшие герои. Солдаты и офицеры израильской армии. Тишина. В молчании стоим и не хотим уходить. «Попрощались. Пора идти», - говорит Григорий.

Время пролетело быстро. В небольшой по времени визит удалось вместить множество впечатлений от увиденного в этой славной молодой стране с многотысячелетней историей. Здесь каждый камень может рассказать историю - о праотце Аврааме и о возрождении израильского государства, - но все же сегодня главное достояние этой земли - люди, руками которых возрождена эта земля. Справедливо заметил историк Юрий Гордеев: «Среди множества вопросов и загадок, которые встают перед нами, очевидным остается одно. Главной фигурой любой ИСТОРИИ был ЧЕЛОВЕК, который не забывал предков и заботился о потомках. Такая связь поколений была для него естественной и традиционной. О ее сохранении он и мечтал. И еще он хорошо понимал, что без уважения к прошлому нет будущего».

*Здравствуй, Израиль!
Менора в аэропорту Бен -Гурион. Тель- Авив, декабрь 2015 г.*

*Безр- Шева. Дом турецкого губернатора. Ныне здесь
располагается учебный Парк Науки. Декабрь, 2015 г.*

*Посещение одной из типографий Беэр - Шевы.
А. Рыжий, Г. Машевицкий.*

Беэр - Шева. Старый город. Декабрь, 2015 г.

После презентации в доме престарелых. Сидят: Анна Руд, Марина Шепелевич. Стоят справа налево: Мария Шепелевич, Александр Рыжий, Марина Курилович, Людмила Машевицкая, Григорий Машевицкий, подруги Анны Руд. 02 декабря 2015 г.

Мемориал, посвященный выпускникам школы, в которой учился Алик Машевицкий, погибшим во время арабско-израильского конфликта. Декабрь, 2015 г.

*Погибшие выпускники школы, где учился Алик Машевицкий.
Алик - первый слева в среднем ряду. Декабрь, 2015 г.*

Могила Александра Машевицкого. Беэр - Шева, 03 декабря 2015 г.

Традиционный ужин в доме семьи Машевицких. Григорий и Людмила, Александр Рыжий с женой. 03 Декабря 2015 г.

Традиционный ужин в доме семьи Машевицких. Мария Шепелевич, Элла Машевицкая, Анна Руд, Елизавета Чапник. 03 декабря 2015 г.

Перед началом презентации. Пончики - традиционное угощение на праздник Ханука. 06 декабря 2015 г.

Перед началом презентации. Александр Рыжий и Илья Мараш – сын гродненского историка Якова Мараша – одного из героев книги

Презентация книги. Марина Шепелевич

После презентации. С Елизаветой Иосифовной. 06 декабря 2015 г.

В музее «Лохамей Агетаот». Макет гетто в Вильнюсе. Экскурсию проводит Галина Сергиенко, сотрудник архива музея. 07 декабря 2015 г.

Музей «Лохамей Агетаот» - макет новогрудского гетто. 07 декабря 2015 г.

*Восстание в варшавском гетто. Фрагмент экспозиции музея. (слева)
Кабина, в которой находился Адольф Эйхман -немецкий
офицер, сотрудник гестапо, непосредственно ответственный
за массовое уничтожение евреев – во время судебных
заседаний в Иерусалиме в 1961 г. (справа)*

*В музее собраны истории
детей, оставшихся в живых
благодаря умению играть на
музыкальных инструментах.
Один из экспонатов - детская
скрипка, пережившая войну*

*Мемориал, посвященный Александру Машевицкому,
в лесу Лагав. 08 декабря 2015 г.*

В день отъезда. 09 декабря 2015 г.

*Приложение 1**

Отчет о деятельности подпольной антифашистской организации города Белостока, написанный Елизаветой Иосифовной Чапник в сентябре 1944 г. в г. Минске

В январе 1943 г. указанная выше группа в составе: 1) Ружицкая М. 2) Чапник Лиза Иосифовна 3) Белицкая Хася Юдаевна 4) Руд Анна Абрамовна 5) Гроссман Хая 6) Винницкая Броня – приступила к антифашистской работе вне гетто г. Белосток. Данные т.т. уцелели до настоящего времени, а другая часть была обнаружена агентами гестапо и погибла мужественной смертью, но не выдала свою организацию, как Мадайска Рива (Вильно), Ханка (Белосток) и другие. Высланные шесть товарищей организовали антифашистский комитет и под руководством Ружицкой М. широко развернули свою деятельность. Нелегальные условия осложняли работу, но не смотря на трудности, комитету удалось установить контакт с группой лиц советских патриотов, антифашистов: Будзинский, Лерик Ф., Несмялек В., Орлов И., Барбурин М.

Основные направления работы антифашистского комитета

I. Вербовка в члены антифашистской организации

После проведения собеседований с рядом отдельных товарищей и группами были выпукло поставлены вопросы ро-

* Все документы публикуются с сохранением стиля и орфографии оригиналов.

ста антифашистской организации, приспособленные к условиям сурового фашистского преследования.

Структура антифашистской организации по предприятиям и учреждениям была такова: антифашисты разделялись по ячейкам в два-четыре человека, группа объединяла от трех до четырех ячеек, руководитель группы получал инструкции и отчитывался перед комитетом. Члены отдельных ячеек не знали членов других ячеек, а также их руководителей. Численность антифашистской организации в мае месяце 1944 г. выросла до 80 человек.

В конце апреля месяца 1944 г. в район Белостока прибыл штаб бригады имени К. Калиновского во главе с ее командиром подполковником тов. Войцеховским. Руководитель подпольной антифашистской организации г. Белостока тов. Чапник был вызван в лес комбригом Войцеховским. На первой беседе был формально утвержден состав антифашистского комитета, в который вошли: председатель комитета тов. Чапник Л. И., члены комитета Руд А. А., Ружицкая М., Гроссман Х., Винницкая Б., Белицкая Х., Будзинский Б., между которыми были распределены обязанности и составлен план работы на ближайшее время, по выполнению которого даны конкретные указания.

В мае месяце 1944 г. антифашистский комитет установил контакт с двумя антифашистскими группами: 1) группа в количестве 30 человек, руководитель Лонинкин А. Г., работающая под руководством Волковысского антифашистского комитета, и 2) группа в количестве 15 человек, руководитель Пешков Г., работавшая самостоятельно. Таким образом, к концу мая месяца антифашистский орган г. Белостока насчитывал в своих рядах 125 человек.

Антифашистские группы (ячейки) работали на следующих предприятиях:

- 1) текстильный комбинат;
- 2) железнодорожников;
- 3) работники пекарни;
- 4) аэродром;
- 5) литейный завод;

- 6) табачная фабрика;
- 7) уборщицы при гестапо;
- 8) фабрика Руберга;
- 9) фирма «Финк»;
- 10) лагерь военнопленных;
- 11) 14-ый ДАК;

II. Агитационно-пропагандистская работа

Агитация и пропаганда была направлена на срыв мероприятий фашистских захватчиков и заключалась в следующем:

- 1) распространение листовок и газет, изготавливаемых Белостокским подпольным комитетом КПБ(б) и ЛКСМБ и антифашистским комитетом.

- 2) Распространение сводок Совинформбюро.

- 3) Беседы с отдельными лицами и небольшими группами, где на конкретных примерах показывалось истинное лицо фашистских захватчиков, к чему ведет пресловутый Гитлер европейские народы. (Иллюстрация конкретных данных по истреблению русского, еврейского, польского и других народов). Печатные и написанные от руки материалы исходили от товарищей, которые слушали радио у немцев – членов антифашистской организации ночью. Тт. Кизельштейн Мина – член ВЛКСМ, Гроссман Хая, Ружицкая Марыля переносили через колючую проволоку из гетто, где находились в специальных погребках радиоприемники.

Демидович Всеволод и ряд других тт. партизанскую литературу, издаваемую подпольным комитетом КПБ(б) и ЛКСМБ, приносили ночью из леса. Т. Чапник Л. И., Ружицкая М., Руд А. А., Белицкая Х., Лонинкин А., Посох Л., Орлов И. Указанная литература через ячейки и группы распространялась среди населения.

Через агитационно-пропагандистскую работу, направленную к срыву мероприятия по вывозу населения в Германию, удалось вырвать из фашистских лап и оставить для конспиративной работы или направить в партизаны ряд товарищей.

- 1) Организовали побег из гестапо т. Шацман Барух и направлен в партизанский отряд имени «26 лет Октября».

2) 7 человек, бежавших из барачной смерти в Трешлине и Майданеке, как, например, Розенблюм Феликс, и направлены были в партизанский отряд имени Матросова.

Из числа 25 товарищей, отвезенных гестапо в Кенигсбергский лагерь, через специального связного организовали их побег, в результате которого прибыло 12 человек с оружием и направлено в Заблудовский отряд, а 13 человек погибло по пути в боях.

III. Разведка и помощь партизанам

Город Белосток был разделен между членами антифашистской организации на ряд наблюдательных участков. В задачу этих лиц входило наблюдение за военно важными оперативными и стратегическими объектами немцев. Все мероприятия как-то: строительство, маскировка укреплений аэродрома, сосредоточение и размещение самолетов, склады бомб, горючего, боеприпасов, расположение, количество и наименование воинских частей, средства ПВО, гестапо, полиция СС, жандармерия, размещение промышленных предприятий и др.

Указанные данные заносились на специальные планы и пересылались в штаб бригады им. К. Калиновского для передачи через фронт. Кроме отдельных наблюдателей за участками г. Белостока работали по разведке ряд тт.: Белицкая Х., Руд А., Ружицкая М., Орлов И. М., Лерик Ф., Аксенович В., Демидович В., Лонинкин А., Акимов А. Из указанных товарищей некоторые добывали сведения через связь с немцами.

Посредством тонко проведенных бесед, в основном на отвлекающую тему, тов. Белицкая смогла вполне выяснить численный состав прибывших из Минска и Бреста зенитчиков и расквартирование. А также через ряд советов по художественному оформлению выяснили квартиру, где должен поместиться Эрих Кох (министр Белоруссии и Восточной Пруссии).

В связи с провокационными мероприятиями по борьбе с партизанами гестапо организовывало облавы, посылая переданных немецких полицейских – украинцев и белорусов в районе действия партизан. Антифашистский комитет и другой

обслуживающий и технический персонал узнавал путь следования, количество направляемых и время их выезда. Эти данные немедленно передавались в партизанские отряды.

Гестапо засылало также провокаторов внедряться в партизанские отряды. Антифашистский комитет узнавал через свою агентуру об этих лицах, немедленно сообщал в отряды партизанские. И так имел факт засылки в партизаны капитана Мацая – работника гестапо, который достался в отряд им. Матросова. Был антифашистским комитетом обнаружен.

Подобным образом через Николая Бакуновича комитет иногда узнавал о предполагаемых массовых арестах на некоторых участках города.

В период приближения к Белостоку частей Красной Армии антифашисты вели наблюдение за минированием домов, улиц, шоссе и дорог и других объектов. Эти данные сообщались в антифашистский комитет, последний передавал в штаб бригады партизанский им. К. Калиновского. Например, (?) июля 1944 г. план города с данными заминированных мест г. Белосток с нанесенной на нем обстановкой обороны по 20 июля 1944 г. И с данными заминированных мест г. Белостока и окраин был передан через штаб партизанской бригады им. К. Калиновского командиру соединения 3 армии тов. Коновалову. Второй экземпляр был передан 23 июля 1944 г. командиру корпуса 3 армии, причем указанные планы получили полное одобрение от фронтовой разведки.

В разведке особенно проявили себя как энергичные, предприимчивые и смелые товарищи Ружицкая М., Чапник Е. И., Руд А. А., Белицкая Х., Гроссман Х., Винницкая, Расина Р., Лёрек Ф., Аксенович В., Демидович В., Лонинкин А., Добровольская Р. Помощь партизанам состояла в приобретении и доставке оружия (?) медикаментов, бумаги, батарей, радиоламп, топографических карт, компасов, оружейного масла, гранат, серной кислоты, бертолетовой соли и др. Также для некоторых совсем слабо вооруженных партизанских групп доставлялись из города продукты питания, мыло, белье и др. Все перечисленные материалы доставали или искупали за деньги члены антифашистской организации и через связ-

ных доставляли в лес. Особенно выделились на этой работе в качестве связных с партизанами товарищи Ружицкая М., Чапник Е.И., Руд А., Белицкая Б. Например, под видом продовольственных спекулянтов из г. Гродно в г. Белосток поездом был перевезен в сентябре месяце 1943 г. в большом чемодане станковый пулемет. Лишь только изворотливость, четкость и решительность т. Винницкой Б., Гроссман Х. обеспечили благополучную доставку пулемета для еврейской партизанской группы «Вперед». В дымоходной трубе через весь город т. Чапник Е. перенесла винтовку в партизанский отряд. Благодаря умелой маскировке (?) но спецодежда, спокойствие и решительность т. Чапник обеспечило благополучную доставку. Ружицкая М. и Руд А.А. в одеялах переносили днем пулеметы и винтовки. Ряд подобных фактов и деятельности антифашистов делало их неуловимыми для агентов гестапо и милиции. Всего передано: 20 винтовок, 4 пулемета, свыше 22 пистолетов, 30 компасов, 60 гранат.

Также в большом и вполне достаточном количестве доставлялись медикаменты, хирургические инструменты, топографические карты районов действий партизан и другие материалы.

IV. Работа среди немцев

Через членов антифашистской организации тт. Кизельштейн М., Гроссман Х., работавших на фабрике текстильной, владеющих немецким языком, были проведены беседы в строго осторожной форме с немцем директором указанной фабрики Шаде А. Удалось выявить его антифашистское мировоззрение и вовлечь в число активных антифашистов. Таким образом был вовлечен Белицкой Хасей немец, по специальности художник Вентури (подпольная кличка – Отто Буссе – М.Ш.). Немец Шаде А. в период ликвидации гетто скрыл в своей квартире 9 евреев, рабочих текстильной фабрики, передал личное оружие (пистолет) партизану Лапчинскому Х., члену ВКПБ, приобрел винтовку от полицейских и передал партизану Беркнеру – разведчику из штаба партизанской бригады им. К. Калиновского. Вентури ездил специально в Кенигсберг для получения топографических карт, которые также

переданы в штаб бригады К. Калиновского. Достал для партизан бригады К. Калиновского 4 пистолета и мало(?) боеприпасов. Председатель антифашистского комитета организовала 2 встречи немцев Шаде А. и Вентури со штабом бригады им. Калиновского. Указанные немцы-антифашисты получили указания и инструкции от комбрига Войцеховского и по поручению последнего создали немецкую антифашистскую ячейку, которая передавала очень ценные разведданные (секретные решения гестапо и гитлеровской партии) для штаба бригады им. К. Калиновского.

Вентури с большим трудом получил разрешение на право пользования легковой машиной. Впоследствии доставлял часто комитету легковую машину для перевозки в лес оружия, медикаментов, планов города и др. для партизанских отрядов.

Часто вырабатывали пропуска для поездки поездом связным антифашистского комитета с целью выполнения поручений. Бенешек передал для отряда им. А. Матросова винтовку, 6 гранат.

В связи с приближением частей Красной Армии, в связи с эвакуацией немцев из Белостока удалось комитету одного немца, Шаде, в полном вооружении с автоматом и пистолетом переправить в отряд им. А. Матросова. Немец Боле скрылся с женой в деревне и там встречал Красную Армию. Остальные два немца вследствие болезни и преклонного возраста вынуждены выехать в Восточную Пруссию. При отъезде заявили: «Будем встречать Красную Армию в Пруссии».

V. Работа среди предателей и изменников родины

Разложение среди шпионов родины вели тт. Бакунович Н., Гапунин Я., Курило-Савицкий А. и Орлов И. И. Торопчин, Бакунович Н. вел работу в Белорусском национальном объединении, которая заключалась в систематической информации о важнейших мероприятиях БНОК. Достал совместно с другими лицами списки с адресами, анкетными данными и фотокарточками на членов БНО. Ряд лиц БНО, ими завербованных, оказывали помощь в его работе.

Торопчин М., Руд А. достали списки членов УНО, а также состав полицейских-украинцев. Указанные материалы переданы начальнику особого отдела партизанского соединения генерал-майора Капусты тов. Петриченко.

Курило-Савицкий, Гапунин вели работу среди украинцев-полицейских охранников дровяного склада на железной дороге, которые в количестве 6 человек вооруженные были доставлены в партизанский отряд им. Матросова.

VI. Диверсионно-вредительская работа

На фабрике Руберга антифашистская группа систематически выкрадывала дефицитные детали (шплинты, шурупы, болты и др.), чем задерживался выпуск продукции от 5 до 10 дней, так как эти дефицитные детали доставлялись из Кенигсберга. Неоднократно сознательно ломали сверла метчики, а из-за отсутствия последних некомплектная продукция лежала в цеху до 4-10 дней. При сборке зонковали гайки, и с одним оборотом последняя лишь только держалась, но при эксплуатации аппарата авария неизбежна. 7 раз за 4 месяца выводили из строя 3 сверлильных станка, чем задержали выпуск продукции до 15 дней. Попорчено 2 токарных станка (заложены гайки в шестерни).

Правда, за эту работу некоторые рабочие, подчас совершенно невинные, были жестоко наказаны, избивались или в заводе мастерами или направлены в полицию и последняя избивала их до полусмерти. Однако все истязания немцев не приостановили работу группы. Руководитель этой группы тов. Лонинкин А. совместно с техником городской электрической станции Демидович подготовил и осуществил крупный диверсионный акт, взорвав (?) июля 1944 г. электрическую подстанцию, питающую токком напряжения 15000 вольт, которая через промежуточные трансформаторы подстанции обслуживала железную дорогу и железнодорожные мастерские. В результате диверсии взрыва были выведены из эксплуатации следующие объекты: депо г. Белосток, депо и ж. д. мастерские г. Лапы, мастерские, депо ст. Старосельце и деревня Старосельце. Из группы работающих на фабрике Руберга особенно проявили себя как смелые и пре-

данные антифашисты тт. Лонинкин А., Акимов А., Иванов И. Работа по снижению качества продукции – саботаж – была повседневным долгом чести не одного десятка антифашистов: «Чем меньше продукции и чем она хуже – тем лучше». Работали лучшие люди лишь тогда, когда немец стоял над ними с плетью, а когда он отходил, работа или приостанавливалась, или производили разборку ранее собранного, или портили детали.

Расина Р. и Маленька Эда 20 июля 1944 г. при помощи электромагнитных мин взорвали 4 машины с горючим в бочках. Ада Лысковская через знакомую, которая работала в столовой, проникла на кухню полиции СС, забросила в котел яд, чем вызвала отравление 50 немцев, 8 поляков совместно работающих. В отравлении принимала участие Селезнева Зина.

Члены антифашистского комитета Чапник, Руд, Белицкая, Добровольская скрывали в своих квартирах оружие, связанных от партизанских отрядов, а также двум партизанам из разведки Рокоссовского была предоставлена конспиративная квартира, а впоследствии снабдили их паспортами. Третьего разведчика отправили в г. Варшаву по спецзаданию, обеспечив ему проезд. Большую работу по укрытию оружия выполнили тт. Курило-Савицкий, Белицкая, Гроссман. Демидович предоставлял свою квартиру в распоряжение комитета антифашистской организации.

VII. Работа среди поляков

По указанию комбрига подполковника т. Войцеховского были направлены тов. председатель антифашистского комитета Чапник и член комитета Винницкая Б. в польскую национальную организацию города Белостока. Указанные товарищи вели работу по разложению этой организации и собирали нелегальную литературу, которая направлена в штаб партизанской бригады им. Калиновского.

В Белостокской области действовали польские партизаны, но последние враждебно относились к советским партизанам. Комбриг тов. Войцеховский поставил своей задачей координировать деятельность польских партизан со своей бри-

гадой в целях единой борьбы с фашистскими захватчиками. После больших усилий, преодолев ряд трудностей, сломив недоверие, товарищи Чапник, Винницкая Б. организовали встречу комбрига Войцеховского с представителями польских партизан. Впоследствии мы видели совместную борьбу польских партизан с бригадой им. К. Калиновского в районах Кнышин, Осовец.

VIII. Встреча Красной Армии

С приближением Красной Армии немцы приступили к вывозу населения, а поэтому лучшие члены организации были направлены к партизанским отрядам. В городе остались на работе председатель антифашистского комитета тов. Чапник, члены комитета т. Руд А., Ружицкая М., Винницкая Б. Указанные товарищи вели усиленное наблюдение за минированием, а также благодаря одному умело проведенному мероприятию спасли 4 дома, 1 фабрику текстильную, 1 склад фабрики текстильной от взрыва. Зная, что немцы очень боятся заразных болезней, они вывесили на указанных объектах объявления следующего характера: «Внимание! Эпидемия!» – и нарисовали скелет головы. Немецкие саперы-подрывники побоялись зайти и приказали жителям соседних домов 3 недели не входить в эти дома.

Для встречи частей Красной Армии стали уже усиленно готовиться, хотя враг был в городе. На чердаке тов. Руд А. писала лозунги и плакаты, все члены антифашистской организации готовили букеты цветов, листовки и др. Вся эта работа проводилась под звуками артиллерийской канонады. 26 июля 1944 г. встретили первую советскую армейскую разведку, устроив им теплую встречу.

Бойцы разведки и их командир очень благодарили нас за оказанный прием. 27-го в 7 часов утром антифашисты пошли по шоссе Волковыск-Белосток. В окрестности Белостока воинская часть устроила для нас концерт с докладом о международном положении. Перед отъездом в г. Гродно оставшиеся члены антифашистского комитета и организации были представлены в комитет национального освобождения Польши и оставлены на ответственную работу гор. Белосток.

Приложение 2

Отчет о работе антифашистского комитета организации гор. Белостока (написан Л. Чапник)

В январе 1943 г. были высланы антифашистской организацией гетто в город Ружицкая Марыля, Чапник Лиза Иосифовна, Белицкая Хася, Руд Аня, Винницкая Броня, Гроссман Хая для организации и руководства антифашистской организацией вне гетто, снабжая их фальшивыми документами. Работа в антифашистской организации оживилась и состояла в следующем:

1) На первом плане поставили вопрос роста личного состава организации. Число членов с 15 возросло до 115 членов. Организация таким образом делилась на ячейки по 3-4 человека. Каждые 3-4 ячейки составляли группу. Руководители групп получали инструкции от комитета и отчитывались перед комитетом.

2) Проводили систематически пропаганду среди польской молодежи против вывоза в Германию.

3) Бежавших людей из тюрем, от гестапо и от транспортов скрывали и отправляли в отряды партизанские. Так, между прочим наладили связь с г. Кенигсбергом, откуда прибыло в Заблудовский отряд 12 человек вооруженных, которые пробирались с боями, и в результате боя потеряно 13 человек.

4) Антифашистская организация распространяла нелегальную литературу и листовки, выданные подпольными комитетами ЛКСМБ и КП/б/Б. Нелегальную литературу из леса ночью переносили Чапник Лиза Иосифовна и Орлов Иван Иванович. Комсомолка Кизельштейн Мина и Воронович-Гроссман Галина слушали сводки Совинформбюро и печатали их. Впоследствии члены антифашистской организации по приказу комитета раздавали сводки рабочим и расклеивали листовки.

5) Очень хорошо была налажена разведывательная работа организации. Город был комитетом антифашистской

организации разделен на наблюдательные участки, над которыми непрерывно данные вели обсервацию [наблюдение – *М. III.*], доставляя комитету всевозможные разведданные. Комитет передавал через связную Чапник Елизавету Иосифовну планы города с обозначением дислокации, количества и наименования военных частей; расположения полиции СС; гестапо; размещения и количества зенитной артиллерии, которая очень меняла свои маскированные позиции, преимущественно после переброски Luftschaffen (это значит воздушного порта) из Минска в Белосток, промышленных предприятий, указание минированных пунктов. Все эти сведения были передаваемы штабу бригады им. К. Калиновского, который в свою очередь через специальных связных и через радиостанцию передавал ответственным воинским частям Красной Армии.

6) С созданием через гестапо провокационных групп для разоблачения партизанских отрядов и подпольных организаций специальные члены организации сообщали немедленно комитету, который в свою очередь извещал штаб партизанской бригады Войцеховского о провокационных планах гестапо.

7) После больших усилий удалось комитету антифашистской организации создать немецкую подпольную организацию из четырех членов. Члены этой ячейки работали под псевдонимами: Виталис, Вентури, Сенлор, Лёнгус. По приказу комбрига Войцеховского председатель антифашистского комитета устроила две встречи в лесу двух членов немецкой ячейки (Виталис и Вентури) с комбригом, от которого получили поручение и инструкции. Немецкая подпольная ячейка сыграла большую роль. Доставляла пистолеты, винтовки, автомат, гранаты. Специально ездили в Кенигсберг, откуда привезли карты, компасы, планы городов Белостокской области и Восточной Пруссии и т.п. Распространяли на немецком языке листовки и сводки Совинформбюро. Доставляли части и питание для радиоприемников. Один из них с большим трудом доставлял часто комитету легковую машину для перевозки в лес оружия, медикаментов, материи

и т.д. для партизан. Часто вырабатывали пропуска для поездки поездом связным антифашистского комитета в отдаленные станции. Передавали тайные документы и решения гестапо и гитлеровской партии антифашистскому комитету и уделяли очень ценные разведданные. Связными антифашистского комитета с немецкой ячейкой были: Белицкая Хася, Гроссман-Воронович Галина. Когда приказано было всем немцам уехать из Белостока в Германию, удалось комитету двух членов ячейки переправить в лес к отряду Матросова. Сейчас они находятся на ответственной работе в Минске и Белостоке.

8) Члены антифашистского комитета Руд Аня, Белицкая Хася, Чапник Лиза в своих квартирах скрывали связных партизанских отрядов, которые высланы в город на диверсионную работу.

С какой опасностью работали члены подпольной антифашистской организации говорит следующий факт: член антифашистской организации Маруся Мадайская при встрече с одним скрывающимся от гестапо осталась жертвой в руках жандармов. 15 декабря 1943 г., получая от него важные сведения, заметила, что один из личных шпионов, который действовал в этом районе, ведет жандармов. Маруся начала бежать, но украинский жандарм, боясь потерять трофей, догнал ее и багнетом [штыком – *М. III.*] перебил плечи. Порезанную Марусю фашистские варвары завели в полицию. Смелая неустрашенная Маруся Мадайская, несмотря на неимоверные мучения, не выдала никого из своих товарищей – членов антифашистской организации. Мучаясь полчаса, не говоря ни слова, героически окончила жизнь.

9) Руководительница одной из антифашистских групп Ружицкая Марыля принесла из леса тол для диверсионной работы в городе. Инженер Лонинкин Александр с группой антифашистов взорвал в Старосельцах депо и электростанцию. Члены антифашистского комитета Винницкая Броня и Ружицкая Марыля участвовали во взрыве железнодорожного полотна и крушении поезда около Валил. Члены антифашистской организации Расина Регина, Добровольская Леока-

дия, Руд Аня при помощи электромагнитных мин взорвали две машины с баками горючего. Для сохранения некоторых важных корпусов гор. Белостока от разрушений германских мин члены антифашистского комитета Руд Аня, Чапник Лиза заблаговременно наклеивали на данные здания приготовленные надписи «Achtung! Seuhengefahr!» Это значит: «Внимание! Эпидемия!» Немецкие саперы боялись даже заглянуть в эти дома. Орлов Иван Иванович, руководитель одной из антифашистских групп, с помощью нескольких членов убил знакомого [известного – *М. III.*] шпиона Мельникова в Боброве (в Белостокском районе).

10) По приказу комбрига Войцеховского антифашистский комитет наладил связь с польской национальной подпольной организацией и организовал встречу представителей польской национальной организации и польской партизанки [партизанского движения – *М. III.*] со штабом бригады им. К. Калиновского для координации своих действий. Чапник Лиза доставляла тайную литературу польской организации штабу бригады.

11) Очень ответственная и рискованная работа была проведена комитетом для доставки оружия в лес. В итоге передано свыше 10 винтовок, 12 пистолетов, 25 компасов, 3 пулемета, большое количество гранат. Оружие привозили поездом члены антифашистского комитета Гроссман-Воронович Галина, Винницкая Броня, Ружицкая Марыля под видом продовольственных спекулянтов. Доставку в лес оружия партизанам проводили члены комитета: Чапник Лиза, Руд Аня, Белицкая Хася. Так, например, винтовки ...?... в трубах от печей мимо многих жандармских патрулей. Те же в дамских сумках переносили пистолеты и гранаты.

12) Члены антифашистской организации выслеживали и уточняли, где живут работники гестапо и антисоветский элемент. Следили за работой Украинского и Белорусского национальных объединений. При приближении Красной Армии составили списки шпионов, которые представили штабу бригады, начальник особого отдела передал эти списки частям НКВД и НКГБ.

13) В момент освобождения гор. Белостока Красной Армией члены антифашистской организации приветствовали организованным образом части Красной Армии и заранее приготовленными транспарантами и цветами.

В первые дни после освобождения Белостока представили членов антифашистской организации представителям Польского Комитета Национального Освобождения, которые распределили их на ответственную работу в городе.

Выше описанная вкратце работа была проведена под руководством комитета антифашистской организации в следующем составе: председатель антифашистского комитета Чапник Лиза Иосифовна. Члены комитета: Руд Аня, Белицкая Хася, Ружицкая Марыля, Гроссман-Воронович Галина, Винницкая Броня, Бурдзинский Бронислав.

Из организации лучшими работниками были: Орлов Иван Иванович – руководитель одной из антифашистских групп, Филина Людмила, Ремжик Татьяна Тимофеевна, Бакунович Николай Михайлович, Жорин Владимир, Торопчин Михаил, Расина Регина, Добровольская Леокадия, Зимнох Броня, Лерик Феликс, Несмялек Владимир.

Приложение 3

Секретарю обкома ЛКСМБ Белостокской области товарищу Панову
Отчет

О проделанной работе подпольным Белостокским райкомом ЛКСМБ в Белостокском районе с 20 апреля 1944 г. по 14 августа 1944 г.

Белостокский подпольный райком ЛКСМБ был создан 10 апреля 1944 г. в составе трех человек 1. Зезюля П. В. 2. Селиванов Г. 3. Гресь В. По прибытию в район действия (Супрасльские леса) члены подпольного райкома комсомола были распределены по кусту деревень района. За время работы в районе было создано 7 первичных комсомольских организаций с общим количеством членов-подпольщиков 31 чел. Кроме созданных комсомольских организаций, в

районе была создана комсомольская организация в городе Белостоке в количестве 18 человек. Организацию возглавляла девушка-подпольщица комсомолка Чапник Елизавета Иосифовна. Нужно отметить, что в районе Белостока – особенно Васильков, Супрасли и др. немецкими властями после оккупации области комсомольцев вывезли в концлагеря в Германию.

В городе Белостоке был создан антифашистский комитет в количестве 115 человек. Комитет разделился на группы, а группы делились на звенья. Каждая группа, звено имела конкретное задание в городе. Члены антифашистского комитета занимались вопросами разведки продвижения войск противника, саботажем на предприятиях города.

Кроме антифашистского комитета, в городе были созданы комитеты в Василькове, Супрасли, Городнянке, Рыбнике, Каписке и др. В работу антифашистского комитета было втянуто 4 человека немцев, которым была поставлена задача вести разъяснительно-массовую работу среди немцев.

Силами комсомольцев отрядов и комсомольцев-подпольщиков были проведены в населенных пунктах беседы, читки газет, листовок и др.

В районах Белостока за время работы распространено и выпущено 1200 экземпляров листовок на русском, польском и немецком языках. Листовки, обращения доходили в город, а также и в немецкие гарнизоны.

Работа подпольного комитета комсомола проходила в очень трудных условиях, так как район был густо насыщен немецкими гарнизонами. Крупные гарнизоны противника размещались г. Белосток, Васильков, Супрасль, Хорошь, Черная Весь, Студянка, Сосновик и ряд других.

Комсомольцами проводилась работа по разложению немецких гарнизонов через посылку листовок и писем полицейским.

В последние 2 месяца комсомольские организации уделяли особое внимание вопросам связей с польскими пар-

тизанскими отрядами. За время работы по этому вопросу связались с двумя отрядами. Немало проделано работы комсомольцами-подпольщиками по выявлению антисоветских элементов в районе Белостока.

С Красной Армией соединились 14 августа 1944 г.

Секретарь РК ЛКСМБ /Зезюля/

Приложение 4

ХАРАКТЕРИСТИКА

*Выдана настоящая
Председателю Антифашистско-
го Комитета города Белостока
тов. ЧАПНИК Елизавете Иосифовне,
рождения 1922 года гор. Гродно,
по национальности еврейка,
член ВЛКСМ с 1940 года.*

Тов. Чапник Е. И. с января 1943 года до июля 1944 года работала на подпольной работе гор. Белостока под псевдонимом Мрозовская Мария Иосифовна. С января 1943 года по апрель 1944 года была членом антифашистского комитета, который руководил всей антифашистской организацией г. Белостока. С апреля 1944 г. командование партизанской бригады им. Кастуся Калиновского взяло руководство этой организации под свое влияние и назначило тов. Чапник председателем комитета антифашистской организации г. Белостока.

Тов. Чапник, будучи председателем комитета, хорошо организовала массово-агитационную работу, ночью из леса от руководителей партизанского движения в той области приносила в город мимо полицейских и жандармов нелегальную литературу и газеты органа Белостокского подпольного комитета КП/б/Б и ЛКСМБ, передавала ее

руководителям антифашистских групп и ячеек, которые распространяли в г. Белостоке.

Слушали сводки Совинформбюро, размножали их на пишущей машинке и распространяли по г. Белостоку.

Хорошо организовала разведывательную работу по г. Белостоку, давая весь материал штабу бригады им. К. Калиновского. В штаб бригады им. К. Калиновского дала план г. Белостока с нанесением на нем обстановки, воинских частей, зенитной артиллерии, полиции, гестапо, промышленных предприятий. В период наступления РККА комитетом был дан план г. Белостока с нанесенной на нем обстановкой и минированием участков на 20-го июля 1944 года, который штабом бригады был послан за линию фронта, и 21 июля командир соединения 3 армии его получил, дав хорошее одобрение за эту работу.

Тов. Чапник Е. И. много сделала в вооружении Партизанских Отрядов, пополнению в них личным составом, доставкой медикаментов, боеприпасов, топографических карт, компасов, ламп для радиоприемников и др. нужных для партизан материалов и вещей.

По заданию Комбрига Подполковника Войцеховского вступила в Польскую нелегальную национальную организацию «Сикорцизна», передавала все необходимые сведения и их литературу Штабу Бригады, а также устроила встречу представителей польских партизан с Командиром Бригады Войцеховским.

Тов. Чапник составляла списки с указанием места жительства антисоветского элемента, эти списки были переданы Начальнику особого отдела соединения генерал-майора Капуста тов. Петриченке.

Тов. Чапник Е. И. на всем протяжении своей активной работы в антифашистской организации г. Белостока показала себя смелой, настойчивой и активной патриоткой нашей Советской Родины.

На работе показала свою преданность делу партии Ленина-Сталина.

Тов. Чапник Е. И. представлена к правительственной награде.

Командир Бригады им. К. Калиновского подполковник
/Войцеховский/

Комиссар Бригады /Осипов/
Начальник штаба лейтенант /Чудинов/

Приложение 5

Штаб партизанской бригады им. К. Калиновского,
12 сентября 1944 года,
гор. Гродно.

СПРАВКА

Дана тов. Руд Анне Абрамовне рожд. 1918 г. в гор. Гродно в том, что она работала в антифашистской организации гор. Белостока /Руководимой с мая месяца 1944 года штабом бригады им. Кастуся Калиновского, Соединения Генерал-Майор КАПУСТА/.

Тов. Руд А. А. находилась в антифашистской организации города Белостока с января 1943 по июль 1944 г. Работала подпольно под псевдонимом КИСЛА Агата.

С января 1943 г. состояла членом комитета антифашистской организации, который организовал и руководил всей антифашистской работой гор. Белостока. С августа месяца 1943 была связной с еврейской партизанской группой «Вперед», которая действовала в Изобском массиве Белостокской области. Ночью переносила оружие, амуницию, батареи для радиоприемников, карты топографические нужных районов, компасы и проч. Итак, 26 сентября 1943 г. тов. РУД перенесла вместе с Марусей Ружицкой – членом антифашистского комитета, танковый пулемет. Несмотря на риск своей собственной жизни, только учитывая ту ценность, которую представляет оружие для партизан, тов. РУД, выполняя задание по доставке оружия, ко-

торое необходимо было днем перенести через весь город, по пути движения встретила патрулирующих жандармов, не растерялась, не бросила багажа, а с оружием и боеприпасами кинулась уходить, и только благодаря ее настойчивости и решительности – оружие и амуниция были доставлены на место назначения.

В квартире тов. РУД находился передаточный пункт оружия, медикаментов, гранат, соды и пр. для партизанских отрядов.

Передавала штабу партизанской бригады ценные разведанные данные: размещение, наименование, количество воинских частей, расположение зенитной артиллерии, гестапо, промышленных предприятий, аэродромов. В течение июля месяца тов. РУД следила за минированием важных военных объектов, улиц, жилых зданий, шоссе, дорог и проч. Эти сведения передавала штабу бригады, который в свою очередь переслал через линию фронта и вручил командиру соединения III-й Армии тов. Коновалову.

Тов. РУД А. составила список с указанием места жительства антисоветского элемента. Этот список передан Начальнику Особого Отдела Соединения генерал-майора Капуста – тов. Петриченко.

Тов. РУД проявляла в работе антифашистской организации инициативу: так 24 июля вывесила на 4-х учреждениях: «Actung» – это значит «внимание – эпидемия». Таким образом немецкие саперы, боясь эпидемии, не заминировали эти здания.

Тов. РУД А. А., работая подпольно 19 месяцев под игом террора гестапо, показала себя храброй, выдержанной, решительной, конспиративной, преданной делу партии ЛЕНИНА-СТАЛИНА.

Тов. РУД А. А. представлена к Правительственной награде.

Командир бригады имени К. Калиновского подполковник – /Войцеховский/

За командира бригады им. К. Калиновского

подписал – Чудинов.
Комиссар бригады им. К. Калиновского – Осипов.
Председатель антифашистского комитета гор. Белостока – Чапник-Морозовская.

Приложение 6

Ф. Ф. Капуста. В Белоруссии.

...В мае 1943 года я получил задание совершить переход с небольшой группой в Белостокскую область, для того чтобы там, в глубоком тылу, разжечь огонь партизанской войны.

...Население области было терроризировано двумя годами немецкого владычества. Нередки были случаи, когда немцы засылали к жителям шпионов и предателей, выдававших себя за партизан, поэтому жителям приходилось действовать крайне осмотрительно. И все же не было ни одного города, ни одного села или местечка, где бы мы не имели своих верных людей – связных, выполнявших все наши задания.

Об одной такой связной мне и хочется в заключение рассказать. Это была девушка небольшого роста, скромная, но очень развита, хорошо владеющая немецким языком, жительница Белостока, она жила по чужому паспорту и называлась Марией Ивановной Морозовской. Настоящая ее фамилия, как я потом установил, была ЧАПНИК – Лиза ЧАПНИК. Всего за два года до немецкого нашествия, в 1939 году, она узнала Советскую власть и, поняв великую правду коммунистических идей, целиком посвятила себя борьбе с фашизмом. Для того чтобы помогать нам, она пошла работать в немецкую комендатуру.

Командир одной из бригад, входивших в мое соединение, Николай ВОЙЦЕХОВСКИЙ, получил от меня приказ дислоцироваться вблизи БЕЛОСТОКА. Проникнув с небольшой группой в Белостокский лес, он стал знакомить-

ся с обстановкой. Действуя крайне осторожно, проверяя сведения, он узнал, что в городе имеется надежный человек, девушка, крепко связанная с местными подпольщиками. Это была Лиза ЧАПНИК. ВОЙЦЕХОВСКИЙ поставил перед Лизой задачу: добыть нужные сведения и завербовать людей среди работников немецкого оккупационного аппарата, способных и согласных работать по нашим указаниям. Эту чрезвычайно трудную задачу ЧАПНИК выполнила отлично.

Советская Армия уже приближалась к Белостоку, немцы были деморализованы. С помощью ЧАПНИК нам удалось установить все, что ими делалось накануне оставления города, – что и где было ими заминировано. Этот план, добытый ЧАПНИК, мы получили своевременно и переслали командующему армией, приближавшейся к Белостоку. При вступлении в город благодаря этим же сведениям удалось захватить боеприпасы и склады противника.

Сборник “Партизанская дружба”, Москва, 1948, стр. 95–96.

Приложение 7

Первому секретарю ЦК КП Белоруссии товарищу Машерову П.М.

В годы Великой Отечественной войны в г. Белостоке действовала большая антифашистская организация, в которую входили советские, польские и немецкие патриоты. Ее деятельностью руководил созданный в декабре 1942 года Белостокский антифашистский комитет. С апреля 1944 года председателем комитета была Елизавета Юсифовна Чапник, ранее являвшаяся членом подпольного руководящего центра. Работа комитета стала более разнообразной и напряженной после того, как была установлена связь со штабом партизанской бригады имени Кастуся Калиновского (комбриг Войцеховский Н.К.) и секретарем Белостокского подпольного горкома комсомола Иваном Нестеровичем Скринником. Очень важным делом стала разведка, снабжение партизан боеприпасами, medica-

ментами, типографскими картами. С большим риском для жизни подпольщики добывали оружие и переправляли его из города партизанам. К июню 1944 года антифашистская организация насчитывала 115 человек.

Комитету удалось привлечь к подпольной работе четырех немцев, настроенных против Гитлера. Это были Шаде Артур Вилли, Отто Бенешек, Буссе и Александр Боле. Последний был польским гражданином из Белостока. Все они были в возрасте 40–50 лет. Немцы-антифашисты оказали большую помощь Белостокскому антифашистскому комитету и партизанской бригаде имени К.Калиновского. В отчете о работе антифашистской организации гор. Белостока, написанном Лизой Чапник, сказано: «...доставляли пистолеты, винтовки, автомат, гранаты. Из Кенигсберга привезли карты, компасы, планы городов Белостокской области и Восточной Пруссии. Распространяли на немецком языке листовки и сводки Совинформбюро, доставали части и питание для радиоприемников. Один из них часто доставал легковую автомашину для перевозки в лес оружия, медикаментов для партизан. Часто доставали пропуска для поездки поездом связным комитетом в отдаленные станции. Передавали тайные документы и решения гестапо и гитлеровской партии антифашистскому комитету и доставали очень ценные разведданные». (Нацархив ЦК КПБ. Фонд 3635, оп. 1, д. 9, стр. 87–90). Лиза Чапник дважды приезжала в лес вместе с Шаде и Буссе для связи с командиром партизанской бригады Войцеховским. Артур Шаде, получив приказ от немцев о выезде из Белостока, ушел в июне 1944 г. в партизанский отряд им. Матросова бригады им. К.Калиновского. После освобождения Белостока был направлен в Минск.

После долгих поисков мне в 1964 г. удалось найти в ГДР Шаде Артура Вилли. В настоящее время он является членом СЕПГ, работает директором фабрики авторучек в гор. Пёснеке, проживает по ул. Грюнеберг, 9. Ему 65 лет. На него получена положительная партийная характеристика с райкома СЕПГ г. Пёснека.

Учитывая заслуги и помощь, оказанную им Белостокскому антифашистскому комитету и партизанской бригаде, прошу представить гражданина ГДР Шаде Артура Вилли, 1900 года рождения, к правительственной награде – ордену Отечественной войны I степени и юбилейной медали «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне».

Считаю, что его награждение послужит еще большему укреплению дружбы между народами Советского Союза и Германской Демократической Республики.

По существу не отмечены заслуги и председателя Белостокского антифашистского комитета Чапник Е.И. (она награждена медалью «Партизану Отечественной войны I степени»). Представить материалы на остальных членов организации в настоящее время не представляется возможным, так как деятельность всего Белостокского подполья еще полностью не раскрыта (на это понадобится еще некоторое время).

К настоящему письму прилагаю следующие документы:

1. Характеристика на Шаде, написанная бывшим председателем Белостокского антифашистского комитета, ныне преподавателем Рязанского пединститута, кандидатом филологических наук Чапник Е.И.

2. Характеристика райкома СЕПГ г. Пёснек на Шаде А.

3. Письмо Шаде от 1 февраля 1965 г. Верхось В.П.

4. Письмо Шаде от 3 апреля 1965 года Лизе Чапник.

5. Справка бывшего командира отряда им. К.Калиновского, ныне секретаря Гродненского отделения союза писателей БССР Карпюка А.Н. о деятельности Шаде в годы войны.

6. Фотография Шаде Артура Вилли.

О деятельности Белостокской антифашистской организации более подробно рассказывалось в моих статьях, опубликованных в республиканских и областных газетах:

1. «Девушка из Гродно» – «Гродненская правда» 9 мая 1958 года, № 91 (3946). Статья перепечатывалась в газете Рязанского пединститута «За педагогические кадры» 21 июня 1958 года № 15.

2. «Отважная Лиза Чапник» – «Знамя юности» 18 июня 1958 года № 119 (3230).

3. «Поиск продолжается» – «Гродненская правда» 3 июля 1964 года № 130 (5524). Эта статья была перепечатана в «Газете Бялостоцкай» (ПНР) 10 июля 1964 года № 163 (4023).

4. «Живет у памяти» – «Чырвоная змена», 1965, № 76.

5. «Годы, отданные борьбе» – «Гродненская правда» 12 января 1966 г. № 8 (5917).

Зам. зав. отделом пропаганды и агитации Гродненского обкома КПБ,
кандидат исторических наук – В.Верхось.
26.1.-66 г.

Приложение 8

Перевод с немецкого **Песнек, I. II-1965**

Артур Шаде
Пёснек (Тюрингия, Грюнеберг, 9)

Дорогой товарищ Верхось!

Я благодарю Вас за письмо, в котором Вы передали мне статью из «Гродненской правды». Этим Вы доставили мне большую радость. Я благодарю Вас также за то, что с Вашей помощью я установил связь с нашей мужественной Лизой Чапник. Она прислала мне письмо, которому я очень рад. Я хочу ответить на Ваши вопросы:

1. После установления связи с антифашистским комитетом нам поручили устроить на работу на наши предприятия членов антифашистского комитета, чтобы дать им возможность иметь свободное передвижение и свободу действий. В моей квартире на фабрике № 4, а затем на заводе № 2 встречались руководящие члены организации и принимали участие Буссе, Бенешек, Боле. Если я не ошибаюсь,

то была встреча и с секретарем горкома Иваном Скринником, на которой были поставлены новые задачи.

После больших усилий я приобрел радиоприемник, так что мы получили возможность регулярно слушать передачи московского и лондонского радио. Услышанные известия мы размножали на машинке и раздавали членам организации. После этого боевые силы организации стали крепче. Помогая в работе тов. Чапник, я предоставлял ей, так же, как и тов. Бенешек, машины, имеющиеся в нашем распоряжении: легковой автомобиль, грузовую машину и такси. Через сведения, передаваемые немецкими антифашистами, антифашистский комитет был постоянно информирован о планируемых действиях оккупантов: как о прочесывании улиц, облавах, раскрытии тайных явок подпольщиков, чтобы своевременно предостеречь товарищей. Для меня лично большой помощью в получении сведений было то важное обстоятельство, что на фабрике № 4, которой я руководил, работал один из польских мастеров-фольксдойч, сын которого был в СС. Используя это, я мог дать комитету важные сведения.

Наша задача заключалась также в том, чтобы сопровождать членов организации на тайные встречи и обратно.

Помощь командованию партизанской бригады состояла в следующем:

Весной 1944 г. тов. Лиза Чапник приводила Буссе и меня на встречу с командованием партизанской бригады, которая действовала в то время в лесу около Белостока. На встрече с командованием я просил майора Войцеховского принять нас в партизанскую бригаду. На встрече было решено, что мы будем прежде всего продолжать работу в Белостоке и помогать бригаде путем подготовки данных о составе аэродрома Белостока, топографических карт, добытанием оружия и боеприпасов, а также одежды и продуктов. В этом направлении мы продолжали нашу работу и оказали бригаде хорошую помощь. У меня была возможность установить связь с одним полицейским из расположенной в Белостоке воинской части, которая особенно ис-

пользовалась в борьбе против партизан. Таким образом, я был в состоянии передавать партизанской бригаде важные сведения о времени и направлении действий полиции. С помощью подкупа этого полицейского я получил оружие и боеприпасы, которые я передал связистам, а они перенесли его в партизанскую бригаду.

В апреле 1944 г. я поехал на повозке с Лизой Чапник и 4 членами организации второй раз навстречу с командованием партизанской бригады, чтобы передать оружие и другие материалы. Четверо остались в бригаде, а я вернулся с Лизой. На встрече было также решено, что немцы-антифашисты должны были перейти к партизанам в случае эвакуации Белостока.

2. В связи с наступлением Советской Армии на 16-17 июня 1944 г. была назначена эвакуация Белостока. Все жившие в Белостоке немцы должны были прибыть на вокзал 17 июня в 9 часов. Так как я твердо решил дальше бороться в партизанской бригаде, я поехал рано утром 17 июня еще раз к Буссе и Бенешек. Но Буссе я уже не встретил, а Бенешек не мог решиться идти со мной, так как боялся, что он не выдержит этот напряженный труд. В это же утро он уехал последним поездом в Германию. Так как я приблизительно знал место расположения партизанской бригады, я поехал на велосипеде в направлении Супрасли. Завернув в одеяло, я взял с собой два советских автомата и 2000 патронов в рюкзаке и армейский пистолет. Далеко за Супраслью я встретил разведчиков партизанской бригады, и они меня привели к месту расположения бригады. Моя деятельность в бригаде состояла в несении караульной службы и разведки, которую я проводил всегда с одним советским партизаном. После занятия Белостока Советской Армией бригада на последней неделе июля 1944 г. направилась в Белосток.

3. После возвращения в Германию я стал членом КППГ и сейчас я член СЕПГ.

4. К сожалению, я не могу Вам назвать довоенный адрес А. Боле. Так как Боле всю войну жил в Белостоке, это можно было бы выяснить там.

Возвращаясь к Вашему первому письму, я могу Вам сегодня назвать имя руководителя СС и полиции в Белостокской области с 1942 года. Его имя: Вернер Фромм.

Передаю Вам снимок, который Вы хотели иметь, и надеюсь, что Вы будете довольны им. Желаю Вам больших успехов в дальнейшей работе.

С дружеским приветом, Ваш Шаде.

Приложение 9

Перевод с немецкого **Песнек 3.IV.1965 г.**

Артур Шаде

Дорогая товарищ Чапник!

Я получил Ваше письмо и сердечно благодарен. Я также благодарен за фотографию, такой я Вас всегда помнил.

Как Вам должно быть известно, в ночь на 30 января 1945 г. я был заброшен через линию фронта и прыгнул недалеко от Зольдин в Ноймарк. В тяжелейших условиях мне удалось добраться до Песнек, и там я находился у своего отца. Поскольку, однако, мое пребывание стало очень ненадежным, я попытался добраться в расположение советских войск, пробился до Риза и явился в распоряжение советской Комендатуры. Отсюда через Прагу и Цитау я вернулся в июле 1945 г. снова в Песнек и включился в восстановительные работы. С 1946-48 гг. я работал в Веймаре инспектором-приемщиком при отделе репарации Советской военной администрации в Германии. С 1948 г. я все свои силы успешно посвятил восстановлению и развитию национализированных предприятий. Чтобы лучше справиться с работой в народном хозяйстве и углубить мои политические знания, я настойчиво занимался самообразованием, посещал партийные школы и школы

хозяйственного управления. С гордостью я могу сказать, что и я внес свою скромную долю, чтобы лучшая Германия, наша Германская демократическая республика, крепла ото дня на день.

Моя деятельность в антифашистской организации и партизанской бригаде была для меня временем прозрения, она мне указала со всей ясностью путь и цель нашей будущей жизни.

Дорогая товарищ Чапник! Моя жена также вступила в 1945 в члены Коммунистической партии Германии и за прошедшие годы проводила активную сознательную политическую деятельность. Она является депутатом парламента города Песнек и принимает активное участие в общественной жизни различных организаций.

Моя жена хорошо Вас знает, как будто Вы встречались, ибо часто беседуем о моей деятельности в Белостоке, и она активно участвует в нашей переписке.

Я благодарен Вам за то, что вы списались с товарищами из Белостока, и жду от них вестей. Пару дней тому назад я получил письмо от тов. Александра Омелиановича из редакции Белостокской газеты, письмо еще переводится, и я ничего пока о нем не могу сказать.

Дорогая товарищ Чапник!

То, что Вы считаете возможным осуществление встречи с Вами и другими товарищами, наполняет меня большой радостью и является для меня большой наградой. Будем надеяться, что это станет возможным. Мы сейчас усиленно готовимся к 20 годовщине освобождения от гитлеровского фашизма благодаря славной Советской Армии. Это должно стать днем благодарности и радости.

Я очень признателен за привет от Ани, сердечно желаю ей всего наилучшего.

Посылаю Вам фото мое и О. Бенешка, которое снято в парке гор. Белостока.

Вам, дорогая Лиза, и Вашей семье шлем сердечный привет.

Ваши товарищи Артур и Бианка Шаде.

Приложение 10

ХАРАКТЕРИСТИКА

Знаю Артура Шаде с начала 1943 года по сентябрь 1944 г. как члена подпольной антифашистской организации города Белостока. Будучи членом этой организации, Шаде принимал активное участие в борьбе с фашизмом.

А. Шаде работал управляющим текстильной фабрики в городе Белостоке. Он отличался гуманным отношением к рабочим, и через рабочих – членов антифашистской организации он был вовлечен в подпольную работу. Сначала давались ему мелкие поручения для проверки его надежности, затем он выполнял ряд ответственных заданий. Шаде состоял членом НСДАП (фашистской партии) и благодаря этому имел доступ к источникам информации.

По заданию антифашистской организации Шаде доставал бланки справок, удостоверений, медикаменты, оружие. А. Шаде предоставлял квартиру для подпольщиков и партизан. Разведчики партизанской бригады, в том числе и я, пользовались его машиной и повозкой.

А. Шаде помог создать ячейку из четырех немцев-антифашистов. Он распространял сводки Совинформбюро, доставал ценные разведданные о расположении войск СС и СД в Белостоке и Белостокской области, карты с расположением воинских частей и огневых средств. Карта с разведданными и точным указанием мест размещения мин перед отступлением немцев была передана через линию фронта связным партизанской бригады им. К. Калиновского и вручена командиру дивизии III Белорусского фронта полковнику Коновалову.

Во время жесточайшего террора с большим риском для жизни А.Шаде и другой немец антифашист Буссе вместе со мной ездили в лес в штаб партизанской бригады им. К.Калиновского, где получали задания от командира бригады подполковника Н.К. Войцеховского.

В настоящее время А.Шаде – член социалистической единой партии Германии, проживает в городе Песнек, ГДР.

Характеристика дана для предоставления в ЦК Компартии Белоруссии.

(Подпись) Чапник Е.И.

член КПСС с 1946 г.

№ партбилета 02971388

Личную подпись члена КПСС партийный билет № 02971388 тов. Чапник Елизаветы Иосифовны заверяю.

Секретарь первичной партийной организации Рязанского государственного педагогического института 8 января 1966 г. – Мелехин.

Заверена печатью.

СПРАВКА

О помощи, оказанной немцем Артуром Вилли Шаде в период Великой Отечественной войны советским партизанам и Красной Армии, я могу сообщить следующее.

Одно время мне довелось командовать партизанским отрядом, который действовал между Белостоком и Гродно. Наряду с боями и диверсиями, мы вели еще и разведывательную работу. В Белостоке был в то время очень влиятельный и хорошо организованный антифашистский комитет, который возглавляла комсомолка из Гродно, еврейка по национальности, 22-летняя Лиза Чапник. Этот комитет имел в своих рядах и нескольких немцев-демократов, которым Лиза Чапник давала иногда серьезные поручения.

На востоке фронт к тому времени перемещался, немцы вынуждены были аэродромы с авиацией дальнего действия перебазировать из Смоленска в Оршу, из Орши в Минск и, наконец, из Минска – в Белосток. Нашему командованию понадобились сведения о месте их расположения.

Однажды (где-то в конце мая 1944 г.) в мою деревню Страшево на легковой машине приехали из Белостока Шаде Артур Вилли с Лизой Чапник и моему отцу вручили для передачи партизанам пухлый портфель. Когда мы

потом в лесу познакомились с содержанием портфеля, то сначала не поверили своим глазам.

Шаде каким-то образом раздобыл и привез нам планы расположений белостокских аэродромов (кажется, их было два), всех зенитных установок, бомбоскладов, бензохранилищ и пр.

Портфель с чертежами и документами был немедленно передан в бригаду (нашему комбригу п-полковнику Войцеховскому, а оттуда его отправили в Москву. Через несколько дней наша авиация в ночном массированном налете на Белосток накрыла цель.

Артур Вилли Шаде еще много раз оказывал нам услуги, хотя они по значению уже были и не такими, как в вышеописанном случае. Нам непростительно, что такие видные борцы против фашизма и наши помощники в трудный для советской Родины час до сих пор не отмечены наградой.

Карпюк.

Бывший командир отряда им. К.Калиновского, ныне белорусский прозаик, секретарь Гродненского областного отделения союза писателей БССР, Алексей Никифорович Карпюк, прож. в г. Гродно, по ул. Ожешко 49, кв.4-6, т. кв. 38-85, служ. 35-75.

Подпись писателя А.Карпюка заверена В.Быковым и печатью. 21-1-1966 г.

г. Гродно.

Приложение II

ПРИКАЗ

по штабу партизанского движения Белостокской области

5 ноября 1943 года

Район леса Литичанская пуца, д. Голубы

№ 0016

п.1.

В целях лучшего выполнения поставленной задачи партизанский отряд им. «Ал. Невского» реорганизовать в бри-

гаду из 2-х отрядов, которые именовать: отряд им. «Ал. Невского» и отряд им. «Ванды Василевской».

Бригаду назвать – бригада им. «Ал. Невского».

Командиром бригады назначаю лейтенанта Ещенко Кузьму Николаевича. Комиссаром бригады – политрука Дайнеко Филиппа Петровича.

Начальником штаба бригады – ст. сержанта Железнова В.Г.

Начальником Особого Отдела – сержанта гос. безопасности Носова Л.И.

п.2

Отряд им. «Ал. Невского»

1. Командиром отряда назначаю старшего сержанта Аношина А.И.

2. Комиссаром отряда – политрука Кажурева М.П.

3. Начальником штаба – ст. сержанта Шевцова Я.К.

4. Уполномоченным Особого Отдела – Лукьянчик Алексея Михайловича.

Отряд «Ванды Василевской»

Командиром отряда назначаю – лейтенанта Сидоренко Григория Прохоровича.

Комиссаром отряда – мл. лейтенанта Кияна Василия Ивановича.

Начальником штаба – лейтенанта Гурьянова И.И.

Уполномоченным Особого Отдела ст. лейтенанта Василевского В.В.

п.3

Группу Авдонины влить в отряд «Звезда», создав партизанский отряд им. «Звезда».

Командиром отряда «Звезда» назначаю Казакова А.

Временно исполняющим должность комиссара отряда назначаю батальонного комиссара Авдонины Владимира Афанасьевича.

Начальником штаба отряда.....

п.4

Партизанский отряд «Суворова», «Котовского» влить в бригаду «Ал. Невского». Командиру бригады «Ал. Невско-

го» принять вышеперечисленные отряды и к 12-00 8 ноября 1943 г. доложить мне.

п.5

Из партизанских отрядов «Войцеховского» и «Звезда» создать партизанскую бригаду «Пролетариата».

Командиром бригады назначаю капитана Войцеховского Николая Калистратовича.

Комиссаром бригады – Осипова Евгения Гавриловича.

Начальником штаба – лейтенанта Чудинова Сергея Васильевича. Начальником Особого Отдела бригады – Дзевалтовского Георгия.

п.6

Партизанский отряд «Войцеховского» именовать отрядом имени «Кузнецких металлургов».

Командиром отряда назначаю Андреева Анатолия Евгеньевича.

Комиссаром отряда – лейтенанта Бондаревского Константина Дмитриевича. Начальником штаба отряда – лейтенанта Тризно Александра. Уполномоченным Особого Отдела – Табунова Дмитрия.

п.7

Командиру партизанской бригады им. «Пролетариата» принять партизанский отряд «Звезда» и к 12-00 8 ноября 1943 года доложить мне.

п.8

Приказ довести до всего личного состава.

Начальник штаба партизанского движения Белостокской области генерал-майор Костенко

Замначальника штаба капитан Сенкевич

Приложение 12⁶⁵

Секретно

ПРИКАЗ по штабу партизанского движения Белостокской области

20 декабря 1943 г.
Район леса Липичанская пуща
№ 023

п.1

Партизанскую бригаду им. «Пролетариат» с сего числа переименовать в бригаду им. «Кастуся Калиновского».

п.2

Приказ довести до всего личного состава.

Генерал-майор Костенко
Капитан Сенкевич

⁶⁵ Черепица В. Н. Уходили в поход на врага: партизанская бригада имени Кастуся Калиновского 1943–1944 гг. (по документам и материалам архива начальника штаба С. В. Чудинова. Гродно, 2012). Режим доступа: <http://www.elib.grsu.by/doc/5342>; дата доступа: 10.09.2014.

В октябре 1943г. указанная выше группа в составе 1) Ружницкая М.,
2) Ганник Лада Иосифовна 3) Гилницкая Хая Исидовна 4) Руд Анна Абрамовна
5) Тресман Лейб 6) Гилницкая Броня приступила к антифашистской
работе в лесу в Билосток. Данные т.т. учились до ноября 1943г. в
а другой части в лесу антифашистская организация состояла в основном из еврейской
молодежи некоей фамилии - это фамилия отца, так как мадамская Либа (Вильма)
Ганник (Билосток) и другие женщины имели еврейский организмов
антифашистской организации в лесу руководил Ружницкая М. широко развлекли
свою деятельность в Билостокские условия антифашистской работы по не из-за
на трудностях. Команду также установили контакт с группой лиц еврейской
патриотической, антифашистской, коммунистической, Лейб ф. Ганник В. Орлов и
Барбурен М.

Содержание напечатанного работы:
антисемитского характера

1. Вербовка в члены антиф организации

После проведения собеседований с рядом отдельных товарищей и группами на конспиративных квартирах были выданы составлены вопросы роста антифашистской организации приспособленной к условиям сурового фашистского преследования. Структура антифашистской организации т. предприниматель и угнетенный были. Такова антифашисты разделились по этажам в 2-4 человек. Группы объединялись от 3 до 4 человек, руководители группы толкуемые инструкции и общаются перед каждым. Имена отдельных людей не знали только друг друга а также их руководители. Устойчивость антифашист. организации в мае и ию 1944г. выросла до 80 человек.

В конце апреля 1944 г. в район Белосток прибыл мичман Бухарин
им. К. Рашидовского во главе с командиром полка Рашидовским. Тов. Бухарин

Руководитель подписывает анкету, организует 2. Валюха Гов. Изменил Лиза
использована для вызван в м.с. Комарово Вайсхавский. На первой беседе был
формально утвержден состав анкет Комитета в который вошли: председатели
Ком. 1. Гов. Валюха Г. И. члены Комитета. Руд. А.А. Рукшица А. Гропан
1. Вайсхавский Г. Вайсхавский А. Будучинский В. между которыми были
разрешены обязанности и составлен план работы на ближайшее время,
по выполнении которого даны конкретные указания.

В мае и июне 1944г. антифашистский комитет установил контакт с 2-м антифашистскими группами: 1) группа в количестве 30 чел. руководимая доктором И.П. Работновым. Для руководства Бельгического антифашистского комитета и 2) группа в количестве 15 чел., руководимая Эмилем ? и Работновым, самостоятельно. Местный орган и комитет мая и июня антифашистского органа в Бельгика направились в своих рядах 125 человек.

1-ая страница отчета, написанная
Л. Чапник в сентябре 1944 г.

Штаб
партизанской бригады
им. Костусь Колинковского,
г. Белосток

Справка

"....." 1944 г.

№

Дана партизану ~~отряда им. Костусь Колинковского~~ главу комитета антифашистской организации
Бригады им. Б. Калиновского тов. Руд. Янв. Черемовне

в том, что он действительно состоял в рядах партизан действовавших в
Белостокской области с "....." января 1943 по "....."
июня 1944 г.

в должности члена комитета антифашистской
организации в Белостоке

Командир бригады

им. Б. Калиновского

Подполковник

Начальник Штаба лейтенант

Комиссар бригады

/./ОСИПОВ./

/./ВОЙЦЕХОВСКИЙ./

/./ЧУДИКОВ./

ВРЕМЕННОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ № 62013

Предъявитель сего Барник
Близовата Иосифена (фамилия)
(имя и отчество)

Награжден приказом начальника Белостокского штаба
партизанского движения № 25/н от "....." 11 сентября 1944 г.

за доблесть и мужество, проявленные в партизанской
борьбе против немецко-фашистских захватчиков
Партизану Отечественной войны"

степени медаль №

Начальник Белостокского штаба
партизанского движения

Подпись вручающего
(должность и фамилия)

1945 г.

С П Р А В К А

О помощи, оказанной немцем Артуром Вилли Шаде в период Великой Отечественной войны советским партизанам и Красной Армии, я могу сообщить следующее.

Одно время мне довелось командовать партизанским отрядом, который действовал между Белостоком и Гродно. Наряду с боями и диверсиями мы вели еще и разведывательную работу. В Белостоке был в то время очень влиятельный и хорошо организованный антифашистский комитет, который возглавляла комсомолка из Гродно, еврейка по национальности, 22-летняя Лиза Чапник. Этот комитет имел в своих рядах и нескольких немцев-демократов, которым Лиза Чапник давала иногда серьезные поручения.

На востоке фронт к тому времени перемещался, немцы вынуждены были аэродромы с авиацией дальнего действия перебазировать из Смоленска в Оршу, из Орши в Минск и, наконец, из Минска -- в Белосток. Нашему командованию понадобились сведения о месте их расположения.

Однажды (где-то в конце мая 1944 г.) в мою деревню Страшево на легковой машине приехали из Белостока Шаде Артур Вилли с Лизой Чапник и моему отцу вручили для передачи партизанам пухлый портфель. Когда мы потом в лесу познакомились с содержанием портфеля, то сначала не поверили своим глазам.

Шаде каким-то образом раздобыл и привез нам планы расположения белостокских аэродромов (кажется их было два), всех зенитных установок, бомбоскладов, бензохранилищ и пр.

Портфель с чертежами и документами был немедленно передан в бригаду (нашему комбригу п-полковнику Войцеховскому), а оттуда его отправили в Москву. Через несколько дней наша авиация в ночном массированном налете на Белосток накрыла цель.

Артур Вилли Шаде еще много раз оказывал нам услуги, хотя они по значению уже были и не такими, как в вышеописанном случае. Нам непростительно, что такие видные борцы против фашизма и наши помощники в трудный для советской Родины час, до сих пор не отмечены наградой.

Карпюк.

бывший командир отряда им. К.Калиновского, ныне белорусский прозаик, секретарь Гродненского областного отделения союза писателей БССР, Алексей Никифорович Карпюк, прож. в г. Гродно, по ул. Ожешко 49, кв.46, т. кв. 38-85, служ. 35-75.

Подпись писателя А.Карпюка заверена Б.Быковым* и печатью.
2I-I-1966 г.

г.Гродно.

Верно: Хранитель архивов
Партийного института
Истории партии при ЦККБ М.Мадун -

* вероятно, в документе опечатка - очевидно, это В. Быков.

ШТАБ

Партизанской бригады
им. Н. Калиновского

12 сентября 1944 г.

гор. Гродно.

С П Р А В К А.

Дана тов. РУД Аниэ Абрамовне
рожд. 1918 г. в гор. Гродно в том, что она
работала в антифашистской организации
гор. Белостока /Руководимой с мая месяца
1944 года штабом бригады им. Кастуса Калиновского, Сое-
динения Генерал-майор Капуца/.

Тов. РУД А.А. находясь в антифашистской организации
города Белостока с января 1943 по июль 1944 г. работа-
ла подпольно под псевдонимом КИСЛА Агата.

С января 1943 г. состояла членом комитета антифа-
шистской организации, который организовал и руководил
всей антифашистской работой гор. Белостока. С августа
месяца 1943 года была связана с еврейской партизанской
группой "Вперед", которая действовала в Ивеевском мас-
сиве Белостокской области. Ночью переносила в лес оружие,
аммуницию, батареи для радиоприемников, карты топогра-
фические нужных районов, компасы и проч. Так, 26 сен-
тября 1943 г. тов. РУД перенесла вместе с Манусей Ружиц-
кой - членом антифашистского комитета, танковый пулемет.
Несмотря на риск своей собственной жизни, только учитывая
ту ценность, которую представляет оружие для партизан,
тов. РУД выполняла задания по доставке оружия, которое
необходимо было днем перенести через весь город, по пу-
ти движения встретила патрулирующих жандармов, не расте-
нулась, не бросила багажа, а с оружием и боеприпасами
кинулась уходить, и только благодаря ее настойчивости и
решительности - оружие и амуниция были доставлены на
место назначения.

Тов. РУД А. занималась агитационно-пропагандистской
работой, распространяя среди членов антифашистской орга-
низации нелегальную литературу, выданную подпольными
комитетами ЛКСИБ и КП/б/Б. Переводила сводки Совинформ-
бюро с русского языка на польский, для польского насе-
ления.

В квартире тов. РУД находился передаточный пункт
оружия, медикаментов, гранат, соды и пр. для партизанских
отрядов.

Передавала штабу партизанской бригады ценные развед-
очные данные: размещение, наименование, количество воин-
ских частей, расположение зенитной артиллерии, гестапо,
промышленных предприятий, аэродромов. В течение июля меся-
ца тов. РУД следила за минированием важных военных объектов
улиц, жилых зданий, шоссе, дорог и проч. Эти сведения
передавала штабу бригады, который в свою очередь переслал
через линию фронта и вручил командиру соединения Ш-й Армии
тов. Коновалову.

Тов. РУД А. составила список с указанием места жи-
тельства антисоветского элемента. Этот список передан
Начальнику Особого Отдела Соединения Генерал-майора Капу-
ца - тов. Петриченко.

Тов. Гуд проявляла в работе антифашистской организации инициативу: так, она вывесила на 4-х уч-реждениях надпись: "Внимание - эпидемия", это значит: "внимание - эпидемия". Таким образом немецкие саперы боясь эпидемии не заминировали эти здания.

Тов. Гуд А.А. работая подпольно 19 месяцев под игм террора гестапо показала себя храброй, выдержанной, решительной, конспиративной преданной делу партии ЛЕВИНА-СТАЛИНА.

Тов. Гуд А.А. представлена к Правительственной награде.

КОМАНДИР БРИГАДЫ имени К. КАЛИНОВСКОГО
ПОДПОЛКОВНИК - /ВОЛКОВСКИЙ/

За Командира бригады им. К. КАЛИНОВСКОГО
подписал - ГУДИНОВ.

КОМАСАР БРИГАДЫ
им. К. КАЛИНОВСКОГО - ОСИПОВ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ АГЕНТ. РАБОТНОГО
КОМИТЕТА ГОР. ЗАВОДОВА - ЧАЙНИКОВСКИЙ.

С подлинным верно:

М.С. Осипов

История

Выдана настоящая председателю антифашистского Комитета г. Белостока тов. Ганник Елизавите Мосеевны рожденной 1912 года по национальности еврейка, жена в браке с 1940 года.

Тов. Ганник Е. М. с января 1943 года до июля 1944 года работала на подпольной работе г.р. Белостока под псевдонимом Мрозовская Мария Мосеевна. С января 1943 года по апрель 1944 года была членом антифашистского Комитета который руководил всей антифашистской организацией г. Белостока. С апреля 1944 года командовала партизанской бригадой Капусты Каменевского, взяла руководство этой организацией под свое влияние и вновь назначила тов. Ганник председателем Комитета антифашистской организации г. Белостока.

Тов. Ганник будучи председателем Комитета проводила массово-агитационную работу, носила и сама до руководителей партизанского движения в этой области приносила в город много полицейских и жандармов немаленькую литературу и газеты органа Белостокского подпольного Комитета КПНБ и АК СМБ. придала ее руководителю антифашистской группы и Алексею которые и распространяли ее в г. Белостоке.

Служили сводки Совинформбюро развешивали их на минигуль Машинке и распространяли по г. Белостоку.

Кроме того организовала разведывательную работу по г. Белостоку давая все материалы штабу бригады им. К. Каменевского.

В штаб бригады им. К. Каменевского дала план г. Белостока с нанесенной на нем обстановкой - войсками частей, зенитной артиллерии, полиции, гестапо, правительственных предприятий. Ввиду наступления РККА войскам был дан план г. Белостока с нанесенной на нем обстановкой и отмеченными участками на 20^е июля 1944 года. который штабу бригады был послан за линию фронта и 21 июля командир соединения Зарин его получил, дав Коршу

Сашин устроила встречу руководителю этой бригады в лесу в Коммунистическом подполковнике Вайцховском.

Пов. Сашин много сделала в вооружении партизанских отрядов, пополнила в них своим вкладом, доставкой продовольственных боеприпасов, топографических карт, коммюне, а также радио, приемыши и другое нужное для партизан материалы и вещи. По заданию Коммунистического Вайцховского в Коммунистическую национальную организацию «Секретариат» передавала все необходимые сведения и их имитацию ибору бригады, а так же устроила встречу представителям польской партизан с командирами бригады К. Коммунистического Вайцховским.

Пов. Сашин на всем протяжении своей активной работы в антифашистской организации и Белостокской показала себя, смелой, настойчивой и активной патриоткой нашей Советской Родины. Не щадя сил и своего здоровья и жизни, под суровыми условиями встало производство борьбы за освобождение нашей Родины.

На работе показала свою преданность делу партии Ленина-Сталина!

Пов. Сашин представлена к правительственной награде.

Командир бригады

К. Коммунистического

подполковник

Наталия Штаба

Лейтенант

Комиссар бригады

Вайцховский

Осетов

Штаба

Штаба

1007

Литература и источники:

1. Архив ЦК КПБ. Ф. 3545. Войцеховский.
2. Архив ЦК КПБ. Ф. 3635. Оп. 1. Связка 1. Д. 9. Л. 87–90.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 1352. Оп. 1. Д. 7. Л. 62–98, 149–151, 155–158, 154–174.
4. НАРБ. Ф. 1377. Оп. 1. Д. 4. Л. 86–90 об.
5. Областной партийный архив г. Гродно. Ф. 20. Оп. 1. Связка 1. Д. 4. Л. 119–121.
6. Государственный архив Гродненской области. Документы, относящиеся к уничтожению евреев в Гродно. Т. 3. С. 449. Ф. 1. Оп. 1. Д. 54. Л. 38; инв. № 600. С. 170; инв. № 809. С. 449 (ин. литер.).
7. Аблова Р. Это было в Белоруссии. Москва, 1957.
8. Беркнер С. Жизнь и борьба Белостокского гетто. Москва, 2001.
9. Вашкевіч А., Госцеў А., Саяпін В і інш. Біяграфія гарадзенскіх вуліц. Ад Фартоў да Каложы. Гродна, 2012.
10. Верхось В. В борьбе закаленные. Минск, 1970. С. 44–70.
11. Зандман Ф. Через тернии к звездам. От Вишей – к «Вишей». Иерусалим, 1997.
12. Ицхар Н., Белицкая-Борнштейн Х. Одна из немногих. Тель-Авив, Морешет, 2011.
13. Карпюк. А. Данута. Минск, 1969.
14. Карпюк. А. На лесных стежках. Москва, 1964.
15. Карпюк А. Франтавы дзённік / Сучасны канфлікт. Мінск, 1985.
16. Карпюк А. Расставание с иллюзиями. Минск, 2008.
17. Крэнь І. П., Коўкель І. І., Нядзелька У. А. Антыфашысцкая група ў Гродзенскім гета / Гродна ў гады Вялікай Айчыннай вайны (1941–1945 гг.). Гродно, 1995. С. 105–106.
18. Мараш Я. Н., Плешавеня А. М. Гродзенскае гета / Гродна ў гады Вялікай Айчыннай вайны (1941–1945 гг.). Гродно, 1995. С. 87–92.
19. Мілеўскі Я. Е. Паміж чырвонай зоркай і сваastyкай / Гародня Х–XX стст. Каралеўскі горад з правінцыйным лёсам. Гародня, 2014.
20. Павач А. У польскай дзяржаве / Гародня Х–XX стст. Каралеўскі горад з правінцыйным лёсам. Гародня, 2014.
21. Партизанская дружба. Москва, 1948. С. 95–96.
22. Пивоварчик С. А. Гродно / Холокост на территории СССР: Энциклопедия. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЕН): Научно-просветительский центр «Холокост», 2011. С. 241–247.
23. Сабалеўская В. Габрэйская суполка і жыццё горада / Гародня Х–XX стст. Каралеўскі горад з правінцыйным лёсам. Гародня, 2014.
24. Саяпин В. Гродненский спорт: история и достижения. 1919–1939 годы. Гродно, «ЮрСаПринт», 2015. С. 189.
25. Черная книга. Под ред. В. Гроссмана, И. Эренбурга. Иерусалим, Тарбут, 1980. С. 203.
26. Беркнер С. Евреи в борьбе с немецким фашизмом в тылу врага // Корни. № 10. С. 92–123.
27. Хроника Белостокского гетто // Лехаим. № 11 (91). 1999.
28. Верхось В. Девушка из Гродно // Гродненская правда. 9.05.1958. № 91. Статья перепечатывалась в №15 газеты Рязанского пединститута «За педагогические кадры» 21.08.1958.
29. Верхось В. Отважная Лиза Чапник // Знамя юности. 18.06.1958. № 119 (3230).
30. Верхось В. Поиск продолжается // Гродненская правда. 3.06.1964. № 130 (5524). Эта статья была перепечатана в № 163 (4023) «Газеты Белостокской» (ПНР) 10.07.1964.
31. Верхось В. Живет в памяти // Чырвоная змена. 1965. №76.
32. Верхось В. Годы, отданные борьбе // Гродненская правда. 12.01.1966. № 8 (5917).
33. Grossman H. The underground army. 1965 (in Hebrew), New York, 1987 (in English).
34. Ingrid Strobl. Die Angst Kam Erst Danach Judische Frau im Widerstand 1939–1945 Frankfurt am Main, 1998. (German)
35. Bialystoker Stimme New York, 1994, 351–353. (Idish, English)

36. Omilianowicz A. Zanikające Echa. Warszawa, 1977. (Polish)
37. Tikva Fatal-Kna'ani. Liza Czapnik / Jewish Women Encyclopedia.
38. L. Chapnik. The Gdodno Ghetto and its underground / Women in Holocaust, Yale University Press, 1998.
39. Аарон Б. Ифлиец. Режим доступа: <http://www.chitalnya.ru/work/758290/>; дата доступа: 31.03.2015.
40. Аляксей Карпюк. Режим доступа: http://be.wikipedia.org/wiki/Аляксей_Карпюк; дата доступа: 10.10.2014.
41. Армия Крайова. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Армия_Крайова; дата доступа: 03.09.2015.
42. Белосток. Электронная еврейская энциклопедия. КЕЭ, Т. 1. Кол. 328–329; ЭЕЭ. Обновлено 13.02.2008. Режим доступа: <http://www.eleven.co.il/article/10488>; дата доступа 18.09.2014.
43. Белостокское гетто. Режим доступа: https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Белостокское_гетто; дата доступа: 10.03.2015.
44. Белостокско-Минское сражение. Режим доступа: http://ru.m.wikipedia.org/wiki/Белостокско-Минское_сражение; дата доступа: 10.03.2015.
45. Дзержинский, Феликс Эдмундович. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Дзержинский,_Феликс_Эдмундович; дата доступа: 25.08.2014.
46. Еврейский антифашистский комитет. Режим доступа: http://ru.m.wikipedia.org/wiki/Еврейский_антифашистский_комитет; дата доступа: 15.02.2015.
47. Лихтенштейн Эли. Российские евреи – основа вооружённых сил Израиля. Режим доступа: <http://www.elektron2000.com/node/436>; дата доступа: 11.11.2014.
48. Мать погибшего “русского” солдата: он любил страну и армию... Режим доступа: <http://izrus.co.il/obshina/article/2009-01-07/3306.html>; дата доступа: 11.11.2014.
49. О Вере Ивановне Прохоровой. Режим доступа: <http://aptimofeevsky.livejournal.com/10476.html>; дата доступа: 30.03.2015.
50. Памяти Веры Ивановны Прохоровой. Режим доступа: <http://www.antho.net/library/yacobson/advertise/vera-prohorova.html>; дата доступа: 30.03.2015.
51. Церемония памяти Алекса Машевицкого в лесу Лафав. Агентство еврейских новостей. Режим доступа: http://www.aen.ru/index.php?page=brief&article_id=59683; дата доступа: 11.11.2015.
52. Чем отличается «русский» солдат от израильского правительства. Режим доступа: <http://izrus.co.il/obshina/article/2009-08-17/5907.html>; дата доступа: 11.11.2014.
53. Шлойме. Режим доступа: <http://booknik.ru/today/news/shloyme/>; дата доступа: 31.03.2015.
54. Черепица В. Н. Уходили в поход на врага: партизанская бригада имени Кастуся Калиновского 1943–1944 гг. (по документам и материалам архива начальника штаба С. В. Чудинова. Гродно, 2012). Режим доступа: <http://www.elib.grsu.by/doc/5342>; дата доступа: 10.09.2014.
55. Bronka Klibanski, Holocaust survivor, partisan, woman of valor, 1923-2011 Режим доступа: http://yad-vashem.blogspot.co.il/2011_02_01_archive.html; дата доступа: 02.04.2015.
56. Comments to YaanTress's Photoshttp. Режим доступа: <http://vk.com/photos93388647acl>; дата доступа: 04.05.2015.
57. Narodnia. 90 лет Алексею Карпюку. Фотолетопись жизни. Режим доступа: <http://narodnia.com/be/uczora/pasliavajenny-hrodna/377-karpiuku-90-fotoletopis>; дата доступа: 15.01.2014.

В книге использованы фотографии из архивов семьи Чапников, Машевицких, А. Руд, В. Саяпина, Ф. Ворошильского, А. Ковалева, А. Лыкосова, В.А Карпюк, Интернет-ресурсов www.yadvashem.org, www.holocaustresearchproject.org, www.harodnia.com.

Содержание

Предисловие автора	5
Глава 1	
Евреи в Гродно	11
Глава 2	
Гродно. Семья и школа. (январь 1922 — июнь 1941)	17
Глава 3	
Начало войны (июнь — ноябрь 1941)	25
Глава 4	
В гродненском гетто. (ноябрь 1941 — декабрь 1942)	29
Глава 5	
Белосток. Связная белостокского гетто. (декабрь 1942 — август 1943)	39
Глава 6	
В антифашистском комитете Белостока. (январь 1943 — апрель 1944)	55
Глава 7	
С партизанской бригадой. Председатель объединенного антифашистского комитета (апрель — июль 1944)	68
Глава 8	
Белосток освобожден. Возвращение в Гродно. (сентябрь 1944 — август 1945)	86
Глава 9	
В Москве. Институт иностранных языков. (1945—1954)	93
Глава 10	
Борьба с болезнью Аллочки	107
Глава 11	
В Рязани. (1954—1990)	118
Глава 12	
На историческую Родину. (декабрь 1991)	134
Глава 13	
О Соломоне	141
Глава 14	
«Горячее сердце»	147
Глава 15	
Анна Руд	155
Шалом тебе	
«Земля, текущая молоком и медом»	167
Приложения	182

ОБ АВТОРЕ

Марина Александровна Шепелевич родилась 31 марта 1969 г. в городе Щучин Гродненской области в семье военнослужащего. В 1991 г. с отличием окончила филологический факультет Гродненский государственного университета им Я Купалы. В студенческие годы активно занималась научной работой (психология, литературоведение), стала лауреатом Всесоюзного конкурса студенческих работ (1990 г.), участник литературоведческих конференций, имеются публикации. С 2012 г. – сотрудник с Музея истории евреев Гродненщины, автор ряда проектов Музея (« В вечной памяти будет Праведник», «Из истории дневников, написанных в гетто» и т.д.). В соавторстве с Б.Э. Ерузалимом изданы «Материалы музея на Троицкой» (Москва, «Триумф», 2014).

М.А. Шепелевич, кроме работы, связанной с музейной деятельностью, занимается вопросами семьи. Она - секретарь старейшего Общества многодетных родителей «Семь Я» (председатель Г.Ф. Рудевич). Награждена Орденом Матери (2006 г.), победитель областного конкурса «Женищина года -2013».

Научно-популярное издание

Шепелевич Марина Александровна

**Путь девушки из Гродно:
еще одно восхождение**

Вёрстка, обложка: Александр Рыжий.

Подписано в печать 01.10.2015

Формат 60х84/16.

Печать Ризо. Бумага офсетная

Ус.печ.лист. 15,7 Ус.изд.лист. 16,8

Тираж 200 экз. Заказ 32/15

Издатель и полиграфическое исполнение

Общество с ограниченной

ответственностью «ЮрСаПринт»

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/388 от 01.07.2014.

ул. Карла Маркса, 11, 230015, г. Гродно

+375 152 77 18 20

+375 295 87 84 11